

Энди Купер

Я ВАМ НЕ ВЫ, или ВЫЦЫГАНИТЬ УСЛУГУ "ЛЮБОВЬ"

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Энди Купер

**Я Вам не Вы, или
Выщыганить услугу «Любовь»**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Энди Купер

Я Вам не Вы, или Выцыганить услугу «Любовь» / Энди Купер —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-97133-2

Почему для одних заняться сексом с партнёром, завести оттого семью, да просто заняться этим ради удовольствия - естественный процесс, для других же какая-то заоблачная роскошь, и стоит больших денег (что это вообще за ресурс такой, на что же его так не хватает-то вам, Землянам (из притчи про деньги и инопланетян))? Почему для одних друзья, а оттуда подруги - абсолютно нормально, для других они же - кучка "врагов", от которых бы держаться подальше, но мысленно к которым бы быть ближе, понять и спеться с ними, да что-то не понимается и спевается? Всё это у всех в разной степени и ситуации, но данная история тебя-такого как большинство тех "одних" отправит на экскурсию к редкому меньшинству - этим "другим", покажет и расскажет всё, что там творится, если тебе это интересно. Давайте прочтём это писание, сделаем выводы, научим знакомых, родных и детей и сделаем всё, чтобы такая история ни у кого больше не повторилась, а если и повторилась - то на самый минимум. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-97133-2

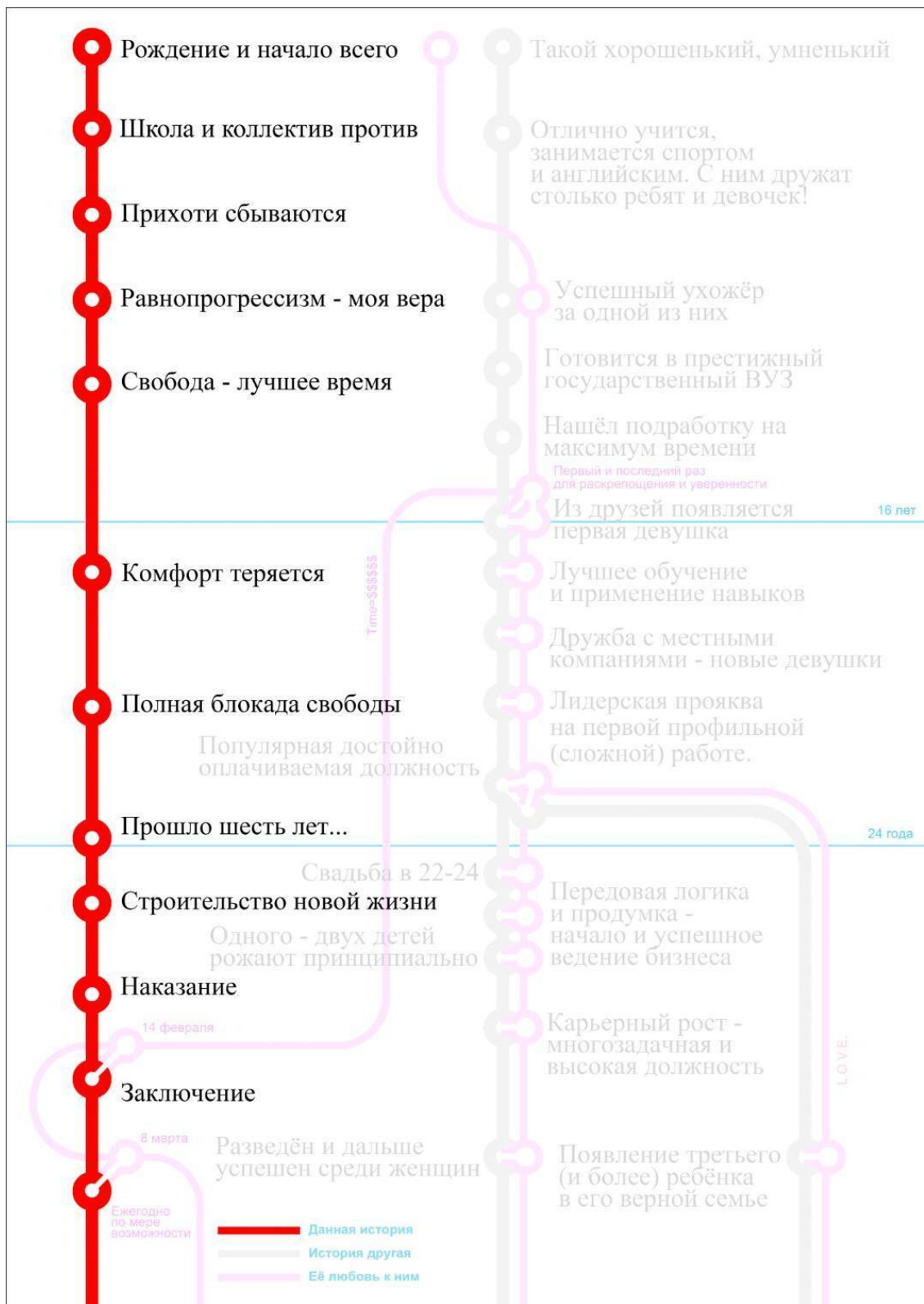
© Энди Купер, 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Вступление	7
Рождение и начало всего	13
Школа и коллектив против	22
Прихоти сбываются	50
Равнопрогрессизм – моя вера	67
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Энди Купер
Я Вам не Вы, или
Выцыганить услугу "Любовь"

Автор всех изображений в книге – Энди Купер.

«Нет ущерба морального хуже её безразличия за твоё неисправимое и непосильное. И смысла нет вызывать её жалость, но есть позора за это усугубление». Энди Купер.

Вступление

Дорогой друг! Эту книгу ты раскрыл возможно ради прикола, но скорее всего у тебя проблемы с самым прекрасным созданием природы и наличием от него к тебе самого главного, дорогого и неопишуемого чувства – любви и крепких отношений. Как полагается, это приходит абсолютно к каждому рано или поздно, в среднем в одно и тоже время. Большинство говорит тебе что не надо на этом заикливаться – всё произойдёт случайно, просто расслабься и не думай об этом, ты молод – у тебя всё впереди. Но время не стоит на месте, а то что надо – так и не происходит. Пройдясь по улицам и паркам мимо лавочек, побывав в любых общественных местах, придя домой и включив ящик, ты видишь одно и тоже: после непонятного тебе сюжета и последнего их разговора в фильме/сериале, они делают это прямо в машине, придолбившись к стене за углом, или ещё где-то от кого-то уединившись, украсив процесс бутылкой висок и парой бокалов. Проехавший с ними лимузин в шариках, лентах, и ещё пара машин вслед, могут окатить тебя не только волной пыли и грязи, но и чёрной зависти. Ему дозванивается жена, думая что он занят когда сбрасывает вызов, совсем не подозревая что телефон его сейчас в руке любовницы, с которой он отлично проводит время и от души расслабляется. Она держит его голову под своим подбородком, её нежная ладонь с длинными ногтями двигается по его спине, а кончики пальцев касаются его носа. Она сидит на его коленях и сама долго целует, не отпуская его щёку. Они вместе идут и о чём-то говорят, обхватив друг друга или взяв за руки. Стоя в очереди сзади, в одном из их телефонов ты видишь совместное фото. Видя же его одного или её одну, на экране его (её) телефона во время входящего звонка высвечивается это «злостное» (тебе) изображение и надпись звонящего контакта: «Любимый» («Любимая»). В социальной сети в статусе она пишет: «Спасибо тебе за тебя»; «Спасибо что терпишь меня люблю. Моё будущее неотделимо от тебя», или банально: «Люблю тебя»; «Ты моё всё!»; «С тобой я самая счастливая на свете!» Помимо неё-с кем он в отношениях, вживую и в чате в соцсети в ходе любого даже дельного разговора плюсуется дружеское сообщение «Ну поговори со мной» от коллеги по работе или другой девушки (в отношениях с кем-то другим) – за то что он просто всем интересен, пока для тебя роскошь такое сообщение даже от одной привлёкшей тебя представительницы противоположного пола, намекающей тебе привыкнуть не доставать без конца телефон с её что-то долго и странно молчащим контактом: раз нет от неё сообщений значит она тобой не заинтересовалась, и ничего тут не надо ни думать ни больше делать, если бы ты был ей интересен – она бы сразу тебе написала... Она устроила аж свидание с бывшим – которому она тоже бывшая, чтобы вспомнить лучшие моменты своей жизни, пока тебе она не была ни какой, и ты ей, и после всего лишь начального с тобой знакомства (живого общения, не более того) ушла от тебя с концами. Она рассталась с ним сама, но внутри души у неё могут быть к нему чувства; она понимает, что сама была не права и по дури устроила такую ситуацию. Она не может его забыть и не теряет с ним связь, пока расставшись с тобой, забудет тебя сразу и не сочтёт это ошибкой, сколько бы ты ей не писал со своими неиссякнутыми удивлениями произошедшему, и явно бесполезными своими чувствами, о которых она никогда уже не узнает и тебя не увидит. У них был прощальный секс, иногда возвращавший к её решению продолжить с ним отношения, чего он сам не ожидал, пока ты не ожидал что прошедшее успешное по-твоему с ней всего лишь уличное-первое живое свидание/знакомство будет последним. Тот же секс был у них случайно один раз, без чувств и её любви к нему, потому что так перепало или он схитрил и продумал, пока с тобой она лишь увиделась с сайта знакомств и прошлась чисто ради уважения к тебе и настырного твоего желания встречи, дав понять, что это также (как и то, что у ней было с ним, но большее чем у тебя) ни о чём не говорит. Она оправдывается в суде: «Ну чё, короче мы все немножко напились, и я вижу, что она начала клеиться к моему парню...» Он такой хороший что его любит не одна она. Ты же с

нулём и в погоне за переменами, можешь быть потерпевшим, получившим по морде за попытку подкатить к его девушке.

Папа – это тот, кто тебя вообще произвёл, мама – это та кто тебя вынесла и родила; бабушка/дедушка – это те кто сделали и вынесли их; дядя, родной/двоюродный брат – те кого они сделали и вынесли параллельно с ними и с тобой... Девушка (жена) – это та кто тебя любит... Но что-то вот этого уже нет – как раз самого желательного из вышеперечисленного...

Благодаря телевизору и видимому вживую, кажется, что достичь такой как «его» жизни просто как нечего делать, и что «он» – это все без исключения, но только не ты. Твой телефон имеет все контакты кроме желаемого, а та нежная и гладкая рука прикоснётся к тебе или ты к ней чисто случайно в переполненном транспорте, той же очереди, при стандартной мелкой помощи. И даже после случайного знакомства она не только не напишет и не скажет никому (из друзей и подруг) о тебе то классное что скажет о «нём», но и вообще больше не захочет тебя видеть и слышать, что уж говорить о каких-то чувствах с её стороны на твои смешные и бесспорно безответные.

Что может предшествовать такому недоразумению? С ясель, детского сада, в школе, в институте и на первой работе, попадая в разные общества, зайдя в места их скоплений, ты ждёшь лучшего, новых собеседников, но видишь одно и тоже: интересы и поведение окружения совсем не похожи на твои, а значит и обращение между ними другое – тебе чуждое. Твой разговор никто не слушает или слушает лишь поначалу, редко, а может и часто высмеивает, а сам ты очень скоро понимаешь, что с тобой не дружат, а некоторые вообще обозлены с первого на тебя-такого взгляда; более высокие их жизненные цели и позиции, часто иные запредельные условия и окружающая среда, понимание и справление с тем что во многом тебе не под силу, и как результат – непонимание тебя и доносимого тобой при всём твоём желании влиться в успешное и ответное содействие.

На почве же уважения, понимания и успешного общения создаются компании друзей-собеседников, их подруг, и отлично складываются темы для встреч и любых форм взаимодействия. Чтобы это достичь, во многих таких компаниях приходится быть не «маменькиным сынком», выдерживать законы этих обществ, физические прокачки, опасные игры их молодых, всё что тебе даже страшно. Но гораздо сложнее, страшнее и больше не по зубам – быть материально состоятельным, хитроумно пойти на любую преступность ради денег. Тоже происходит в совместных делах: хороших и криминально плохих, о чём создано фильмов, книг, и не здесь это обговаривать. Как в одних, так и в других, совершающие их или живущие сами по себе, являются чем-то стоящим, притягивают остальных, часто и не осознавая того: они просто живут, делая нравящееся, а не принуждённое. И если это правильно и интересно современности, – работа, тусовка, сидение в кафе, двор у дома, поход в клуб, на концерт или дорога в пункт назначения приносят награду: из массы кто-то кому-то становится интересен, попадая в желаемое им поле зрения. И чем выше его любая та нужная для того энергетика – тем выше и результат: его настоящее, прошлое и будущее быстрее притянет заслуживаемое...

Любовь. Самое дорогое и бесконечно описываемое чувство и удовольствие, сшибающее с ежедневного и ежегодного расписания всего остального; заставляющее думать только о нём, и с радостью видеть жизнь помимо него – за счёт конечно него. Самая большая награда заслуживающему его (после материального и медицинского благополучий конечно). Кино и книга об отношениях тебе также чужды, как и книга-наука о любой отрасли человеческой деятельности, интересы и общение людей тоже. Как же добывается в них уважение и появляется дружба? Вместо главного непростого смысла ты запоминаешь лишь лёгкое вступление, сущую невтемную мелочь в виде мимолётных картинок или пары-тройки фраз меж делом, не имеющих важной привязки к главной цели, и на которые остальным по-барабану. Тоже и во всей окружающей среде. А уж специфический твой внутренний мир и его интересы отражены в твоём странном поведении и даже телодвижениях. Как результат, начиная с этих самых ясель ты замечаешь

свою отрезанность от коллектива, но иногда пытаешься к нему обратиться для исправления ситуации, что вызывает лишь угар и недоразумение. Твои интересы не интересы никому; твои успехи – как нечего делать другим; твои долгие достижения – секундные достижения обладателя логики и инициативы. Твоё поведение временно удивительно смотрится лишь добрыми дядями-тётями и парой-тройкой попросту терпеливых и оптимистичных ко всему сверстников, чем ты пользуешься, считая их своими оттого «друзьями»; вызывает крайнее недоумение и терпит сквернословие от «врагов» – таких же людей, но шустропроворного, стервозного и слегка хулиганистого-обозлённого на всё что не так движется характера. Так, все они делятся на противников твоих и заступников, но количество первых странно доминирует. Ясли и детский сад перерастают в школу где всё это прогрессирует: несравнение с усложняемыми задачами обращает против буквально всех «не трогавших» тебя ранее, не предугадавших будущих твоих слабостей, и поэтому «любивших» когда-то. Время идёт, набивая цену и усугубляя требования. Что-то конечно не меняется никогда для всех – в основном СМИ и «культурные достояния», еда и любимые ближние-дальние уголки нашей среды обитания, продолжая радовать этих всех как и тебя в любом времени и возрасте. Но так или иначе все идут вперёд, и ты тоже, но дороги расходятся. По мере взросления и движения дальше, растёт статус твоего общества, а значит и спрос к тебе. Но ты не соответствуешь во многом, получая за такое как правило «сверх положенного»: самые «крутые» тыкают в тебя пальцем, а «оторванные» представители превратили в «мальчика для битья». И чем дальше – тем больше, о чём ещё до первых того фактов предупреждали родные: «Тебе тяжело будет в коллективе». Там же ты наблюдаешь симпатичных девочек, и никак не привлекающе тянешься за ними, в процессе чего можешь обидеть и в ответ схлопотать, а не только натворить глупостей. Они же тебя в упор не замечают, а иногда относятся не хуже «сорвиголов», да ещё и совместно с ними. Ты смотришь на сбор их в кучку или компанию, вслушиваешься в разговор, понимаешь его совершенно простым, но повторить и продолжить не можешь. В школе на перемене атакуют одни враги, что на уроке сменяются другими-более взрослыми: укатившее с той переменной физическое приставание, не связано поддержится и продолжится умственно-моральным, хорошо если всё это умеет отпускать хоть на время. Твоё нутро бесится, когда желаемая личность хвалит и любит всех, даже малознакомого, но ты словно исчезаешь в это время с полей её глаз и памяти... Так школу и институт наконец меняет работа, при которой уже должно быть всё хорошо, но увы и ах – хорошо снова не происходит, сбегаю куда-то опять на неопределённые сроки...

В конце концов, твоя материальная жизнь устаканена, и в округе никому непонятно что у тебя ещё могут быть за проблемы. Твои разговоры «не в тему» никогда никому не слышны. С самого детства по СМИ ты видишь множество красивых молодых девушек и взрослых женщин, мечтая просочиться в ту сторону экрана или наяву сблизиться с подобной – пусть видом попроще. Время проходит: с порядком развратным теликом и журналами уже конкурируют наглядные действия твоих сверстников 14 – 16 лет, а дальше – больше... Поход в гости к родным на праздные даты, и общение с ними-регулярно приглашающими тебя с самого детства и рождения – в твоём возрасте давно уже полный отстой, что также давно должен смениться походами к твоей (несуществующей к сожалению) любимой сверстнице в её компанию друзей-подруг; общение и что-то большее с ней и с ними под конец гостевания.

Ты никогда не слышал наставления родителей не начинать «гулять» рано-понимая что это так сладко, но чревато последствиями для неготового ещё организма, не видя ими (родителями) огромную тянущуюся к тебе в вашу квартиру уже сейчас с юных лет компанию друзей и подруг-в любой момент «готовых» с тобой – такое же стандартное как «учись хорошо», «читай книжки», «ходи на занятие в секцию», «не играй в видеоигры», «не ешь много жирного-сладкого», видя твоё к тому нежелательное для всех стремление вместо желательного к тому что нужно.

Твой отдых на курорте резко «унижается» при виде её-так привлекающей сделать шаг познакомиться явно для чего, но увы интуитивно неподступной, худенькой с большими длинными ногтями и наколками на теле на одном с тобой пляже и бассейне: к ней кажется можно и нужно подойти как положено (и как показано в тех же СМИ), провести незабываемое лето, и сделать ей о нём такие же памятные ощущения, но это почему-то не по твоим силам, и это большой твой тупик, мешающий нормально и здорово отдыхать один на один с собой, оскверняющий тебя самого. Хуже выглядит она-дождавшаяся (с минутной отлучки) своего любимого, у которого в отличии от тебя это лето есть, а после ныряющая с ним в одну с тобой воду, и вытирающаяся полотенцем недалеко от тебя, идущая с ним в такую же как и твою гостиницу, где ему будет очень круто – как и нужно в твоём возрасте, а тебе – пожирать пребывание с самим собой: не плохое само по себе, но плохое и низшее в сравнении с их жизнью и его удовольствием.

Дни праздников любви приходятся тебе лишними выходными днями, а успешной массе – изрядно большим: в одно время с тобой-просто сидящим дома за монитором или в гостях у этих опять родственников, она одела праздничный наряд, а он закупились вкуснотой и шампанским. Хорошие подарки сделаны, вариант встречи с друзьями закончен, а вечером их двоих ждёт шикарная ванная, усеянная лепестками роз, два бокала и пена, что прольются в себя и по себе... Целый мини-бассейн – если он хорошо на него (и другие богатства) потрудился. А после, в такой же усеянной постели, она нежно проведёт пальцами рук по его подбородку и слегка обхватит ногой, совместная ночь станет самой незабываемой в году. Она тоже захочет её повторить, и будет вспоминать как и он, выйдя на работу. Ты же, случайно посмотрев ни один фильм/клип на RU TV, где в таких сценах ещё и что-то ломается-разбивается, с ужасом лишь будешь думать о богатых среди этой массы, и что ванная эта в их доме/вилле и эти дорогие шампанские, бокалы с розами и другие сломанные предметы для их удовольствия, куплены и сделаны за твой счёт...

Почему же на всех участках жизни у тебя есть практически всё что угодно и все кто угодно, но только не она и не её чувства к тебе? Почему никогда не было и нет ситуации где ты на почве «просто так-случайно» ощутишь возможность к ней прикоснуться и сделать то что хочется больше всего? Почему ты несёшь букет цветов и подарков только гостям, учителю, руководителю, кому угодно, но только не ей-любимой своей? Почему в этих гостях ты видишь хорошо и плохо знакомую родню, их родню и друзей, и все собранные поколения, включая твоё, имеют пары, а ты один нет? То же на встрече, банкете и корпоративе – где твои симпатичные ровесницы или чуть постарше, увы «занятые» пришедшими коллегами и их друзьями, лишь уважительно, легко и приятно с тобой общаются как с другом (и ничего больше) – потому что ты «свой» (раз здесь), какой бы не был и что не говорил? Язык и влечение так и цепляют отношения с ними состряпать, коль внимательно и пристально она улыбается, округляет глаза и дакает на твою болтовню. Но увы – она же «занята» как и все пришедшие отдельно тусующими/рядом сидящими их парнями-мужьями, от чего тебя попросту бесит, подогревает на желание эту преграду пристрелить...

Почему на твой телефон звонят лишь родные и коллеги, из которых даже пожаловаться и выкурить мозг некому? И почему она с обнимкой вешаясь по-дружески (и больше), общается с любыми и любимыми другими, но к тебе не обратится и по делу? Она сложная характером и бросается сильными (из ряда решающихся к ней «на шаг вперёд»), а ты – так вообще лицо убогости ей. Она лёгкая и добрая в общении, и приятно с тобой поздоровается-попрощается словно ты ей интересен, но лишь начнёшь этим пользоваться как скоро упадёшь в огорчении: «свято место пусто не бывает». К сожалению, она такая никогда не «свободна», а ещё и без тебя знает что она такая, и имеет от того соответствующую себе цену. И ты сильно позавидуешь её заслужившему, ненавидя его за наличие у ней, и мысленно желая «убрать». Воспитанная, она медленно, но уверенно идёт с ним на большее, свершая всё прилично – в тайнстве от других.

Уверенная и жаждущая секса, в клубной одежде, с серёжками, длинными ногтями и в кепке, с накачанными губами, она смело и опытным движением берёт его-заслужившего это, ведя за собой по улице и паркам, с концерта и дискотеки. Её нежная рука не отпускает-держит, её губы целуют, она крепко взята в объятия, отдавая свои. Она прекрасна, умеет любить и открыть свои чувства – ведь рождена для того. Она сделает шаг навстречу сама кажись кому угодно, но только не тебе... Почему так?

Время идёт, но ничего кроме вас обоих старения не приближает собой. Она требовательна и вертится среди лучших. Она влюблена, и не за прирождённую его внешнюю симпатичность, а за полезные развитые качества – часто за статус и состояние, на десерт – за накачанное тело. Она любит потреблять не отдавая, пользуется его добротой и щедростью, и трудно даётся его хитроумности, имея встречную свою. Она выберет лучшего из всех, с которыми тебе не сравниться и близко; не лучшего на вид и статус этот, но будущего кажись хорошего отца детей, элементарно выдержанного, водителя машины, мужика, а не чуть что ноющего, решателя задач. Она просто любит другого, но не тебя...

Что он для этого сделал? И чего не сделал ты? Что же её так возбуждает в нём-чего нет у тебя, пока тебя и его в ней возбуждает лишь внешняя красота? Этот вопрос безжалостно мучает тебя в любых ситуациях: на рабочем месте, где видишь этого солидного злодея – с кем она в отношениях; видя свадьбу его с той которая во вкусе твоём; сцены по ящику, особенно с добавлением бьющихся предметов для картинки и усиления чувств; видя красивые состоятельные пары в роскошной жизни, думая, что работаешь на их карман; их прикосновения далеко, пройдя мимо, и близко, задевшие тебя в транспорте. «Так почему же его, а не меня?!» В твоих мечтах завладеть колдовством или большой и уголовно ненаказуемой физической силой нанести этому гаду смертельный удар, в полсекунды отпилить голову, и сказать ей: «Ну чё, всё. Теперь я вместо него. Если не я, то щас и тебя не будет...»

«Так что же «в реальности» и «по мирному» для этого нужно сделать, если не быть полностью другим?» – спросишь ты собеседника разумного. Но ни один совет его кроме непосильного тебе, не работает и не меняет ситуацию. В чём же проблема? Не заикливаться на этом уже действительно невозможно. Как же в конце концов подойти и познакомиться к ней-накрашенной, с минимумом одежды и красивыми наколками на теле, стоящей напротив тебя в магазине, выбирающей товар? Более скромной на вид, не думая, что она тоже знает себе и неожиданно для тебя заломит бо́льшую чем ты думал цену...? Сведёт ли с ума или наоборот заставит её покрутить пальцем у виска со словами «Слушай, хватит, а?» твой стих и приготовленные умопомрачительные признания-комплименты? Не слишком ли «легко» вот так всего лишь этим её можно взять? Есть ли у неё муж/парень, или он есть не дерево и подвинется – лишь увидит она тебя? И стоит ли подходить вообще, глядя на неё-прекрасно выглядящую и понимающую смотрящего тебя, и уже на данном этапе не делать этого дающую ответный намёк своим игнорирующим тебя взглядом? Кажется, этой внешностью она так и готова на любовь, и знает что это такое: может, то что такая она снаружи явно не для простого и нищоброда – есть миф? Вдруг изнутри она-вот эта окажется «не все такие» – и скажет «да» просто за то что ты набрался смелости и подошёл к ней...?

К сожалению, я не смогу помочь тебе заработать на квартиру, погасить кредит, предложить подработку и повысить твою зарплату; приставить отсутствующую ногу, руку, слышащее ухо и видящий глаз, мозг и тело без их синдромов, и обернуть твою внешность в большого мачо. Но даже на этот случай миром предусмотрен временный небольшой выход, о котором я расскажу. И я не буду учитывать детей богатых родителей или детей профессоров института, водящих им на ночь своих подписавшихся добровольно на то студенток ради зачётов: им просто так повезло, или в прошлой жизни они хорошо пострадали/на славу потрудились. Если же ты полноценен, здоров, молод, активен, у тебя есть всё что нужно для нормальной жизни хотя

бы по-минимуму, и хочешь узнать ответы на вышеподнятые вопросы – запасайся временем, энергией и желанием на долгую к ответам дорогу...

Готов? Ты поступил здорово и отлично! Итак, поехали...

Рождение и начало всего

1989 год. Москва. Июль. Молодое поколение с упоением слушает группу Roxette, а экраны тв плавно зарастают рекламой. В кабинетах стоят 286-е персональные компьютеры. Информация хранится на плёнках, цифровая на маловместимых в себя дискетах. В магазинах техники ещё продаются и являются современностью телевизоры с выпуклым экраном и кассетные проигрыватели. Где-то достраиваются «Брежневки» и строятся «П-44», а на местах домов и кварталов следующего века ещё радуют глаз пустынные поля и берега городских рек, леса, равнины, пастбища и колхозы. Ещё не так загрязнён воздух, меньше заболеваний и аномалий в природе: зимы холодные и снежные как надо, летом жарко и солнечно. Вокруг ещё не такие бешеные и озадаченные карьерой и деньгами люди. На крайнем севере ещё работают и добывают стране полезные ископаемые посёлки, основанные в начале века. От продуктовых магазинов и столовых за метры ещё пахнет вкусным натуральным хлебом и такими же остальными продуктами, а фабрики одежды и обуви ещё работают с нормальным, натуральным и прочным материалом. Всё это, именуемое «СССР», ещё только начинает сыпаться по кускам, а на юго-востоке города, в просторы уже давно существующего метро, с огромным опозданием начинается рождение-строительство его новой – Люблинской линии. Кроме неё ещё не достроены и не открыты, но скоро уже появятся (хотя также должны уже быть и очень ждятся) концы других линий: «Черкизовская» и «Улица Подбельского», «Ясенево» и «Новоясеневская», станция «Крылатское» и северный радиус линии серого цвета. Митинско же-Строгиский и Люблинско-Дмитровский пока ясно из-за чего бросаются на начальных стадиях, а моя мама с трудом переносит роды единственного – первого и последнего ребёнка в семье, и отправляется из московского роддома в область столицы – город-герой Химки. Вынос из автобуса на остановку «Юбилейный проспект» в белое пасмурное дневное освещение, откроет глаза после какого-то долгого невыносимого ожидания очереди в этот мир, наполнится бесконечной радостью в глазах себя и с улыбкой смотрящей матери: «Неужели жизнь началась...? Да... Началась!» Оттуда-из той остановки поведётся в недалеко находящееся первое жильё – двухкомнатную квартиру в одной из крупно-кирпичных пятиэтажек 60-х годов постройки, созданную, как и в ряд с ней стоящие несколько штук руками военных для их семей, потому выглядящую вечно передовым и самым лучшим домом, просто идеальным снаружи и внутри. Первые кадры этой наставшей жизни – недолгие торчания в сбербанках и магазинах, ошеломлённых начавшимся кризисом, но прошедшим мимо нас всего лишь шумом по ящику, и не затронувшим почти нисколько. Первое место общепринятого порядка времени – ясли и детский сад, врата в первые выходные – передача «Поле чудес» с интереснейшей заставкой телекомпания-производителя. «Визитной карточкой» первых суббот и воскресений станет поездка с мамой в Нахабино в посёлок «Павловская Слобода» к её маме и двум братьям в их трёхкомнатную квартиру, недавно покинутую из-за брака с моим отцом. Пару раз перепадёт и чуть подальше – в Дедовск к её сестре и её сыну, часто пересекающемуся со мной в той Нахабинской пятиэтажке 80-го года постройки, окружённой одновременным (на рождение) районом. В субботу с утра до обеда, после прохода через сквер Марии Рубцовой с большой круглой клумбой к Ленинградскому шоссе, предстоят четыре вида транспорта: бело-зелёный автобус, синее метро, тёмно-зелёная электричка, ещё раз автобус (позже маршрутка), и ещё 200 метров через квартал последнего и предпоследнего (на то время) поколений блочных пятиэтажек и их дворов. Обед, тамошняя приставка «Dendy», вечер, ночёвка, а в воскресенье дорога обратно и диснеевские мультки. Завтра первое содержимое трудовых будней безоговорочно продолжится, но всё происходившее два отрезанных дня недели, являлось независимым буквально ото всей основной жизни: здесь не было абсолютно ничего подобного пятидневным проблемам, и встречали добрые родственные люди, словно ничего не знающие об отдалённом мегапо-

лисе и его недельных суетах с совсем другими людьми, но там же была и всё портила преимущественная скукота. За счёт тогдашнего цвета электрички и такого же из её окна, посёлочная атмосфера начнётся сразу же по выходу из метро, и проходу вдоль дома Ленинградское шоссе 9к.1 к железнодорожной платформе «Ленинградская». Там же, к вечеру следующих суток она снова закончится, а спустившись обратно вниз к «цвету синему» в его логово на «Войковскую», как и вчера на «Речной вокзал», весь тамошний уют сразу же произведёт несладкое впечатление... Навсегда. Он мгновенно удивит лишь появится в жизни, будет казаться коротким и недолгим, его не будет хватать, без конца заговорится и задумается о нём...

С тех самых ясель и детского сада почувствуется нестандартное положение в коллективе: его совместные действия и общение покажутся непонятными – точнее неподобными своим, а его люди – взаимно желающими оградить от себя, что вызовет удаление куда-нибудь в сторону и обращение к тому что понравится и привлечёт видом. Возвращение же в скопление со своим предложением или действием, особым успехом увенчается. Первые вещи, что зацепят внимание и не сойдут с языка тоже:

Люстра из мультика «Малыш и Карлсон»; устройство, вбивающее сваи из мультика «Ну погоди»; королевский стул с зонтом на колёсах из «Бременских музыкантов» (под песню: «Если близко воробей...»); крутящийся подиум из «Угадай мелодию» и голова ВИДа с лицом Ярмольника до и после программы «L-Club»; летающий стол с арбузом из «Tom and Jerry» (серия: «Три маленьких ангелочка»), красный многофункциональный кот-робот (серия: «Плоды прогресса»), и убегающий от магнита кот, прилипший к стене сожранным куском металла; жонглирование ведущим тремя-четырьмя шариками из телеигры «Шпилька», жуткая на звук заставка из передачи «Момент истины», и неизвестно откуда офигенно классная заставка с жёлтым шарообразным спутником, его горячей лампочкой и образующими крест от него антеннами, летящим по разноцветному на облака небу вверх или вниз, а иногда показываемым близко; сцена химической фабрики из «Крокодила Гены»; коробка с игрушками-футболистами из «Необыкновенного матча» и тени крутящихся лопаток вентилятора на разных фонах из передачи «От Винта»; красный и зелёный горящие шары по центрам столиков с игроками из телешоу «Брейн Ринг», а также заставка «ATV» (1989-1997) – всё это и многое подобное привлечёт гораздо больше носимого за собой основного смысла и содержания, изрядно попытает собрать и повторить себя из имеющегося домашнего материала, а мир вне телевизора будет также богат нестойкими (в глазах других) заострения на себе внимания элементами, заполонившими рассуждение.

Разноцветные (на пластик) кнопочные компостеры в автобусах, захочется иметь игрушки дома; собрать побольше разноцветных опустевших пластмассовых капсул от Киндер Сюрпризов выполнится по мере возможности взрослых. В подобный «ход» ненадолго пойдут металлические пробки пивных бутылок, а также немятые красивые пачки сигарет «Mallboro» и «Rothmans» с теми шикарными логотипами. Увидев по ТВ анимационную заставку 1 телеканала Останкино (1992), по дороге от квартиры в Павловской Слободе до своего дома, на всех транспортах и пешком между ними, беспрестанно крутится рукоятка отобранной у той бабушки мясорубки, начав ещё с прошлого вечера там же, и закончив аж у себя дома, взглянув на мясорубку ближней бабушки (по отцу). Его же реакция, поехавшего тогда с нами, на такое будет бесчеловечной: скандал начнётся с обратного автобуса от остановки «Павловская слобода» вперемешку с вежливой, но бесполезной просьбой её доброго ко мне провожавшего от дома до первого транспорта владельца вернуть свою вещь для дела, и закончится с посадкой в электричку: из-за усталости и точной уже бесполезности (поздноты) это делать.

На три месяца летних каникул с 2-х лет, все первые места-территории жизни заменит территория лагеря «Костёр» в деревне Ларёво, построенного величайшими и ударными семидесятыми годами того же столетия. Мать, работавшая на заводе и отец от его завода, получали сюда путёвки, и с 18-ти лет работали вместе пионервожатыми. Как результат познакомились,

зачав меня. Отец, покинувший завод из-за начала развала, пашет на новой работе в Москве без отпуска лишь с выходными, а мать, на всё лето уехав в лагерь со мной, живёт и сотрудничает в административном корпусе, пока я через сотню метров варюсь в одном из пяти отрядных в аналогичном изобилии коллектива и его отношения. Хождение к ней в её приоткрытую укромную комнатку будет спасением, закрытая же дверь на замок по причине её отсутствия – большим разочарованием, а весь тот корпус с тремя разными, но сильными запахами (в коридорах, в душевой и в гладильной комнате), добрыми взрослыми и подругой матери с её двумя дочерьми, как и она посланной от очередного завода в здешние администраторы, станет очагом радости, вкусноты, а ещё уединит с полной свободой: простором в бесценный, но кротчайший отрезок первого в жизни летнего отдыха – безлюдный пересменок на пары дней в конце июней, июлей и мая месяцев (за день до приезда первой смены). Здесь же в кругу отрядов и их вещей будут новые пристрастия: собрать всех цветов зажигалки Cricket и всех тонов прозрачные зажигалки – разглядывая их стержни и чёрные крепления к головке; особо удивит ламповая квадратная цветомузыка в дискотечном зале, как и у многих помешанных возникнет желание иметь у себя в безграничных количествах очень актуальный предмет того времени – «кэпсы» и «биты» (круглые пластинки из картона и пластика с разной тематикой изображений: фильмы, игры, комиксы, машины), и специальную коробку-чехол для них – именно ту что с полушарообразной макушкой, изображённой на последующей иллюстрации. Понравится и детская юла именно та что на ней же, гораздо более заядлой мечтой иметь у себя будут увиденные в детском саду в 5 лет давно не выпускаемые шарообразные синие наполняемые песком гири – именно изображенные там же, чисто для красоты не более того, и именно такого цвета с синими и красными нижними крышками, и не продававшиеся тогда уже ни в одном магазине. Аналогично синими, а значит и показавшись им подобным, будут маленькие ручные «катапульти» для кидания красных и синих (продолжавших их по цвету) маленьких фишек от настольной игры «морской бой» в тамошней библиотеке. Насмотревшись золота куполов и прочих макушек на местных экскурсиях, захочется иметь такие же в уменьшенном виде, и если не в качестве игрушки, то в качестве шоколадной конфеты или в форме яйца, главное – в блестящей золотой гладкой обёртке. Это же желание возникнет и после тв рекламы (примерно 96 года) конфет куполообразных форм трёх вкусов, раскрывавшихся и вращавшихся в воздухе. Не оставит равнодушным и золотой цвет чашек и стволочков висячих в спальнях корпусов люстр, входящий в простые и удачные на форму сероголубоватые плафоны, и на десерт будет выключиваться как красивая штука пустой газовый баллончик оригинального дизайна верхней части. Там же элементом равнодушия станут вертикальные лестницы на крыши корпусов: такие длинные, узкие, недоступные, с верхними скругленными дугами – как бы по ним начать лазить и вообще не расставаться. То же с серебристо-блестящими лестницами в два бассейна, где слишком мало придётся находиться из-за неужных погодных условий и прихоти администрации. Приходящих бабушку с дедушкой упрится забрать домой на Большую землю, но увы и ах, пока не кончатся все три смены – этому не свершиться...

Осенью 95-го в шестилетнем возрасте, после детского сада и ужина я и собранные вещи отправятся в Анапу на двухнедельный материально несостоятельный отдых: частный сектор, грязноватое море и дополнительный (не скорый, медленный) поезд туда и обратно. Всё это утомит своей скукотой и жарой с первого же дня; напугает, ужалит и свалит с температурой из-за прикосновения с большой синей медузой, что через неделю-в последний день пребывания получит в ответ кинутой монетой прямо по репе с моста в честь повторного сюда прихода. На память, из материального останутся фото и горсть ракушек Чёрного моря по просьбе воспитательницы детского сада, так как ещё родителей с таким же достатком в группе, из-за «кризиса 90-х» не найдётся, из морального – останется, да ох как западёт в голову знаменитый советский аттракцион «Орбита» с полусферическими жёлтыми и голубыми шляпками над сидениями, поражающей внешней конструкцией, механической частью серых тонов, со входящими друг в

друга цилиндрами, держащими под углом 45 градусов подъёмную часть во время движения, и вращающими её шинообразными дисками. Повторить такое дома из конструктора и имеющегося материала в масштабе явно не получится, хотя с гидроцилиндрами подъёма будет игрушечная машина, именно этим и напоминающая хоть как-то ту каплю хорошего в море того для себя наилучшего.

Ещё до поездки, на День Рождения подарится 16-битная приставка «Sega Mega Drive-2» с её ярчайшей игрой «Sonic: The Hedgehog-2», напичканной привлекающими элементами, и очень уж затянувшей за подобием нормальной, а не будучи две недели плетущейся пустой изжаренной солнцем жизни на берегу Чёрного моря. Новый год сведёт с долгой, во всём более сюжетной третьей частью («Sonic: The Hedgehog-3»). В январские праздники в руки возьмётся игрушечная машина с прицепленным длинным крытым серым вагоном, красными задними фарами и скругленной формой крыши: захочется прицепить к нему таких ещё десятков, а далее раздвоить полученное и двигать это параллельно друг другу в разные направления, воображая метropоездами. Тоже с детской железной дорогой, где вагонов увы и ах не больше двух, одна кабина – паровоз, да и рельсы только в одну сторону. У настоящих же метро- и ж/д-поездов, кроме очень большой длины и двух путей в объятиях грохота и мощи своей, понравится, да ещё как, наличие двух (а не одной) одинаковых и красивых кабин спереди и сзади, что точно уж не создастся дома не из чего. После поездки в мороз и солнце на длинной электричке от платформы «Химки» до конечной – Ленинградского вокзала и длинном метро от «Комсомольской» на новогоднее представление, не интересное как само по себе так и в сравнении с посещённым к нему транспортом, такие желания усилятся особо. Случайный выходной среди недели в детском саду по инициативе матери, с предстоящей долгой дорогой на метро куда-то по делу, и возможностью снова покарпеть дома над созданием подобия аттракциона «Орбита» из домашнего конструктора, окатит радостью, предвкушением, эмоциями, и конечно узнается на подробности своих планов всеми детьми в группе, а затем и воспитателями. Той же последней зимой перед школой, из общего детсадовского конструктора «LEGO» соберётся кабина и наружный вид типичного советского пассажирского лифта (КМЗ) 70-х – 80-х годов, а в самом конструкторе больше всего понравятся детали в виде пластинок (примерно 5x15см) красного цвета подобно красным капсулам от Киндер Сюрпризов, но ни того ни другого не будет много...

Лифты же настоящие представляются в высотных домах гостей, советских комедиях и в детской поликлинике. Их тесноватый интерьер с тусклой лампочкой и автоматические двери, отделанные снаружи и изнутри тёмнокрасным/коричневым пластиком, станут ещё одним большим фанатизмом: запрещённым прятаньем в шкафы – что не захлопнутся сами и не поедут вниз-вверх к соседям, но максимально уподобятся объекту интереса; созданием того из всех домашних подручностей навряде оставшегося от чего-то большого ДСП-листа. А ещё, помимо вертикальных серых металлических полосок по углам внутри кабины и перед чёрной резиной, смягчающей закрытие дверей, снаружи по-разному присутствуют декоративные горизонтальные полоски: тонкие снизу и толстые на самом подножии, а то и вообще не присутствуют. Разных цветов кнопки управления под кнопками с номерами этажей. Продолжение интерьера площадки, без лишнего, классная отделка. В отличие от всего немеханического само открывается и транспортируется, временно укрывая от большого мира – куда не хочется выходить, желая оставаться в тесном, но таком подходящем себе первом «уголке мечты» в жизни. Подобным будет и убранство внутри автобусов: тот же разноцветный пластик и компостеры разных цветов одной формы; мягкие сидения тусклых 677-х «ЛиАЗов» (ностальгически нравившихся не только Данной истории); поручни разной отделки; интересная центральная часть «Икарусов» изнутри (с «гармошкой» и поручнем по центру вращающегося диска), как и вышеописанное станут предметом для пожелания уединиться от ненужного бескрайних просторов.

Родители, воспитатели и первые учителя безусловно не поддержат ничего из того, но на рождении и продолжении к тому равнодушия особо не заострят внимания. Целая проблема посадить за карандаш и рисование в этом случае одних линий будет результатом рождения с нераскрытыми глазами, видящими «в полоску». Всё исправят та поликлиника и специальный лучший в Европе Химкинский детский сад. Но и там будут совершенно такие же дети и нелады с ними, а зрение и кругозор абсолютно нормальными для жизни, за незначительными ограничениями из-за 0,3 у левого глаза. На выпускной из детского сада в школу подарится-прибудет и в свой дом приставка «Dendy». Сделавшие это взрослые властвуют, пугают своим поведением, желающим отобрать свободное время, сурово описывают наступающий этап во всей его сложной «красе».

Зима, весна, лето-лагерь. От первого же дня предстоящей осени, без терпения ждётся новая жизнь. Долгая и насыщенная: новые люди – сверстные и властвующие; новые задачи и порядки – всё текущее хорошо надоело и скорее бы кончилось; новое отношение – всё с нуля, возможности равны; и самое главное – вера в успех этой новой жизни, среди её окружения. Всё это вместе с обоими приставками покорно ждёт своего начала в самой лучшей и доброй двухкомнатной квартире на втором этаже крупнокирпичной сделанной военными руками хрущёвки в окружении зелёных деревьев, рядом со сквером и такого же типа и времени постройки охристо-жёлтых десяти- и пятиэтажек. Трёхсменное томление в лагере наконец заканчивается: дома встречает бабье лето, а в большой комнате красный детский флажок «СССР», маленькая узкая шарманка с4-1 с красной рукояткой, и добрые пока ещё дедушка с бабушкой. Во дворе старая хоккейная коробка и ничего особого, во двор же соседний жадно затягивают высокие тройные качели на дугах и большой простор. Дверь в подъезд ещё без домофона, с прозрачно-бирюзовой круглой ручкой, и двухкомнатная каморка на втором его этаже слева, затянут к настроенному телику с подключённой приставкой, ну и к реальному воспроизведению в ней увиденного всеми средствами...

Первое сентября, второе и десятое. Ещё нет ничего трудного, ни нарекания за него. Букварь, прогулка-сбор кленовых листьев и желудей всем классом, никаких особо домашних заданий. Чистый белый лист бумаги, синий, красный, зелёный и чёрный жирные фломастеры; все шкафы хочется забить чем-то нравящимся или выдуманным указанных цветов, но этого как всегда не будет. Советский пластмассовый пенал «Отличник» (в форме карандаша) мне так и не купят, хоть на какой-то уличной лавке канцтоваров их-с полупрозрачным «туловищем» и синими крышками сверху и снизу, будет лежать целая куча. Всё легко, и после первых занятий и коротких домашних заданий включена дендивская и сеговская приставки; любимые на цвет маркеры прямыми и кривыми линиями изводят бумагу; ковыряется в шкафу среди пахнущих собой книг с красными, синими и зелёными обложками; собираются каштаны с бабушкой в парке после школы и обеда, и хранятся дома пока мать не покрутит пальцем у виска и не выкинет образовавшийся их мешок на помойку.

Наверное, и дальше будет всё так не трудно? Это начало оправдывает пока лучшую версию себя ожидания, и не собирается пади предъявлять строгость и сложность взрослых-родительских и воспитательских его предвкушений. Наверное, и это солнце с яркой и лёгкой погодой также беспрерывно будут все десять лет? Конечно не будут – это только начало... Солнца с погодой станет меньше уже в середине второго месяца, и 17 октября в хождении в парк за каштанами и катании на больших качелях будет отказано. Перестанут включаться приставки из-за усложнения программы и вытекающего роста заданий на дом. Начнутся матерные нарекания отца и первые замечания матери после собрания. Время пойдёт вглубь темноты и холодов за окном. Снег, Новый год, подарки, гирлянды, временно повкуснее еда, увеличены золотой цвет, красочные огни и исторически красивые интерьеры/экстерьеры (главные из них – центральные станции метро и Комсомольская площадь, ведущие к подобным по внешности мероприятиям). В этот период украшенных ёлок и представлений сильно понравятся длинные

шары-колбаски, принесённые с одного из них, улетевшие на потолок; золотые чаши и стволы домашних люстр, и красная секундная стрелка на часах с декоративной миниатюрной каменной скалой, водопадом и подсветками, увиденных в магазине, как и на остальных домашних. Здесь будет свободное время, как и в последующие ближайшие выходные и праздники, но на него также обрушится недовольство, покушение, и желание отобрать.

Книги станут большим отвращением, страхом наказания за их нечтение и непонимание: выросший на них отец всучит всё прочтённое в свои семь лет, а то и раньше. Его пристрастие к ним выделялось среди остальных советских дошкольников и первоклассников, его первый дневник пестрел положительными замечаниями о беглом чтении (начавшемся раньше, чем полагалось): он собирал целые круги сверстных слушателей за передовой для их возраста книгой, а значит все эти красные стрелки (часов) с золотыми гирляндами и прочим подобным резко меркли перед словами: «Что за сын растёт, Боже мой? В кого ты такой пошёл, я не знаю». При худшем раскладе будет: «А потому что у меня бл**ь было желание учиться!»; «Учится мы не хотим, читать мы не хотим, а что же мы вообще то хотим...?» То же, но спокойное недовольство начнётся со стороны матери и бабушки, воспитавшей когда-то его-автора всех высказываний, считавшей таким (нормальным) в результате её труда, в обрушающихся на Данную историю конфликтах, без конца повторяющей: «У меня бы он таким не был», а мать по первости и далее не увидит серьёзных проблем, и не найдёт слов для особых замечаний. С третьей четверти всё усугубится, чем дальше – тем больше. Первые «физические» враги появятся в «независимом» как бы от этой среды Нахабино (Павловской Слободе) на новогодних праздниках: во дворе на льду, ближе к темноте будет первая непонятая драка без видимых травм от падения на лёд, а дома на жалобу скажется просто держаться от таких подальше. От гнева на несправление с первыми прихотями к учёбе, а не от непредсказуемых последствий временного пьянства как думает мать, после школы и обеда от тиранских выходов отца будет спасение – унос с собой на место её работы продавцом в магазин «Дакма», встроенный в соседнюю десятиэтажку, отделённый несколькими десятками метров от нашего дома и подъезда. Там же будут делаться уроки. Обратно домой заберёт с работы дед, и сыну его по его внуку на общих глазах особо не накаяться. Сломанные швабры, штороводитель и ещё тонкие деревянные палки разложатся в большой комнате на полу в кучу параллельно друг другу одним ранним вечером после школы – пока там будет ещё свободно. Вдоль них будет ползаться – смотреться «на уходящие провода в тоннеле метро за окном», сильно жалея, что они и эта комната для того не такие длинные. Ближе к весне заведутся хомяки и морские свинки, большинство из них подойдет, и очень понравится охристое на цвет пластиковое (по бокам) колесо с тремя дырками: захочется использовать очередной игрушкой – получить копию (ещё одно колесо) на руки, в чём будет также отказано. Понравятся горящие в правом верхнем углу телевизоров номера каналов зелёного цвета – к сожалению так недолго после переключения, а каналы выше шестого пока что будут недоступны или не нравиться родителям, за что самовольно нажимать кнопки пульта и любоваться разными зелёными цифрами на экране справа сверху, будет запрещено.

Эту двухкомнатку в этой пятиэтажке, этот интерьер, нажитые заводской и прочей работой, не найдётся слов никому из нас описать идеально, а главного его жителя-получателя ждёт последний такой же подарок завода и государства – просторная и шикарная четырёхкомнатная квартира в свежестроенном доме на улице Строителей. Его должны были построить в 89-м, а сдать в 90-м, но из-за болотистой под ним почвы и нерасчётливости он ушёл вниз на два этажа, после чего заново восстанавливался солдатами-срочниками на скорую руку. Это будет кирпичная десятиэтажка, сделанная ещё по советским технологиям и планировке, выглядывшая уже не самой передовой для времени фактической своей сдачи. Первые же дома перспективного будущего увидятся через год-другой в соседних районах, приближенных к Куркино. С февраля начнётся таскание вещей в голые серые стены, освещаемые лампочками на месте будущих люстр, тусовка с мебелью в кузове грузовика, в мае поклейка обоев. В один из его

зелёно-голубых солнечных дней, от матери услышится что уже эту ночь я буду спать на новом месте.

Данная и подобная Истории как правило «вырастают» на почве вот такого комфорта.

Конец месяца и учебного года, первые дни в новом районе. Никаких строгих спросов дома даже за задаваемые ещё задания, прогулка в соседний подъезд где наружные двери лифтов с более интересным и разным (чем в нашем) пластиком, сильный запах свежей краски и отделочных материалов.

Дома осенью, помимо брызгалок-динозавриков принесённых с лагеря, добавится новое пристрастие: увидев пару рекламных роликов Pringles, захочется тоже целой сумки этих симпатичных цилиндров с чипсами внутри: постучать (как там) по каждому из них, открыть и опустошить, получив вкусное удовольствие.

Так, за второй класс школы, с трудом (по нежеланию родителей) наберётся неполный ассортимент пустых банок, превращение без спроса одной из них бабушкой в коробку для рассады, вызовет соответствующую реакцию. Все они отлично вписываются в кухонный интерьер наряду с крупами и специями в шкафу и над плитой, имеют особое оригинальное цветное-дизайнерское оформление, хорошо преподнесены рекламой по телику. Их целый ящик одного вкуса – следующая заоблачная мечта. К темам для разговора добавится напугавший рекламный ролик из цикла «Социальная реклама Антиспид 1998» с четырьмя белыми ртами на чёрном фоне, и остальные видеоролики той же серии не меньше.

Весна, зазеленев, снова отправит в лагерь на всё лето. В холле на втором этаже корпуса, из больших одинаковых деревянных деталей общего конструктора соберётся станция метро: два голубых бруска – поезда идущие в разные стороны, а зелёные бруски между ними и по бокам – платформа и путевые стены. Когда мать сказала что заберёт меня на один день в Москву по делам – весь корпус и даже пара соседних узнает о моём завтрашнем проходе через ряд серых одинаковых пятиугольных автоматов (турникетов) с мигалками и овальными прорезями (откуда вылезают дверцы), восхищении слушанием «тонкого мычания» поездов на станциях, автоматическим закрытием-открытием их дверей, и проезжающими обратно поездами – такими же большими как и наш (в котором мы будем ехать), красивыми и очень длинными, они и станции будут полупустыми, их будет много. Осознавать это доставляло немислимый кайф. Об этом не молчалось, а на радость такую каждый смотрел по-разному «мимо». Там же найдётся пустая сильно помятая недостающая банка тех самых чипсов со вкусом соли и уксуса синего цвета, вызовет ещё один всплеск восторга, а у отряда и вожатых очередное недоразумение и игнор того.

Лето 98 будет последним в лагере. Выдававший путёвки завод давно прекратит это делать: в условиях рыночной экономики содержание лагеря станет дорогим удовольствием, последние два года поездки будут уже по знакомству, а летом 99 мать не поедет туда по причине болезни её матери. Спустя время, территории двух его частей – 50-х и 70-х годов построек станут подвластны капиталу и полной под него реконструкции, а пока долгожданный день отъезда в конце августа ещё подержит несколько утомительных часов, и наконец на чьей-то личной машине увезёт оттуда навсегда, никем не отсняв всё то на видео памяти ради; разочаровавшая нелёгкостью двух прошедших лет учёба, на Большой земле продолжится третьим. Здесь формой подражания тому, что из учебного материала не даётся, но красиво выглядит на вид, будет вырисовывание цифр классной и домашней работ по математике такими же печатными как в учебнике, придавая соответствующую форму: где надо жирнее или наоборот тоньше, на конце троек и пятёрок обводя кружочки. Поля в тетрадах вместо карандаша (как надо) чертятся красной/зелёной гелиевой ручкой, и психуется на прошедшего к доске задевшего одноклассника, искривившего этим черчение. Также из чистых канцелярских листов теми же и другими цветами чертятся самодельные тетради в клетку или полоску. Главная цель – всё также как там ровно, аккуратно, без малейшего искривления, по-типографски, и яркие чёрные, красные, голубые или зелёные поля: одержать этим верх над тем что не получается, показать своё-тому аналогичное. Мало понравится первой учительнице, насторожит странностью и бесцельностью. Любится и тексты писать точь-в-точь печатным подчерком «Times New Roman», не в классе конечно, а в свободное время, и не в домашней работе. Не важно содержание – главное количество и качество близкое к «настоящему». На уроке труда откуда-то достанется ящик с большими и длинными овальными цепями синего, зелёного и белого цветов, крашенных фломастерами, и сделанных из бумаги прошлыми выпусками, причём объёмно: квадратное сечение каждого кольца. Те же изделия в уме представились игрушкой из пластмассы с круглым сечением. Привлечёт несомненно, как и вязание больших жирных червячков того же цвета после уроков макраме, а также просто набирание узлов спицами из нитей разных цветов, пока бабушка мастерит ими целые свитера и носки. Из конструктора LEGO, со вставлением внутрь поролона, собираются панели из «нажимающихся» (с возвращением в исходное положение) кнопок «Стоп», «Вызов», и «Блокировки закрытия» дверей лифта.

Изначально в наш дом можно было войти кому угодно, а некоторые соседние и отдалённые постройки уже имели домофоны. И когда эту чёрную квадратную конструкцию один добрый молодой дядя присоединит к нашего подъезда двери, его всеядный мозг слегка вздуется от потока радостных слов и поклонов в его адрес за установку этой интересной штуки с горящими зелёными цифрами на чёрном фоне. То же будет после второго случайного с ним свидания во время починки её от неисправностей в ходе эксплуатации – ведь такое временно привлёкшее чудо-изобретение из двенадцати кнопок, маленького тёмного стеклянного дисплея и светящихся на нём по команде цифрах, не выйдет сделать ни из чего домашнего, и ничто домашнее тому не уподобится. Весь год будут собираться прозрачные «пульки» от игрушечных пистолетов, но не с целью пострелять из своего которого нет, а с целью набрать их тонну и топиться. Хотя нет, всё-таки чтобы расфасовать каждый цвет отдельно, и сделать из этого что-нибудь хорошее-непонятно что, а может просто любоваться таким их количеством. В киосках и на Бутаковском вещевом рынке (их месте продаж) мама не поймёт этого также, как и для чего нужен будет понравившийся на вид металлический замок стоимостью 50 рублей (Ценовая политика: Москва, 1998). И конечно вставить хоть кусок метropоезда или лифта куда угодно, не останется незамеченным на уроках рисования, и не обойдётся без всеобщего пальцем кручения у виска и недовольства учительницы.

Мало церемонящаяся с каждым, она вместе с её сестрой и коллегой по должности обращает внимание на каждый мой косяк и каждую странность. Кроме меня в классе будет ещё трое «нестандартных» (по её мнению): один (правда) станет научным работником, второй не-

особо далёкий сдаст выпускные экзамены в щадящем режиме и пойдёт на завод, с ним будет дружба и большее общение. Третий-малообеспеченный и загноблённый, после четвёртого года переведётся в другую школу где отношение изменится, по окончании отправится в ПТУ, дальнейшая судьба его на день завершения данного писания неизвестна.

Всех нас вчетвером весной последнего начального класса после уроков водят на занятия к психологу по просьбе той самой учительницы пару раз в неделю. Эта психолог работала не по жалобам родителей, а по указанию высшей власти. Имела разные картинки в разноцветных рамках, логические и творческие задания, занимательные игры на проверку реакции, памяти, логики и внимания. Это будут самые интересные и увлекательные занятия, с которыми никому не захочется расставаться, а эта психолог не выявит ни в нас ни во мне ничего подозрительного, и после всего, в вежливой форме скажет направившему лицу что если что-то и ненормально – то это с ним...

Со следующего (первого среднего) класса, по мере его сложности и многопредметности, все нарекания и вопросы резко пойдут в гору, принимая усиление, ведь дальше – самое фундаментальное время. Давайте посмотрим, как оно пройдёт.

Школа и коллектив против

Везде будет похвала за усидчивость, кропотливость, выносливость и ответственность, особенно за любимым делом. Но увы, оно не принесёт никакой пользы ни для сверстного общества ни для одной основной задачи, возложенной на данный жизненный этап. «Твою бы энергию да в нужное русло...»

Часами карпеть над почти рутинной ручной работой, решать задачи по точным наукам лишь на знание элементарной их теории, не требующее включать мозги, учить и пересказывать слово в слово любую понятную всякой бестолочи информацию, объясняемую двумя-тремя словами, будет не только легко, но иногда сочтётся и удовольствием.

В знак благодарности школа безоговорочно ставит 5 баллов, а за пределами ждёт разная другая похвала. Но лишь едва эта же информация в каждом тексте по любому предмету усложнится, наполнив себя непростыми словами, множеством действий и заблуждений, а задачи по техническим примут свою истинную непростую форму, требующую реального включения головы, вырастет спрос и планка требований – в этой же школе и везде всему хорошему приходит конец, в силу вступает ненависть, всякие выражения, разные чёрные прогнозы.

Банальными будут: «Потому что ты раздолбай!»; «А потому что у ты бл**ь мозгов нет, всё через ж**у на**й!»; «Не всё, отыгрался ты в компьютер/приставку».

Кроме нареканий за учёбу со стороны отца, редко бабушки, проводящей больше время за проверкой уроков, и очень редко матери лишь «за компанию», более угрожающим и отвратительным фактором будет отрицательное небезразличие от дворовых сверстников и одноклассников за неподобие их жизни и интересам.

Глядя на необычное поведение и изречение, сопровождаемое несправлением с текущими обязанностями, им равнодушно хочется вбить до конца или отковырять этот плохо торчащий гвоздь.

В (покинутом) лагере, в школе и во дворе живётся совсем не другом, а больше прячущимся врагом народа или преступником, скрывающимся словно от самосуда, отшельником (с виду) и изгоем по собственной воле, волком-одиночкой, решившим быть не таким как все, и на том счесть себя особенным, гордясь этим больше чем обижаясь, не счесть это серьёзной проблемой и не пытаться её решить, а двигаться по своему-параллельному другим пути, жить и всё делать по своему, и вечно на что-то и кого-то надеяться, а не всесильно искать способа добиться того самому.

Главным же возглавителем негатива становится родной отец, находящийся на стороне школьникодворовых гопников, за дело по его мнению убивающих эго сына: «Как себя поставишь в коллективе – такое и будет к тебе отношение», параллельно наезжающий за плохую учёбу вешаньем разного рода несостоявшихся (по факту) угроз и крайне неудачных мотиваций её улучшить. Контролирует гуманитарные предметы.

Проверяющая математику и все технические бабушка-бывший инженер электро- радио оборудования с сороколетним стажем работы и высоким на ней почётом, сама когда-то имела по ней только «хорошо» и «отлично» в школе и даже в техническом институте. В возникающих сложностях где затрудняется сама, повторяет: «Вот когда захочет – вмиг всё решит, но когда заупрямится...»

– «Я не понимаю»

– «А ты и не хочешь понимать и думать!»

Изучая новую тему и решая первые самые лёгкие по ней задачи, ни у меня ни у кого проблем не возникает. Но едва в силу вступают ситуации, тормозящие самих отличников, вызывая этим активную работу на уроке и делая его погоду, истинные, не подлежащие контролю лентяи просто забивают на всё, а у реальных жертв тёмного им леса и ответственности за него,

начинается коллапс. Дома его не улаживает самый подкованный человек, изредка подключая технически образованного сына, тоже не всегда смекающего решение. Что следует дальше – думаю понятно. Иногда с поставленной задачей не справляется «всем миром», но и это не отменяет лёт палок в сторону её создателя: «А потому что он всё прослушал. Они наверняка это в классе разбирали, а он бл**ь сидел и ушами хлопал»; «А потому что вот чем он на уроках занимается, а не слушает» (показывая рисунок сцены из приставочной игры); «А потому что на уроках надо слушать, а не вот этой бл**ь х***ёй заниматься». Одна из самых негативных пилот мозгов по дороге из школы домой забравшей бабушкой в обеденное время за двойку по контрольной по проверяемому ей предмету, без того вбирающему огромное время и силы, зная что дома это продолжится гневом отца просто за оценку и лишением компьютера и приставок до завтра, запомнится как и позволение себе часа свободного времени во вторник на знакомство с одной из видеоигрой, обернувшееся после в среду сразу тремя отложенными на неё контролируемые на исполнение несделанными предметами и жестокой расплатой за час тот, не отдыхая который можно было бы выполнить хотя бы один из них чтобы сегодня труда было меньше (10 лет, 5-й класс (4-й год обучения, осень)): а нужно ли всё это было? Что больше из того дня трудностей и удовольствий пойдёт на пользу, запомнится и возьмётся с собой в дальнейшую жизнь...? Кем кроме этих родителей завтра на занятиях всё это именно так до мелочей и без пощады спросится, и разве будет за неисполнение этого такое наказание какое будет за всякое неисполнение в будущей работе во взрослости? Почему говоря что сейчас ты не справляешься с учёбой – тебе не ставят удовлетворительные оценки, а потом не будешь справляться на работе – тебе не будут платить зарплату, никто не увидит и не скажет что сейчас ты не справляешься только со сложной и не каждому посильной частью учёбы, а потом также не будешь справляться с не каждому посильной сложной работой, найдёшь посильную с меньшей-хватаящей на меньшее зарплатой, а не без зарплаты вообще, и по возможности и личным способностям будешь стремиться к большему? Почему те, кто на это забудёт и будет дома отдыхать зная, что не отдыхая, а делая, всё равно ничего не выйдет и родители ругать их за это не будут, окажутся вместе с ними (их не наказывающими родителями) не хуже и не глупее, не усложняя себе жизнь раньше времени, выйдут сухими, а не мокрыми (как я) из той воды? Спустя полтора года, гнев матери с работы по телефону, вызванный бабушкиной жалобой, так и не исправит ситуацию с несколькими нерешёнными уравнениями – данное положение кажись как обычно не отпустит, но в этот раз на удивление отпустит – отстав дома, так и не доделав задание, а в школе так и не проверит, и не оценит его на следующий день (11 лет, 6-й класс (5-й год обучения, весна)). Можно же было бы так делать всегда, давно поняв бесполезность траты сил и времени обеих сторон на то что изначально, слишком уж постоянно и беспробудно не нравится, да и не получается в общем; не меньше поняв что усваиваемое долго и трудно, и дальше не будет усваиваться легче и быстрее, а только сложнее и дольше, а значит и будет не нравиться и не получаться дальше-тем более на высшей стадии, и выбрав дальнейшую жизнь лишь с тем что сразу пошло и идёт с успехом, пусть тяжело, но привлекает с первых же секунд, вызывая дикое желание и стремление к себе, на месте отсеив лишнее-неинтересное, продолжая его делать лишь как получится-для минимальной отчётности и положенного разностороннего развития, пробуя всевозможными для себя способами, а после подвинуть в сторону с чистой совестью, чувствуя и зная что простится оно и всё равно проставится для галочки в аттестате? Во что только время незабываемое-первое в жизни угрохается...? Кому пригодится и сколько принесёт пользы так спрашиваемое вдобавок содержание внеклассного чтения...?

Похвала за историю пойдёт не дальше изучения первобытного строя в самом начале её преподавания, далее на пару мгновений всплывёт заученными-после забытыми пересказами параграфов о всем известной культуре и социальной жизни античного и средневекового периодов, и одного параграфа про восстание Спартака в конце первого года её изучения. 10 лет 5-й класс (4-й год обучения). В тетради за задание нарисовать древнегреческого воина стоит «5»

даже при всей неудачности и ясельной примитивности изображения, за ответы же на тестовые вопросы по политике и жизни того времени, на той же странице тем же подчеркиком стоит «2». Один учитель ведёт русский язык и литературу. За самостоятельное упражнение в классе на грамматику, может быть слабая тройка, иногда два балла и публичное у доски нареkanie. Но стоит по звонку сменить учебники и рассказать наизусть стих/отрывок с выражением, как тем же учителем произносится восхищение, в журнал заносится максимальная оценка, а в дневник добавляется похвала: «Нет слов! 5». На одном из занятий я становлюсь единственным, выполнившим задание написать и пересказать текст о Наполеоновском сражении и его преддверии (не без сражения дома соответственно). В дневнике появляется запись: «Прекрасно!!! 6».

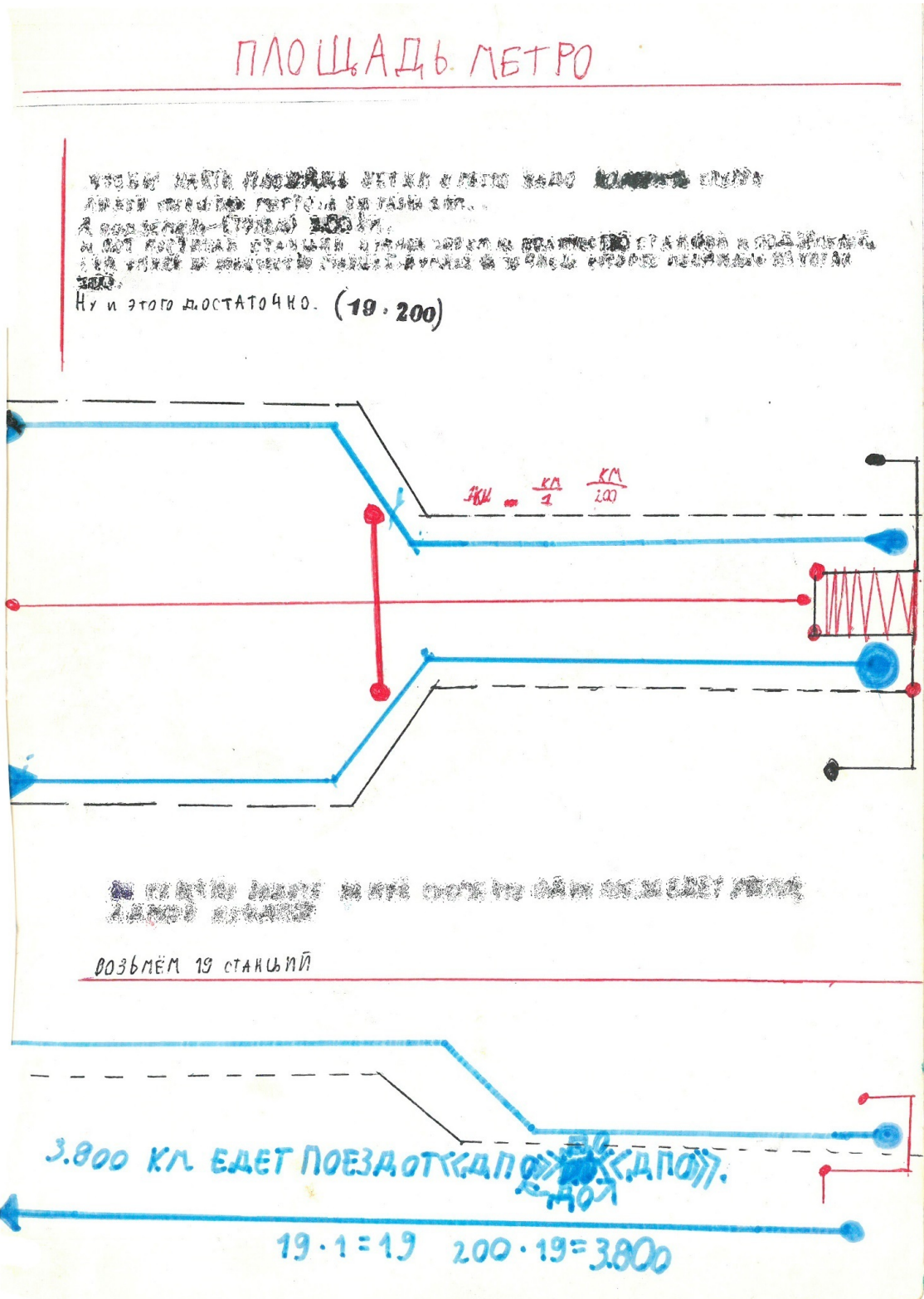
И всё это не из-за лени, а из-за реального непонимания при всём старании понять. Противостоять безвыходности приходится самыми простыми способами: зная, что всё равно этот трудный и непонятый параграф по истории не выучится, не поймётся и не ответится атакующему с ним отцу, специально для вида сидится с учебником до девяти вечера, а после спать, и ни разу не услышится: «Ты у меня с*ка спать не ляжешь пока мне не расскажешь», и не будет того чтобы это реально непонятное и непосильное всё же понялось и сделалось, «сдалось на проверку», а после (при попытках устроить последующий положенный «неспящий» отдых) услышалось: «А вот теперь идешь спать. Ты шустрый я ещё шустрее». На утро перед школой, после одного из таких вечеров, дома будет очередное нападение с «чёрными прогнозами», включившее слова: «Я тебя прихлопну как паука», и как здоівово будет вспоминать тот момент, пришедший на май – за неделю до конца учебного года. Также не будет ни разу чтобы это-по непосильности не сделанное спросилось на уроке, поставилась соответствующая оценка, или свои же дома заставили всё же выучить и пересказать следующим вечером «просто так» – во благо их прихоти, не говоря и о том, что ничего из выученного всё же-зазубренного не вспомнится уже через пять минут после «сдачи», и не пригодится в дальнейшем ходе событий... Ещё вариантом, чувствуя дома спрос заданной сложной и непонятной литературой повести или очередной темы по истории, специально делается всё остальное с тормозами чтобы оттянуть время – и спрашивающий забыл об этом, медленно пишутся другие предметы на чистовик, медленно и специально чертятся поля в тетрадах, ставятся лишние точки и выводятся линии под номером задачи или названием темы, долго просиживается в туалете и ванной, и в общем всё помогает!

Рисование на соответствующем уроке и на любом другом где оно было нужно, признаётся передовым среди всех, особенно послушав описание сделанного, забыв о главном смысле и нужности того с чем от души свершено перестарание. На свободную тему, помимо сцен из игровых уровней, зелёных электричек и разносинего метро с акцентом на выступающие рёбра жёсткости, в 9-10 лет активно изображаются логотипы «Whiskas», «Friskies», «Frolic», «Pedigree» и гранулы (кусочки) этих кормов. Больше понравятся те что на упаковках «Friskies» и тв рекламе этой фирмы в 1999 году (где ими заполняется силуэт рыжей кошки на зелёном фоне, а сверху в ряд появляется каждая гранула). Опустевшие консервные банки, дойпаки, коробки и даже огромный пустой мешок от пятикилограммового собачьего корма «Pedigree» незамедлительно кочуют из рук списавших плохой товар знакомых продавцов рынка и магазина ко мне в комнату в полной коллекции. Разного цвета нижние части всех видов упаковок в зависимости от вкусов, но под одним и тем же по цвету и размеру логотипом и на таком же одинаковом фоне – разве не прикольно...? Летом после 3-го класса школы (9-10 лет) в мусорные контейнеры неподалёку от дома Нахабинской родни изо дня в день как ни в какие Химкинские помойки поступает всё это добро что не попадётся дальше в обиду мусоровозу – за нравящееся до безумия своё дизайнерское оформление (конкретно 1999 – 2000-й года). Данное занятие не останется незамеченным родителями и не скроется его творителем перед одноклассниками и учителями в школе, вызывая соответствующие реакции. Осенью заведётся своя кошка и кол-

лекция расширится, а летом 2000-го обнаружив в кухонном шкафу килограммовый мешок развесного корма вместо ожидаемой упаковки, негатива будет немерено, но ненадолго...

Самый большой и постоянно живущий с рождения интерес ворвётся ко власти резко и на полную летом 1998 года в девятилетнем возрасте: начнёт свою «карьеру» наряду с процветающими ещё, но скоро изжитыми удовольствиями лазить по чужим подъездам с целью катания на лифтах, застопоривая их с раскрытыми дверями на этаже – чтоб полюбоваться этим необычным зрелищем, собирать любимые пустые банки и коробки конкретных марок из под чипсов и кормов для животных, мечтать о большем количестве «кэпс», «бит» и деталей «LEGO», актуальных и для многих других в то время, рубиться в не менее актуальные и величаемые тв передачами приставки «SEGA» и «Dendy», а также в первые трёхмерные игры на первом компьютере, узнавать и получать новые из них; займёт главное место в темах для разговоров, пронзит все дальнейшие события, изобразится всеми средствами. Он переживёт все временные увлечения раннего детства, отрочества, юности и молодости, успешно пойдёт дальше, будет стихать ненадолго – силами лишь крайне нелёгких трудов и временных проблем. Сейчас я немного расскажу о нём, а после вернусь к дальнейшей неотделимой от него жизни.

1989 – год знакомства. Москва. Станция метро «Речной вокзал» Замоскворецкой линии. Автобусы подъезжают прямо за пятьдесят метров к южному крытому входу. Едва приблизившись к его шатающимся в разные стороны дверям, уже во всю вдыхается запах столичной подземки. А пройдя через серые мигающие турникеты, кинув в них зелёный прозрачный жетон, слышимый шум и грохот так и зовут к себе вниз. Там нас во всю встречают с рёвом и стуком колёс на большой скорости приезжающие и уезжающие разных сине-голубых тонов поезда. Их стихия – небывалая наверху быстрота и громкость, превышающие всё громкое и быстрое. Их лицо – кабина с «треугольным» (2x2x2) расположением фар, несущая за собой поразительно длинную конструкцию, высшую в длине и размерах всего длинного и большого в мире на поверхности. Белые «кресты» и «галочки» на дверях вагонов, соединяющая их горизонтальная выступающая рифлёная белая полоска огибающая весь кузов (называемая «подоконным поясом»), и выступающие почти остроконечной формой ниже и выше неё гофры («рёбра жёсткости»), заставляют забыть всё и смотреть только на это, имеющее заводское название 81-714/717 «Номерной». Дальше открывается интерьер: пластик в салоне яркогрязнобирюзового цвета, как и другой вариант – рыже-коричневый, имитирующий дерево. Но больше всего здесь цепляет и безоговорочно выделяет перед наземной жизнью движение, ритм и масштабность – всё что только открывается по преодолению пропускных пунктов, резкая смена яркой и светлой станции чернотой за окном, необычное и тонкое «мычание» при стоянке, и смена его тона при объявлении станции (у 81-714/717 «Номерной»).

Важный и главный атрибут подземки, не оставлявший равнодушным с первых её посещений – здешняя симметричность: поезда одинаковых размеров движутся по рельсам одинаковой ширины с одинаковой скоростью и шумом. Одинаковое расстояние от края платформы до путевой стены на обоих путях. На каждой станции одинаковый вид из окна в обоих направлениях. Неописуемо здоірово сидеть спиной к «своей» путевой стене – лицом к платформе

и «обратной» стене, смотреть на мелькающие справа налево провода и тоннельные сооружения, проходящие обратные поезда и платформы станций.

В рабочие дни ездитя редко по случаю. Фишка здесь – прислониться к не открывающимся на этом пути дверям: стоя смотреть на уходящие слева направо тонкие провода.

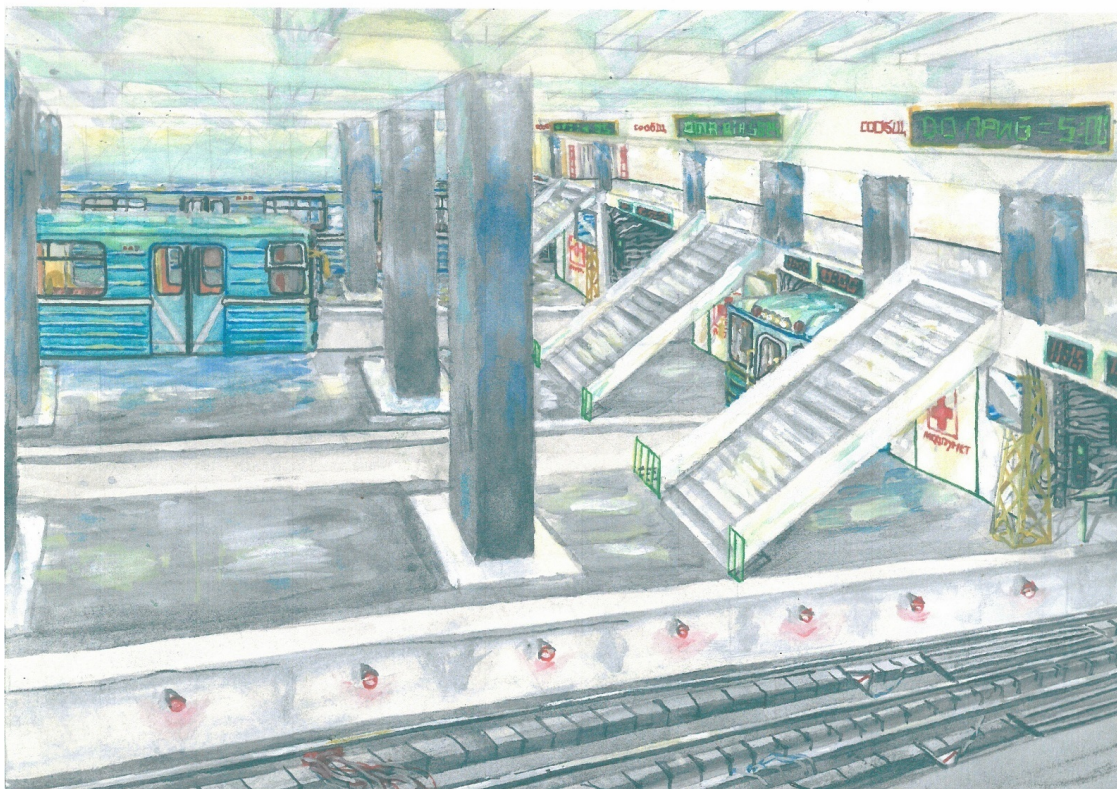
«Ну чё тут хорошего? Как селёдка в бочке едем»

– «И что? А мне нравится на провода смотреть».

В выходные же дни подземный мир полупустует, радуя своими просторными размерами станций и подвижного состава. Подумать только: основной транспорт от дома до ясель и детского сада, рынка и магазина – какие-то там одноярусные и двухъярусные, вечно битком забитые автобусы, ездящие по всего лишь какой-то там серой жирной полоске – дороге, с машинами ещё меньшими размером, но бо́льшим удобством в плане внутреннего комфорта и свободы передвижения. А тут метро: именно к нему все эти автобусы съезжаются со всех районов. Долго, собирая светофоры и кучу народу. И все в одну точку. Это уже о чём-то говорит? Они просто молятся на него! Оно не поддаётся ни пробкам, ни погоде, ни какому-то другому наземному фактору. Оно вечно независимо и максимально комфортно для всех и для каждого. Над ним меняется всё что угодно: жизнь, политика, техника, социум, интерьеры ближайших домов, построятся новые, появляются и совершенствуются наземные маршрутки и те автобусы, но здесь не меняется ничего – жизнь и политика своя, над собой оживляет своим появлением всё некогда еле живое. Рядом с ним вчера были палатки и рынки, а сегодня крупные торговые центры и ещё больше народу. Но всё это вокруг него и ради него. Оно – бо́льшая сила! Оно растёт быстро и медленно – по достатку и вкладу в него города, но растёт и стремится расширяться. Она влияет на стоимость всякой земли и недвижимости рядом с ним, а недвижимость та и земля резко обретают свою ценность и «крутизну» именно от его появления. Каждый будучи новый его кусок ещё с зачатия своего радует местных жителей: «Стройка на время, метро навсегда!»; «Метро растёт!»; «От Реутово до центра – без пробок!» «Поезд от станции «Нижняя Масловка» отправится в 4-м квартале этого года!»; «Жители района «Жулебино» смогут добраться на работу на сорок минут быстрее!». Оно просто больше и красивей, надёжней и удобней. Оно не имеет себе равных – оно лучше всех. Оно – наше метро.

В переполненном туда и обратно автобусе, со слов-воспоминаний матери я чувствовал себя некомфортно с самых пелёнок. Остановить эмоции было невозможно. Но выбравшись наконец из этой несчастной тесной коробки, спустившись вниз под землю, вдохнув тот запах и войдя в невероятно огромную, технически красивую и просторную ярко-бирюзовую внутри и разносинюю снаружи махину-восьмивагонный состав, всё плохое сразу пропадало, начиналась радость и удивление каждому мгновению. Каждому звуку. Всему. И эта радость была недолгой, часто заканчивалась на станции «Войковская» – где мы покидали этот отделённый ото всего могущественный мир чтобы перейти в другой-часто его собрат – железную дорогу.

А этот – сильно подобный покинутому вид транспорта привлечёт и осознается таким несколько позже: из-за кажущихся меньше скорости и расстояния между остановками, частой переполненности попутчиками в оба конца в соответствующее время, изначального необращения внимания на красоту его электрификации (что будет только с 10 лет).

Две пары рельс – туда и обратно, одинаковые размеры подвижных составов – как и у чада его подземного расписанного выше, место обзора – сидя вплотную к окну, против хода, с видом на обратный путь и самое главное – уходящую электрификацию над ним. Эти железобетонные опоры с консолями держат целые системы тросов (проводов). Реже и более красиво – металлические опоры решетчатой формы. Низ покрашен в чёрный/не покрашен вообще (до середины двухтысячных годов). Один столб не похож на другой своими консолями и количеством изоляторов, а на путевых развитиях (где много пар рельс) аналогичные железобетонные столбы соединены горизонтальными сетчатыми мостиками – ригелями (жесткими поперечинами), либо те же металлические решетчатые (вертикальные) опоры зелёного цвета становятся бо́льших размеров, высокие и такие же – по форме ромбовой сетки, сужающейся кверху, часто без консолей (гибкая поперечина между двумя такими опорами по обе стороны полотна). В отличие от метро, всё это здесь несколько не симметрично, но это только красит. Эта электрификация выглядит много мощнее и богаче электрификации предыдущего наземного транспорта – троллейбуса, трамвая. Каждая её единица неумолимо ведёт к Москве/от неё, и это выглядит красиво, но лишь на большой скорости и с нужного места обзора. Всё это круче и масштабней подобного, но более скромного автобуса, находясь на одной с ним поверхности под одним небом, имея одну черту – продольность в форме кузова и многоступенчатость.

И транспорт этот как и предыдущий-любимый выделен перед транспортом другим огромными размерами и низкой загруженностью в выходные – дни первого личного посещения. Высокая скорость, максимальная надёжность, максимально комфортные и просторные условия, независимость от запредельных факторов, и главное – зрелищность, нет пробок. По словам матери, первым отзывом о метро было: «Как это так – под землёй поезда?» А что говорить про наземную-ему подобную электричку? Вместо всего лишь серой дорожной плоскости аж две и больше пары рельс, и усыпанные гравием шпалы. По обоим сторонам от них и между ними одна провододержащая конструкция не похожа на другую. Всё обвешано изоля-

торами и разными крепежами. Более крупно (чем у автобусов) выглядят остановочные пункты – платформы. Огромные двенадцативагонные темно-зелёные поезда с жёлтой горизонтальной полоской (подоконным поясом) и выступающими на кузове гофрами (всё как в метро), стоящие на этих рельсах зацепленные чёрными ромбовыми пантографами за нижние (контактные) провода. Но всё это в удовольствие только при быстром движении, глядя в окно со специального-«зрелищного» места.

Окружающая инфраструктура – важная отличительная деталь. Под землёй практически одинаковые перегоны, но совсем разные по оформлению станции, за окном слегка меняются (на форму) тоннели, расположение, количество и толщины проводов, сверху город, в большинстве того же архитектурного решения что и подземные его «причалы»: ближе к центру – красивый, дальше от него – простой и одинаковый. Всё где метро – уже Москва. Цивильная и комфортная. Продление только этого вида транспорта (а никакого другого) в соседний город присоединяет его к столице. Покинув метро и пройдя на платформу «Ленинградская», уже на ней создавалось ощущение деревни/загорода/домиков-избушек в округе: ведь эта длинная зелёная напичканная машина (электричка) и эти протяжённые рельсы с бессчётным количеством над ними разных столбов с проводами, и предназначены связать город с областью и наоборот. Железная дорога Рижского направления отсюда до Нахабино и обратно, казалась уже «принадлежностью» второй бабушки (по матери), дядей и двоюродного брата, живущих там – в Павловской Слободе. Всех их от неё отделял ещё автобус (позже маршрутка), но сами знаете – это уже/ещё «не моё» время...

Я не переставал думать о двух видах транспорта, подобных друг другу. Две ближайшие от Химок к столичному городу линии метро: Замоскворецкая («родная») и Таганско-Краснопресненская (пока ещё труднодоступная) имеют две разные модели подвижного состава. Вось-

мивагонный «Номерной» (на Замоскворецкой) с «крестами» и «галочками» на дверях – просто символ Московской подземки (изображены на предпоследней иллюстрации (слева)), их большинство и на остальных линиях. Меньшая часть составов тогдашнего метро – более старые их предшественники моделей «Еж»/«Еж-3»/«Ем 508т»/«Ем 509т» (на Таганско-Краснопресненской) (изображены там же справа): точно такие же по форме и размерам, но с чёрного или тёмно-синего (а не белого) цветов горизонтальной рифлёной подоконной полосы, разделяющей кузов вагона на синие и фиолетовые снизу, а сверху на голубые и бирюзовые цвета, и с также расположенными гофрами (рёбрами жёсткости) – по четыре в нижней части кузова между дверями, и по два-по три сверху между дверями и окнами, освещение салона не продольным рядом люминесцентных ламп сверху по центру, а чередующимися в шахматном порядке круглыми плафонами по всему потолку, и внутренние стены этих вагонов в отличии от стен «Номерных» тёмно-древесного, а не зелёно-голубого и рыже-древесного цветов пластика; оконные рамы часто деревянные (оригинальные), а не металлические (на поздних модификациях), с такой же чёрной резиной, огибающей стекло. Каждый промежуточный (а не только головной и хвостовой) вагон имеет кабину машиниста в отличии от всех последующих моделей поездов, включая «Номерные», имеющие кабины лишь в крайних вагонах, и в отличии от кабин «Номерных» имеют торцевую дверь.

Железнодорожные составы во всём подкупают подземным, включая уровень технического развития – много подарившие семидесятые-восьмидесятые годы СССР, отличны лишь формой кабины, количеством и формой гофров, декоративной-разделительной подоконной полосой, внутренним оформлением, а также шириной и количеством дверей, окон между ними, ну и конечно же всеми остальными мелочами вроде прибабасов сверху и видимыми механизмами, расположением фар и заводской скоростью. Уж не говорю об их родовой сплочённости: Московский метрополитен в начале 20-го века и принялась строить компания «РЖД». Первым проектом был паровоз с остановкой на Красной Площади. И дорога из деревень и посёлков в город-цивилизацию начинается с железной дороги, а после передаёт «бразды правления» подземке. Такие простые вещи вызывают восхищение и желание быть рядом с ними, даже когда нужно думать по актуальному делу...

Всё это в 8-9 лет загорится «на базе» тех лифтов, подаренных нам теми же яркими годами позднего СССР, подкупающих горизонтально работающему транспорту своими автоматически раздвижными дверями и имитирующим дерево пластиком. Дальше взгляды на одно и то же будут стремительно меняться.

В 9 лет из небольшого набора конструктора «LEGO» собрать состав, платформу и путевую стену не удастся: деталей хватит только на кабину, крышу и пол вагона. Синего цвета будет на одну тысячную желаемого, зелёного вообще две маленькие детальки. От негодования строятся тоннели из всего имеющегося в квартире после недавнего в неё переезда, самому ползая метropоездом. На просьбы прокатиться хоть раз в жизни дальше «Тверской» (сбербанка, куда ездила и брала мать, и центра дерматологии (пару раз), имея там знакомую-врача с лагеря) никто не реагировал. Остальные поездки только до «Войковской» на пока ещё не так нравящуюся электричку (в Нахабино), и в Коптево (от неё же на трамвае) на Вьетнамский (Коптевский) рынок за дешёвой одеждой и обувью. Один раз до «Театральной» на 10-ти летний День рождения на Красную площадь и в Кремль. Проезд от «Речного вокзала» до того самого рынка в этот раз на каком-то автобусе, прокомментируется: «Катаются на роликах и на самокате. А на метро ездят...» На мои просьбы взять фотоаппарат и пофотографировать подземные поезда на их станциях, отказом станет: «Нам не разрешат». Прочсть положение о проведении съёмок на московском метрополитене, и элементарно втроём-втроём поработать с возражениями сотрудников если уж что, никто не захочет, а зря...

3-й класс, 9 лет. Разбор общих ошибок на контрольной по математике, всех задержавший после уроков. За всеми уже пришли родители, сев за парты к своим детям как и моя мать, вместе с ними слушают и разбирают замечания.

«А мы скоро закончим? А то нам с мамой на метро очень долго к врачу (дерматологу) ехать?»

– «Ну вот к врачу сегодня на самолёте полетишь. Или на первой попавшей птице».

В это время внимание обращено на зеркала заднего вида: с зелёной в электричках и синей в метropоездах наружной покраской. С июля 1998 (начала фанатизма) до весны 1999 любимый транспорт не меньше чем поездами своими привлечёт тогдашними пятиугольными (на форму) турникетами и их вертикальными длинными овальными прорезями с выдвигаемыми дверцами. Сцена соответствующая из мультлика «Ну погоди» (с метро) и попытки мастерства понравившегося из чего-нибудь в домашних условиях, приложатся. Расстояния от края платформы до плиточной путевой стены станций-сороконожек («Речной вокзал» – «Войковская») ассоциируются с длинной ванной – над ней тоже плитки (а синие поезда – с дельфинами). Движение от родных конечных в центр и дальше, почитается больше чем в обратную сторону, не подлежа объяснению: здесь впереди ещё целая такая же дорога назад, там же увы все заканчивается, и больше будет неизвестно когда. Так, двигаясь всё же рано или поздно домой, на путь в центр из окна смотрится с завистью его поездам и пассажирам в них. Подвижной состав в сторону центра назовётся «метро вперёд», обратно – «метро назад». При очередной, но первой с обращением на эту менее популярную (пока ещё) линию внимания поездке от «Тушинской» до «Планерной» в начале 1999 года (9 лет), глядя из открытых дверей своего поезда в область на опустевший после поезда в центр обратный путь «Сходненской», её сплошная охристая мраморная путевая стена и серый гранитный пол показались «слившимися» – создающими угол между собой, как будто не имеющий той «ямы-впадины» в виде целого такого же как и наш пути, да ещё и с такими же рельсами, такой же длины и ширины, значимости, и такого же сложного мощного технического оборудования. Это станет ещё одной важной морально-эстетической частью любимого транспорта, заслужит своего изображения, размышления и повода его величать.

Метropоезду, в который мы сели, предстоит пройти долгий путь до конца своей линии – гораздо больший увиденного нами: когда мы высаживаемся и покидаем её всего лишь на третьей станции, этот же вагон (и поезд) отправится дальше, где из его же окна откроется столько всего интересного и очень много: всё это-большее также подвластно и покорно ему, как и меньшее-пройденное на наших глазах, всё это нужно также увидеть – чтоб думать об этом. И это всё начинается с одного слова «на центр». Но мы уходим со второй-третьей станции, разменивая это всё на уже другой путь – часто не такой хороший и удобный с самого начала. Метropоезд поедет дальше – там впереди у него столько всего, но уже без нас. Его путь на этом только начинается. Когда же мы вернёмся откуда вышли, но спустимся и свернём на другой край платформы – там это всё у него уже позади, а впереди остаётся совсем немного, именуемое словом «из центра».

10 лет. Огромное количество изведённой бумаги рисунками по памяти: фрагменты кузовов трёх видов поездов, станций с ними, салонов, кабин машиниста снаружи, всё в разных проекциях. Огромное количество попыток передать всякую новую запомнившуюся деталь подвижного состава чтобы показать его красивым и необычным со своей точки зрения. Десятки изведённых фломастеров чёрного, синего, голубого, и зелёного цветов. Никто другой

не заострит внимания на таких элементах внешности этих двух видов транспорта, всем похожих друг на друга кроме оплаты и интервала движения.

11 лет. Вторая в жизни поездка в Анапу после пятилетней паузы состоится в конце августа 2000 года. Ко всему добавятся поезда дальнего следования. В отличие от одинаково покрашенных и гофрированных вагонов пригородных электропоездов, имеющих токоприёмники через каждый, и кучу прибамбасов на рифлёной крыше, эти вагоны, с крышей более закругленной, неогофрированной разно-серой (по тону) и не напичканной механизмами, имеют разные зелёные тона, а также два вида расположения, формы и количества рёбер жёсткости (гофров) на кузове.

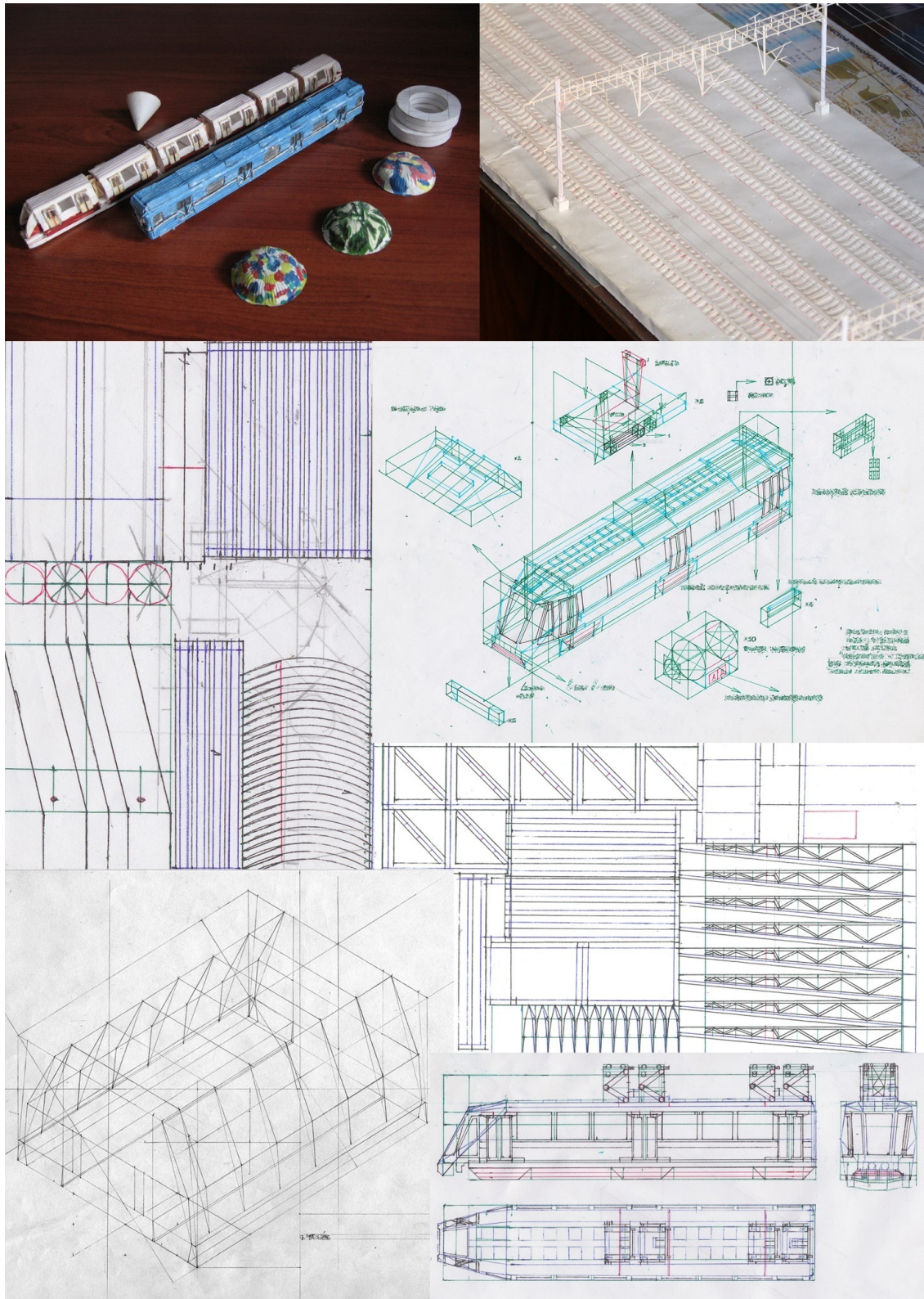
Купейные вагоны – по два почти остроконечной скруглено-треугольной (в разрезе) формы ниже жёлтой (такой же разной в тоне, но одинаковой в форме) горизонтальной средней полоски (подоконного пояса); два ребра (не всегда) между окнами без половинящих их посередине форточек (в отличие от пригородных электропоездов), и одно ребро сверху между рядом окон и началом выступа серой крыши одинаковой (на каждом вагоне) формы и размера. Плацкартные вагоны имеют пять более выступающих (чем у метро и электрички) рёбер жёсткости закруглённой (в разрезе) формы ниже разделительной жёлтой полосы, три таких же ребра между окнами, и ещё три между рядом окон и крышей на разном расстоянии друг от друга.

Среди них зелёных есть поезда синих (Харьковские), красных («Красная стрела», «Экспресс» Ленинградского направления (до 2006 года)) и других цветов – фирменные, одной и той же модели вагонов. В 2003 году при поездке из Анапы в Москву, впервые увидятся темно-зелёные вагоны с шестью сильно выступающими трапециевидными (в разрезе) рёбрами ниже жёлтой полосы, тремя менее выступающими скругленными (в разрезе) между стеклопакетными и более закруглёнными (чем деревянные и металлические) с более жирной белой рамкой и чёрной резиной окнами, и с четырьмя сильно выступающими (как нижние) рёбрами наверху перед крышей.

Подумать только: всё время кроме поездки в Анапу, в этих длинных, гофрированных снаружи и облицованных деревоимитирующим пластиком изнутри подземных и наземных составах я привык проводить от десяти минут до полутора часов в день. А тут целых полтора суток! Ночевать, есть пить и мыться. И всё это время тебя везут. С комфортом, в лежачем состоянии. Так далеко! А за окном не прекращаются обратные рельсы, станции, провода и поезда, ночью от фонарей мелькают освещённые ими элементы той же что и днём электрификации. Да разве можно после такого этим не зафанатеть с головой?! Родители всегда брали билеты в купе (не плацкарт), но на дополнительные – дешёвые и неудобные поезда. Иногда даже с рук – за месяц до отъезда, не зная дадут ли отцу отпуск, и вкалывая месяц без выходных лишь бы заработать на поездку. Прозванивали по записной книжке частные сектора, а по приезду их искали. «Организаторы» будут жить конечно в своё удовольствие, мне же кроме моря с запахом, вечерних спадов жары, чебуреков с газировкой, шампуров с шашлыком, пары хороших аттракционов (советская «Орбита 420» и 90-х годов «Максифуга»), и музыкального фона из пары-тройки новых на тогда радиопесен вспомнить будет нечего...

«Мам, а помнишь как я в 5 лет перед первой поездкой в Анапу боялся ехать на поезде, посмотрев какой-то фильм («Неуловимые мстители 1966»), где горел паровоз, а бабушка сказала: «Привыкай к квартире на колёсиках»?

– «Приучили на свою голову».

По приезду домой появятся рисунки со следами равнодушия к увиденному. Через год, достучавшись по телефону до того же частного сектора и договорившись о проживании, после очередного моего промаха, услышится: «Вот мы шас приедем туда же где были год назад. К тем же людям. Вот чем ты бл**ь на**й за год изменился?»

12 лет, 6-й класс школы (5-й год обучения), весна. Возникавшая неоднократно ранее идея объёмной передачи из бумаги любимого подвижного состава наконец примется за дело. Время

бурного процветания 11-14 лет. Получаемый результат совершенствуется с каждым разом, становясь более «правильным» и детализированным. И это будут не только поезда, ж/д полотно и электрификация, а эстакады, жилые дома, пассажирские самолёты, ракеты или просто непонятные композиции из рутинно выполненных элементов, часто похожих конечно же на решетчатые опоры контактной сети, или простые геометрические фигуры. Стёклами будут гладкие прозрачные плёнки от дисков и сигаретных пачек. Бумага канцелярская, но по возможности более толстая. Глина и пластилин попробуются раз, но это не сложится в связи с невозможностью получения желаемого результата в ручных условиях даже с линейкой и досками. Все свободные щели в комнате примут десятки неудачных попыток одного и того же, жалкого на выброс. Больше удовольствие доставит вырезка начерченных четырёх граней макета решетчатой опоры или горизонтального сетчатого ригеля более длинной формы. Ширина таких элементов в макете – не более сантиметра, а длина от 10 (опоры) до 30 (ригеля) сантиметров. Толщина получаемой сетки достигнет меньше миллиметра. Также кропотливо для детализации режутся и клеятся сотни шпал к рельсам, консоли опор, рёбра жёсткости на вагоны, и окна многоэтажных высоток (13-15 лет). Из нитей делаются провода. Часть макетов раздарится соседям и родственникам, бо́льшая уничтожится в смене на лучшее, многое бросится за нерентабельностью делать дальше, а что-то просто развалится из-за нерасчёта прочности как к примеру «ажурная ракета» из тысячи таких же вырезанных сантиметровых треугольников, разделённых миллиметровыми полосками каждый, но на этот раз образующих огромный цилиндр с куполом. Эта штука, усидчиво сделанная за два вечера, поразит всех любивших меня соседок по подъезду, зашедших в квартиру. Отец и мать сочтут подобный труд занятием не делом.

Небольшое время летом 2000 (10-11 лет) привлекают автобусы «ЛиАз»-5256/6212.00 (двухъярусный с гармошкой) за сильную похожесть на «Икарусы», более современную переднюю часть (кабину водителя снаружи), и сам «Икарус-280» за белый цвет с зелёной жирной полоской снизу и тонкой посередине (как и у тех «ЛиАзов» – одинаковое наружное оформление), раздвижные двери, большее расстояние от них до начала крыши, и внутреннее убранство: белый (иногда деревоимитирующий) пластик в сочетании с чёрной резиной на оконных рамах, межсекционную гармошку и поручни (всё привлекавшее в 6 лет). Мечтается (как и тогда) спрятаться ото всех, жить (с кроватью, едой и санузелом) в таких пустых салонах, не вылезая и не впуская туда никого. Обойдётся парой-тройкой рисунков и одним неукреплённым внутри и оттого быстро деформированным макетом «Икаруса» из тонкой канцелярской бумаги.

Но бо́льшим пожеланием как всегда остаётся свидание с любимыми-бо́льшими по размерам видами транспорта, и только вживую!

Весь этот кропотливый рутинный труд ценится лишь бабками-соседками и некоторыми гостями, умеющими слушать всё что угодно-не игнорировать (да тем более своих (родственников)), забравшими себе часть на память. Никто же из сознательных людей такого не понимает не признаёт, как не признает и сам сотворивший то, но лишь спустя годы – по причине возможности приобретения профессиональных макетов. Мысленно каждый думает: «Ты считаешь, что ты такой усидчивый, терпеливый, стараешься? (взглянув на эти макеты или на овощи, принесённые с ухоженной своими руками грядки на огороде). Я вот не вижу. «Ты молодец конечно же, мне это всё равно, я вот не понимаю почему ты в школе так плохо учишься?! Что это за оценки? Это твоё старание и терпеливость? Это результат...?»

Реакция разных людей на одного и того же меня, разделит их на «своих» (друзей) и «врагов/страшных врагов». Так тётя – одна из двух дочерей сестры моей бабушки, уговорившая отца по телефону забрать меня в один вечер лета 2002 (13 лет) от занятий дома английским в Москву на экскурсию по Кольцевой линии метро, по выходу наружу на «Комсомольскую» неожиданно угостившая вкусным дорогим мороженым, и проехавшая вместе обратно в Химки на электричке, пощёлкав мыльным фотоаппаратом меня где и как я хотел, по окончании того заселится в голову одним из лучших «заступников» (вместо должных-сверстных

друзей/подруг-сверстников за другие заслуги), покажется подобной мне по жизни и интересам, как и тогдашняя жена брата моей матери из одного с ним дома-пятиэтажки их в Павловской Слободе, родом из соседнего подъезда: из-за доброго отношения ко мне, и просто живя там куда ведут два «главных в жизни» транспорта. И неважно то, что спасая ненадолго от отцовской прихоти тётя сама имеет к ней неразрывное отношение: уехав в Швецию, но прилетая к своей матери и к нам (в гости) в Москву (Химки), владеет не только соответствующим для жизни там, но и упомянутым международным языком, и строго контролирует его изучение своим же сыном, уехавшим вместе с ней. Как и жена брата матери имеет непосильное мне образование, и работает с его использованием на соответствующе непосильной по мне работе и должности.

Помимо того, не будет жизни и без дозы «популярных» вещей-запретных плодов того времени, не меньше отрицаемых и многими другими родителями других детей: «Quake» – 1,3 (1996, 1999), его конкурента «Unreal Tournament» (1999) (UT99) (одиночные версии игр), «Mortyr-1» 2093-1944 (1999) и множества других электронных удовольствий нового поколения, о которых позже – по ходу...

Всякие последствия «бабушкиного воспитания» или вообще никакого (по меркам со стороны); неверного (на содержание) сидения дома, и занятий, не интересных и непонятных большинству, не прекращают отражаться на недоразумении всего нормального современного общества и неотсталых от него родителях. Фраза отца: «Постоять за себя не можешь», или любая другая – за плохую учёбу и несправление с ней даже при всём старании, применяются только по факту. А фраза: «Вот они непрочитанные книжки и непросмотренные фильмы» вставляется буквально везде где хоть немного уместна. Мать – не особо сильный дублёр его слов и действий. Также как и отец недовольна отсутствием друзей, нелучшими оценками в школе, конфликтами с бабушкой в непонимании сложностей по математике. Но только гуманней. И ничего не делает по такому же неумению и непониманию причины. Также заставляет читать внеклассное чтение после сделанных уроков хотя бы час в день. Пересказ оба спрашивают меньше чем угрожают спросить, а когда это делают – отвечается лишь лёгкопонимаемое, что-то вроде русских народных сказок, республики ШКИД, и историй из жизни и воображений советских детей. Из современного-всучаемого поймётся Гарри Поттер вне Хогвардса (текст о принявшей не возлюбившей его семье, как и в подобной плагиатной книге про Таню Гроттер), и ещё какая-то серия тонких недавно вышедших купленных на Арбате детских книг с выдумками и рассказами про космос и телепортацию.

Принеся диск «Тесты для детей» и выбрав возраст 10-12 лет, компьютер по совпадению сочтёт интеллект низким. «Ну что? Допрыгались? Вот мои слова начинают сбываться. Пора задуматься...» Слегка напугает.

Военная литература и история, всякие досоветского написания произведения школьной программы и рекомендуемого внеклассного чтения, не доставляют абсолютно никакого понимания их содержаний, а значит и интереса к ним. Но советский бывший военный (просто этим заинтересованный, как и все – два года отслуживший в армии), а после сотрудник милиции, хорошо понимающий политику страны, с детства повернутый на политической истории мира, и чтущий и любящий книгу отец, по-разному не слезает, и выходит из себя за непонимание этих двух предметов, и за случайную порчу такой любимой им бесценной вещи из сотен бумажек с текстом, сшитых с коркой. Глядя интеллектуальные шоу «Умницы и умники» или «Самый умный», можно услышать: «Вот они нормальные дети, бл**ь!»; про всех же не таких: «Страна нуждается в героях, а вырастает бл**ь одно дерьмо!» Но это не в тему, ибо такими как там (в передачах) всегда приходятся немногие.

Заявленное изведение бумаги, но не портретами людей и животных, долгое карпение в изображении храмов над их архитектурными деталями, накладывание по десять слоёв гуаши на один лист бумаги с целью добиться густого цвета – без понимания того что на общем смысле этому не отразиться, к концу 6-го класса (5-го года учёбы), не по своей воле соответственно,

сдаётся со всеми потрохами в ближайшую – самую образцовую в Химках Детскую Школу Искусств на художественное отделение. Вступительный экзамен из рисования простым карандашом и коричневыми мелками большого круглого горшка с цветами определяет на первый её класс минуя подготовительное отделение, а через год, вместе с ещё парой лучших, сразу же на третий из пяти!

Данная школа доставляет не только большую радость родителям еженедельной приостановкой вечернего шаболдыжничества их детей, но и даёт максимально лучшее довузовское образование по всем направлениям в искусстве, если получатель его расположен к тому талантом – даже не желанием, у тридцати пяти из сорока отсутствующем: получив здесь из – под той палки бумажку, они не пойдут развиваться дальше. Не располагающие же никакими задатками, бесцеремонно отсеяны сразу со вторых-третьих занятий, без возвращения денег.

Отложив в сторону проблемы по школьным предметам, сюда отправляется ровно на 2 часа 15 минут два раза в неделю. С огромным неохотным трудом живопись натюрмортов и пейзажей, и чуть похуже технический рисунок идут безупречно не только «вопреки» любому предмету общего образования, но и много лучше почти всех соседей по аудитории. Похвала не прекращается и дома от до и после нарекающего за обратную ситуацию со всем остальным без понятия причин тому. Но и здесь нередко восходят свои трудности. Выпадают творческие задания совсем не по душе, или рисование людей. Хуже – когда им нужно придумать образ, сюжет, внести большую лепту креатива. Хорошо или плохо, пройдя отцовское (и не только) наставление и осквернение, в конечном итоге сделав что просили, спустя время это снова «покроется» на ура идущими направлениями (изображениями всего неодоушевлённого).

Основное плохое здесь – невыносимость и трата драгоценного свободного времени. Самое худшее: «Дома вы эту работу дописываете, со следующего занятия мы будем...»

– «О нет! А мне ещё то и другое делать! Когда отдыхать-то я буду?»

– «А рисование не отдых?» (Слова дома).

– «Ты чё издеваешься?! Какой это отдых, это такая же работа не в удовольствие!»

Финал каждого учебного года – четыре дня выездной практики, а самая противная техника рисования – пастельные мелки. Самое ужасное – отправление через полтора часа обратно в автобус, за которые точно отрисовать и закрасить акварелью и белилами детальную архитектуру невозможно. Доделывать приходится дома по памяти, с большими усилиями и нежеланием. Транспорт до места проведения занятий и обратно украшает предстоящее испытание: это будет самая лучшая, негрязная и приятная его часть. Некомфортные условия: листок, прикрепленный к картону (этиудник ради четырёх дней в году не куплен); в любую погоду; с пакетами, раскладным стулом и одной несчастной на всё про всё баночкой воды; по уши в краске, без возможности вымыть руки, что уж там кисти и прочие вещи. Обратное сопоставление ясно какому отдыху:

То, что будет под дождём в усадьбе Абрамцево 2 июня 2003 года, и ровно через сутки под землёй в знакомстве с Арбатско-Покровской линией метро: при тех же погодных условиях наверху и той же сопровождающей бабушкой, севшей вчера по разрешению в автобус полюбоваться за компанию усадьбой, сравнивать думаю самым понятно. В дни летних каникул, под заставлением рисовать чтобы не разучиться, в какую попало погоду поедется в Коломенское, где из-за не лучшей её в тот момент, принесённый листок лишь разрисует карандашом, а краситься будет дома из головы по памяти. Зная, на чём поедется туда и обратно, по приезду скажется: «Но зато свою «тупость» ты получил».

Всё окружающее вне этих считанных-не грузящих мозги часов в неделю однозначно много сложнее, ужасней, лишь иногда знает меру и остановку. Трудности образования основной школы: технические и гуманитарные науки, самостоятельные работы, связанные с применением непростого теоретического материала, и многозадачности простого переходящие в сложные логические и непонятные цепочки быют с толку и взяты под контроль, отбирая тем

бо́льшие предполагаемого время и силы; самым страшным является непонимание тебя окружающими в этом положении.

Лето 2002 (12 лет). Городской лагерь другой школы на первом её этаже и во дворе, в ста метрах от своего дома. Когда все играют и общаются, бумага и инструменты принесены с собой, расположившись на виду на одной из поставленных вплотную друг к другу парт. Стоит выйти в туалет или передохнуть на улицу, по возвращению обнаруживается пропажа инструментов, или что хуже – порча сделанной работы. Один за другим выбегают во двор: «Там твою электричку сломали».

Ещё при разговоре матери с главной вожатой об условиях здешнего нахождения с 8:00 до 17:00 с понедельника по пятницу – в этой скудной инфраструктуре из аудитории для начальных классов, коридора, школьного двора, столовой с трёхразовым питанием без ужина, моментально закатывается истерика. Мало ей и остальным учебного года, так ещё и лето чтоб было «при нём»?! Дома-поверх того не отменяется час внеклассного чтения, а в выходные огород? Особым моментом быть передаче матерью пятистарублёвой купюры (Ценовая политика: Москва 2002) за месяц всего этого в руки старшему вожатому, и истерическому возгласу: «Нахрена ты ещё деньги за это платишь?!» Это будет совсем немного как раз за те несерьёзные условия, а вся сущность ближайшего будущего верно почувствуется заранее, стоя и слушая тот разговор, бесполезно скуля всем кому можно, но никакие эмоции и уговоры конечно же не помогут...

Правила просты и изложены вожатыми на первой же линейке: вторым табу после первого «не повредить ничто/никого», будет «не перелезть за невысоко ограждённую территорию школы» – моментальное исключение без разговоров и денежных возвратов (возможно угроза/преувеличение для внушения страха). На такое пойти конечно в голову не придёт, но невозможно будет и находиться там дальше по всем причинам.

На второй понедельник, помочившись внутри ножки найденной в кустах табуретки, а затем вылив всё на асфальт ради прикола перед соседом по месту «заточения», сдавшим проходившей мимо младшей вожатой случайно увидевшей странную мокроту на земле, в опустевшей к концу дня аудитории один на один с двумя другими старшими состоится беседа о моей сущности и перспективе в жизни глазами взрослых. Главная из них – директор школы, принявшая деньги матери и выдающая остальное нормальное, но страдающее поведение, выдаёт правду: «Всё-таки тебе здесь реально плохо». Подтвердив это, в последующем самовольном монологе о себе, за рассказ о проблемах с учёбой, не пожалеет, а окрестит будущим дворником. Написав от руки просьбу явиться родителям в ближайшее время, на следующий же день из-за совпавшего выходного матери, спустя переговоры, посторонившие виновника их за дверь кабинета на улицу, через считанные минуты более желаемому проведению бесценного времени – летних каникул снова продолжиться, а на случайный «десерт» прямо оттуда с той же матерью состояться поездке на метро до «Тверской» туда и обратно в ранее упомянутый банк по её делам. По дороге назад в автобусе, на мой радующийся свободе вопрос: «чем я плохой?» она ответит, что ей просто не нравится отсутствие у меня друзей. Дома же реакция на свершившееся событие бесспорно примет несколько другой характер, а спустя время городское телевидение расскажет, как в этом и другом лагерях (при стенах школ) здо́рово и интересно, никто не притягивает окончание этого времени, у всех одно утешение – впереди ещё одна смена...

Школьные и дворовые хулиганы и гопари – большое и ужасное препятствие везде: на переменах и в туалете, во дворе, по дороге домой. Мысленно кажется, они пытаются разрушить не только твоё тело, но и всю твою жизнь. Все твои действия, и конечно всё сделанное тобой. Некоторые из них уже курят, а некоторые стоят на учёте в детской комнате милиции. Двоих известных в районе и в школе даже учителя-защитники (не противники) моего «внеучебного» мира и поведения пытались привлечь к уголовной ответственности ещё задолго до их знакомства со мной и загона одним из них в туалет с объявлением условий принести к следующему

разу 28 булок или 4 шоколадки, чего естественно не делается (10 лет, 5-й класс школы (4-й год обучения)). Таких юных бандитов и менее агрессивных сорвиголов на глазах детства и юности будет везде достаточно.

Среди всех одноклассников и одноклассниц обоих школ, знавших домашний номер телефона и звонивших чтобы приколоться, лишь один сочтётся реальным хулиганом после поджога на уроке кабинета географии и заставления его классной руководительницы по тому же номеру молить о прощении за телефонное хулиганство поверх ответа перед школой за порчу её имущества. После она же свяжется с моим отцом, посчитав меня много лучшим в школе в сравнении с подобными, и в пределах разумного удалённым от уровня желаемых отличников.

Отец хоть и сотрудник «защиты», но словами потакает моральное и физическое преступление в адрес не умеющего дать нормальный отпор, и допускающего своим же поведением такое к себе отношение, мать также не понимает в чём дело: «Ну вот почему ни к кому не пристаю, а к тебе все лезут? Значит ты повод какой-то даёшь, позволяешь чтоб над тобой издевались», но никто из них так и не предпримет ничего дельного для выяснения причины происходящего и устранения какой-либо грамотной мотивацией: за очередное недоразумение суётся книга-повесть с заставлением прочесть сегодня от сих до сих и под пересказ... Идеей фанатеющего историей отца найти друзей будет удивить на перемене парой вручённых им раритетных монет кого-нибудь из ребят. Но стоило это сделать, как сами они давным-давно знали эти блестяшки не хуже него и меня-наученного, не породив на этом ожидаемого результата.

Ещё с четырёхлетнего возраста если не раньше, никто иной как бабушка, не меньше и больше провожавшая и забиравшая из детского сада, узревает постоянное уединение от коллектива из-за ненахождения с ним общего языка. Её просьба к родителям: «Андрей, Ларис, сводите его к психологу, почему он всё время один? Почему его как посадишь за карандаш – так он в истерику, а если рисует – то только одни линии?» особо не слышится, а состоявшиеся всё же походы к нему-бесплатному и пару раз не туда куда надо – к психотерапевту, венчаются чем и ожидалось водившей матерью – не больше пустой траты времени. Вернувшись домой, ответится: «Он здоров. Сама ты больная».

Коллектив сверстников просто враг, если не игнорирующее и не взаимно игнорируемое живое пустое место. Он собирается на перемене и о чём-то разговаривает; он каждый своими «кусками» (компаниями) тусует на улице, играет в футбол, подтягивается на турниках, обсуждает просмотренные новые фильмы. С ним живётся вплотную и круглый год даже после всех лагерей – пересекаясь в своём и любом дворах. Его поведение кажется слегка навеянным западной культурой – «втираемой» СМИ на тот момент, а вместе с этим – больше чем раньше распушенным (как и взрослого-руководящего им коллектива тоже: видя, что нашли и забирают отшельника, не помогают и не обращают (как раньше-в советское время) на то внимания, могут и поддерживать это забитие – если сами такие). Его разговор и действия бывают просты и понятны, но повторить такое и за это влиться к нему не выходит. Его жизнь за пределами сада, школы, работы и учёбы остаётся надуманной предрассудочной загадкой. Его увлечения и перспективы неясны и далеки. Разговор с ним длится недолго, оставляет отпечаток недоразумений. Большинство, включая «элитный слой», с первой же связавшей с ним ситуации отшивает сразу – за непонимание и неподобие себе. И сколько не пытается вслушаться в его общение, понять и продолжить беседу, а после общаться дальше и быть во всём с ним – ничто не выходит.

«Я мог быть интересен своими интересами, общением и внутренним миром лишь первые минуты. Недостатками выходили беспрестанные рассказы о себе и жалобы на свои трудности, громкая монотонная «загрузочная» речь и эмоционально-волевая неустойчивость – выход из себя, крики, истерика и неадекватное дикое поведение-реакция на малейшее не так – например на проезд мимо своей остановки, опоздание, где-то задержку-трату времени, падение предмета и порчу одежды, ввязку в проблему по дикой глупости – оттого целую боль в голове о том, что

сегодняшний обычный-замечательный день этого совсем не предвещал. Для кучи – не такая походка и прочие телодвижения, лишние действия, всегда попытка договорить свою мысль, видя и игнорируя её полную уже неактуальность в общей/диалоговой беседе, дабы услышать по ней ответ». Энди Купер.

За попытки навязать себя и своё, неуважение и непонятие интересов других, в ответ могла следовать ненависть призе́рами такого поведения. Отсутствие этикета при сверстниках и за столом в гостях также не остаются безнаказанностью.

«Андрей, ты не обратил внимание – чё то (родственники по отцу – его братья и их се́мьи) нас больше не приглашают к себе? Раньше мы к ним часто ходили и они к нам, везде с нами были, ездили куда-то на шашлыки, рыбалки, в походы. Сами вон собираются, ходят друг к другу, а про нас забыли»

– «А небось этот там чё-нибудь ляпнул бл**ь, вот и не ходят». (Истиной причине быть в конфликтах между взрослыми – признании их нам не родными);

10 лет, итог первого свидания в тех гостях с двоюродными братьями и сестрой-почти ровесницей: «Да ты все увидели – просто бл**ь о**ели. Я всё время смотрел как она (эта сестра) глаза протирает – наверняка думала: ни сон ли это – что у неё брат такой?»

Ещё одним «классическим» нареканием будет: «А о чём с тобой можно разговаривать? Книжек мы не читаем, фильмы мы не смотрим. 13 лет бл**ь. Тебе уже 13! (10, 12, 14). А мы всё «коробочки клеим», да на метро катаемся». Позже будет 15-18, 23 года; «Друзей на**й нет, подруг бл**ь нет, от ты все шарахаются. Кому ты нужен-то такой? Ты людям неинтересен! Где бы ты не был, сначала все думают: ну может прикалывается, ладно. Присматриваются. Видят бл**ь уже что нет – это так и есть. Потом начинают чморить. И будут чморить постоянно, везде и всегда!»

Светящиеся на глазах молодёжные премьеры, всеми любимые боевики, детективы и прочее кино любого жанра в целом не понимаются и не вызывают интерес. История с литературой как уже говорилось – аналогичная тьма. Справиться удаётся лишь с са́мой незначимой, поси́льной информацией.

По воскресеньям с утра до обеда ходится с бабушкой и дедом на рынок, по магазинам. Здесь родители не против, ведь периодически сами туда же берут с собой, не оставляют дома на целый день – это плетётся с рождения. С него же, от той же бабушки не прекращается просьба: «Андрей, Ларис, сводите его в театр, в музей, на выставку. Ну что же он всё время с нами-то по рынкам и магазинам ходит? Надо чтоб он развивался, а здесь он что получит?»

Мать же и отец редко и с трудом выходят в центр скопления всея Родины – столицу, куда проходит и приходит метро: раз за детство на Красную площадь и в Кремль, второй – в московский зоопарк, где как и везде не понравится, особенно подстраиваться под них, и выделяется лучшее из того – покинутая подземная туда дорога, желание и радость долгого обратного по ней возвращения домой; цирк/представление – раз-два в год в Новогодние праздники; пара тройка походов в музеи, а позже (уже под конец раннего детства) регулярно на Измайловский вернисаж. Отдыхая в Анапе, обчешутся с ними все щели исторических гордостей курорта. Но действие их направлено в свою пользу в первую очередь, не поняв почему это не интересно мне, а лишь вежливо и не очень попросив не портить настроение, и почему эти все поездки и походы так долго ждались только из-за метро/поезда дальнего следования туда и обратно, тоже не поймётся. Больши́м плюсом в них станут лишь угощения мороженым, чебуреком, шашлыком и газировкой, заметней делающиеся ближе к подростковости, а пока только изредка, не всегда, и не сильно улучшая обстановку. Это единственное, в чём поход с ними будет лучше походов с бабушкой, материально не способной тратиться на такое. Но скоро походам с ней же неожиданно измениться, и проявлять другие-много высшие положительные качества и без этой отличительной мелочи...

11 лет, начало 2001, зимние каникулы. В последний их день, уже привыкнув ездить на метро раз в год по обещанию до «Войковской» и реже до «Тверской», неожиданно будет получено сверх желаемого, не поверив в это.

Незаятая работой бабушка, таскавшая как и мать с отцом по ближним рынкам и магазинам, на этот раз поведёт к остановке «Больница» 268-го автобуса, едущего в Москву до станции метро «Планерная». Тогда это был второй автобус после 817-го ((бывшего 517-го), идущего на МКАД с Ленинградского шоссе), соединяющий Химки с этой линией подземки. Ходил редко, ждался долго.

И спросил я тогда: «А чего мы так долго ждём? Куда поедем вообще?»

– «Первую звезду ждём».

Приехав на Планерную, мы походили по тому рынку и купили всё что она хотела, дальше внезапно без моего ожидания зашли в метро, прошли через манящие это сделать пятиугольные турникеты, доехали до «Беговой» просто так, и пересели в обратный поезд – время уже не позволяло, скоро обед со всеми вместе.

«Ну ты доволен?»

– «Ещё как»

– «Только дома ни слова!»

Знавшего езду по этой линии с матерью не дальше «Тушинской» в то же Нахабино (Павловскую слободу) считанные разы в жизни, и ещё реже до центральных её станций, резко окатит волна удивления. Это был подарок от другого члена семьи, аналогично не поощрявшего его смысл, но подаренный с душой и поддержкой. А содержимое-то какое: другие поезда с чёрной сплошной (а не белой с «узорами» на дверях) горизонтальной подоконной полоской, более тёмные (из-за другого освещения) внутри – не привычные (как на большинстве других линий). Оформление здешних станций говорит о лёгкой понятности, порядочности и величии своей эпохи: почти однообразное, почти все они – сороконожки разной отделки, немногие-остальные – всех остальных типов, всё облеплено материалом скромным, но красиво, указанные составы здесь пишутся как никакие другие. Семидесятые годы СССР отражены во всей красе. И всё это параллельный аналог северному радиусу Замоскворецкой линии – более доступному (на тот момент) к Химкам, чаще посещаемому и изначально более понравившемуся за вечно совершенную довоенную красоту (начиная от «Сокола» в центр), а главное – за большее удобство: популярные и почти ещё современные в те годы «Номерные» очень быстро увозят от трёх «сороконожек» («Речной вокзал» – «Войковская») с атмосферой недалёкого от них речного порта в исторический центр большого города уже со следующей станции «Сокол». Всего один тоннель (между ней и Войковской) разделяет линию на «красивое» и «простое» метро.

Вопрос оставался один, с раннего детства до поздней подростковой: как заполучить или самому сделать уменьшенные копии этих шикарных на вид составов, рельс, платформ и токонесущих опор? Таких же длинных, детализированных до полумиллиметровой точности, масштабированных 1:87? Из конструктора собрать не удаётся – деталей попросту не хватает. Бумага тонкая – что не делается, то гнётся и деформируется. Хорошие (относительно) вещи получаются нескоро – классу к восьмому (13 лет), в маленьком количестве. На большее, даже при изначальной к нему жажде, не находится много времени, да и терпение с ходом работы быстро иссякает. Купленные и выброшенные детские железные дороги имели и имеют всего лишь паровоз и один-два «не наших» довоенного стиля вагона. Длинного же поезда, да не одного, хотелось ещё до начала фанатизма.

Что ещё будет подобно и параллельно тому? В морозный солнечный зимний день ходя по рынкам и магазинам, обращается внимание на знаменитые советские весы «Тюмень» зелёного и синего (основных, привычных) цветов корпусов, но больше – на красную, чёрную, темно-зелёную или темно-синюю в них стрелку: сплошную (на цвет) или с красной головкой, на фоне белого циферблата. Ну чем это всё не цвета кузова метropоезда, или токоприёмника элек-

трички то красных то чёрных оттенков, иногда с красными или оранжевыми кончиками полов?

И наконец, собираются с бабушкой и сдаются литровые стеклянные бутылки в точку их сбора и обмена на деньги недалеко от дома, получая рубль за штуку (Ценовая политика: Москва 2000). Отец и мать снова равнодушно реагируют, видя за этим делом, особенно во дворе при сверстниках, наблюдая отличие от них: «Я не пойму, тебе чё жить не на что? Ты понимаешь, что ты нас этим позоришь? Что ты как бомж-то себя ведёшь?» «Бизнес» же их (сверстников) наглядно показывается из окна балкона: «Вон видишь твои (по возрасту) пацаны машины моют? Вот это я понимаю зарабатывание денег. А не бутылочки бл**ь ходить собирать». Спустя немного времени, со слов того же представившего эту картину отца, один из них неудачно помоев авто крутого дяди, продав для возмещения ущерба двухкомнатную квартиру и часть имущества. Спустя три года и закрытие того «пункта награды», те же бутылки будут биться в лесу и везде для поиска и извлечения из них шариков-дозаторов, из которых делается неплохое украшение поставленное на подсветку, но пока и об этом разбитии тоже не будет положительного мнения...

Всё это останется приходящим и уходящим перед ни от чего независимыми объектами постоянного заострения внимания. Подземка и её родитель железная дорога, одинаково неизменные всегда, в разное время привлекут и поражают собой по-разному, натолкнут руки и голову, а значит целую часть жизни на изменение её хода.

13 лет, 2002 год. Сентябрь 8-го класса школы (7-го года учёбы). Ни на юбилей Москвы ни на обычный День Рождения столицы (как и ни на одно 9 мая) в центр её никто не поедет, не повезёт с собой и не признаёт этот праздник. Боятся толп, не считают это нужным, и не слышат меня-желающего блеснуть перед другими жителями своего города в этом плане. Преодолев с большим боем первые резко объёмные и сложные домашние задания по алгебре в первые же дни учёбы, со второй недели по воскресеньям начинаются регулярные поездки с бабушкой на Тушинский рынок. Первая из таких была ещё весной, несколько раз промелькнула летом. Это место ещё выделяется и привлекает значительно дешёвыми продуктами, конкурирующими в цене с более отдалёнными от центра областями. Дома всеми остальными-работающими и не думающими о ценах, «лишь бы покататься на метро» полагается главной причиной туда хождения. В начале двухтысячных на месте скоро будущих торговых центров и цивильных крытых павильонов ещё располагаются рынки и палатки. Одну и ту же на свежесть и качество зелень, фрукты, овощи и мясо ещё можно купить в соседней лавке гораздо дешевле чем в этой. В некоторых палатках особенно дешёво – туда выстроена и отстаивается десятиметровая очередь. По дороге назад в завершении всего, спустившись обратно на станцию «Тушинская», домой – в сторону «Планерной» сразу не поедется, а сначала прокатится чем дальше тем лучше: до «Полежаевской», «Беговой» (в сторону центра), а то и до «Улицы 1905 года», с запахом купленной свежей зелени из мешков с продуктами. Эти темноватые на освещение салоны с ещё деревянными оконными рамами, мягкие сиденья в сочетании с этим наружным оформлением кузова, и именно эти станции за окном, так продолжают чем-то этот покинутый рынок, его добрых людей и купленные в нём свежести; подобают ему в плане «советской колхозности» отделочных материалов и дизайна (именно эта модель вагонов, а не «Номерные» на параллельной Замоскворецкой линии, до поголовной их модернизации с начала до конца двухтысячных), но много «сложнее» и тем «совершенней» этого рынка и его палаток (на конструкцию, площадь, удобство и способности), больше размером, способны двигаться – да очень быстро, и привезти в такие бо́льшие и разные просторы мира подземного своего владения (и мира наземного), о которых эти рынки и эти их люди даже не думают. Есть одно общее – и то и другое потребляется одним и тем же человеком в день и час.

Страшной бедой и неисправимостью остаётся одно и тоже: рассказывать окружающим свои интересы и пристрастия, не понимать ответные интересы и пристрастия их слушающего,

и от того часто назревание в нём (слушающем) ненависти к такому собеседнику, строящейся на его реакции сначала ко внешнему странному поведению её в нём пробуждающего, дальше ко внутреннему: содержанию общения, общему низшему качеству исходящей энергетики. Ответается тем чем считается нужным по ситуации, поведению и характеру это делающего. Ответ не понимается, ничто не даёт собой, рождает лишь нового врага в давшем его. Всё продолжается делаться по-своему.

«Тебя все чморят!»

– «Да, но вот когда весной на меня напал один из «семейства» Веселовых (местных хулиганов, нападавших и на других), соседка (уставшая от их выходок) выбежала из подъезда, кинула в него большой железной палкой – он тут же сбежал назад». От тех защищал весь район, от подобных вредителей в школе хорошо защищали учителя, классный руководитель и завуч, один раз работница вестибюльного киоска, уставшая от стуков по её стенке загнанного в угол с криком выйти на помощь. Но все эти люди также не пытались выяснить тому причину, и запросто могли напасть тем же образом, но морально, а не физически, за неподобие уже их желаниям: несправление и недостойное выполнение своих предметов дома и на занятиях. Добавив рассказ о заступлениях директора, ответится: «Да жить-то не соседкам и ни директору».

Сдача даётся инстинктом самозащиты, пару из сотни раз выведет на победу, навсегда отогнав обидчика: интуитивно предчувствуя разумность и целесообразность её в ситуации, во многих из них не зная самой главной, бесстрашной, элементарной и самой надёжной самообороны – не допуска этой драки своим поведением и общением с возможным её инициатором, или в его присутствии, характерной такому же «лоховатому» и замкнутому в себе физически и умственно не развитому однокласснику, ни разу никем в отличии от Данной истории не тронутому, не получившему по морде ни от одного самого конченного отъявленного школьного и дворового раздолбая, наконец не догоняя возможность решить этот наезд словами, отведением самому в сторонку этого нападающего с вежливой и умной к нему просьбой отвалить раз и навсегда, по мирному без кулаков не вызвавшей бы у него желание дальше своё продолжать...

Первая (и последняя) классный руководитель (после начальной школы) обратив на всё внимание, скажет всем собравшимся на одном из всеми любимых (кроме меня) добровольных после уроков сидений и занятий внеклассной жизнью в её классе, втайне от меня: «Ну вот такой вот он у нас (с этим надо мириться)», о чём спустя три года расскажет сама после уже моей некой провинности, добавив: «но вот то что сейчас уже ты делаешь, извини...» Она же, в те моменты знакомства – первого за мной и за всеми наблюдения, помимо заступлений-совместных поисков обидчиков по всем школьным этажам, в одной из ситуаций, ещё не до конца понимаемая чем я не такой, скажет: «Значит ты так ведёшь себя что тебя не грех обидеть...»

Часто (рассуждая по себе, и надеясь, что и в этой ситуации всё же будут как-то и когда-то друзья в последующих коллективах) используется: «Вот будешь ты бл**ь в компании серьёзных мужиков и вот так себя поведёшь (ляпнешь/сделаешь чё-нибудь...) Знаешь, они этого не терпят. Это тебе бл**ь не с мамой и не с бабушкой...»; Методы отучения от метро и поездов просто ни о чём: «Помнишь мы ехали из Анапы? Что тебе умные люди сказали? Метро вообще надо избегать. Даже пятнадцать минут в метро сказываются на нервной системе. Это уже психологи установили. А уж сорок минут или час – это вообще! Да от каждой такой поездки человек определённо меняется, это вредно для организма. Это замкнутое пространство!» Или ещё вариант: «Я тебе говорю как от этого избавиться: берёшь листочек бумаги, ручку, и пишешь на нём: «Метро» на**й, «Поезда» бл**ь, «Видеоигры бесполезные бездумные», «Тупорылые занятия». Затем рвёшь его на мелкие кусочки и кидаешь в мусорное ведро. И всё бл**ь! Психологи советуют. Помогает!»

«У меня на работе кто ни спросит чем у ты сын занимается, я отвечаю: Да дома в основном сидит кроме школы, никуда не ходит особо, уроки делает, компьютер с ним»

– «Ооо, ну тогда он у тебя наверное отличник просто, умный да?»

– «Да какой на**й умный, троечник да двоечник бл**ь»

– «Да ладно, как это так...?»

А уж когда мы говорили про остальных детей, и я проговорился что мой сын на метро катается, да мне бл**ь сразу сказали: «Он чё у тебя вообще ненормальный?» Мне стыдно стало, я покраснел, я начал вывёртываться:

– «Да не, это мы просто поехали по делам в Москву, а там надо было подождать, и мы от нечего делать проехали на новую станцию «Парк Победы...»

Любящая прочесть мораль бабушка, это тоже положительно не ценит. 9 лет, 3-й класс школы. «Ты зациклился. Как идём со школы с Серёжей вместе, ты начинаешь: «Серёж, тебе нравится метро «с чёрной полосой»? Тебе нравится метро «с белой полосой»? Ну так же нельзя! Лучше бы ты рассказал: я вот сегодня до школы прочитал книжку – и на природе попутешествовал и на море поплавал, побывал и там и там, в роли персонажа какого-то побыл, переживал за него, за других героев». А после жалобы на очередной наезд Веселовых (весна, лето 2002, 12 лет), мать говорила: «Ты им небось подходишь и про метро рассказываешь?»

– «Ты издеваешься что-ль? Я к ним вообще даже близко не подхожу. Они сами первые набегают. Я даже прохожих прошу вместе пройти вдоль их двора когда они там сидят, а ещё защитившие от них соседки мне сами сказали где точно их никогда не бывает и лучше обходить»

– «Да не прятаться надо бл**ь, и не искать где обойти. А надо быть мужиком и находить общий язык с коллективом!»

Время идёт. Меняются взгляды на жизнь. Отец, мать и сверстники продолжают действовать казалось сплочённо, хоть и не зная друг друга. Особо ужасно осознавать осквернение не только себя, но и своих дел, а значит существования. Пристрастия и стремления к своим желаниям только увеличиваются вовлекая третьих лиц. Метрополитен и железная дорога в 2001-2003 годах (11-14 лет) воспринимаются средством «эвакуации» ото всего плохого: любых врагов, гнева отца, заставлений чтения, занятия не идущими успешно-вызывающими отвращение техническими и гуманитарными предметами, другой сочтённой ненужной-зря вбирающей силы и время работой.

7 января 2000 года (10 лет). Поездка до «Тверской» на Пушкинскую площадь вместе с ним и матерью, фактически по их желанию. Сделав фото на фоне местной Новогодней ёлки, пройдясь мимо билетов на представления, а дома посмотрев всеми вместе пару фильмов, про ежедневно заставляемый час внеклассного чтения в этот раз никем и не вспомнится. А после, предстоящая с мамой поездка в Нахабино (Павловскую слободу к её родне) с завтра по субботу, а отцу выход на работу на сутки, отложит «наседание» с занятием английским на потом вроде воскресенья – последнего дня каникул, где за совместным знакомством с принесёнными оттуда подаренными дендивскими картриджами, всё снова забудется и задобрится. И разве можно после такого позволить себе не назвать «силой спасения» или дорожкой из «мира зла» в «мир добра» эти два мощных, ведущих туда и оттуда транспорта?

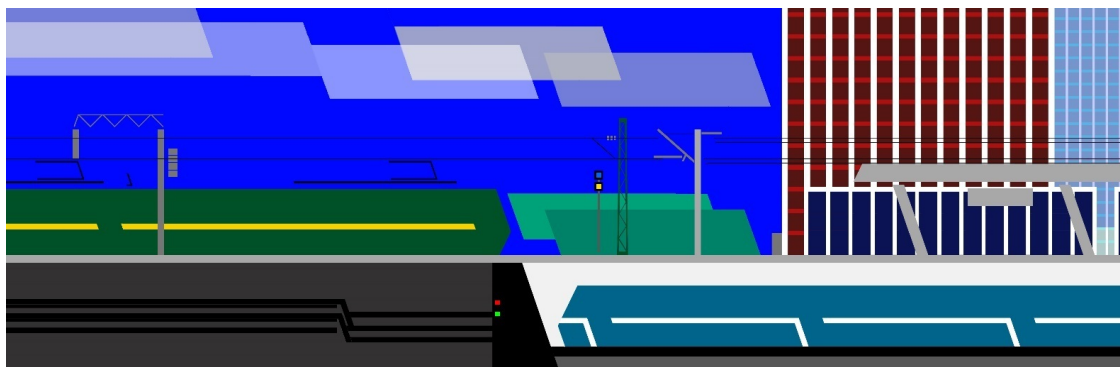
Каждый из их подземных и наземных железнодорожных составов бомбоубужищем укрывает в себя, спасает никаким ударом не проломимым кузовом, и в нём же увозит много быстрее их (всех «врагов») ног в безграничные дали от узких и опасных клочков ими наполненной земли. А внушительные размеры, детализация и техническая часть сильно противостоят огороду, на который почти каждый день в летние каникулы с 1999 (отмены лагеря) по 2003 (до продажи земли) водит бабушка.

Рыбалка, катер, шашлыки и палатки раз в кои веки с отцом и по его линии родственниками на той же природе несравнимо лучше, но крайне редки и коротки ввиду отсутствия у них возможностей на больше и чаще; хозблок и пахучий сарай для справления нужды, влажность, крапива, жара, скукота, нормально присесть-прилечь негде, замкнутые шесть соток почти весь день, увы берут верх перед более лучшим загородным времяпровождением. Родной же город

ской комфорт владеет всеми противоположностями какими можно: кривой и покошенный небольшой огородный дом, а тут большое и ровное, отапливаемое и охлаждаемое здание вокзала или городского жилого дома. У сарая/хозблока всего четыре стены, пол, потолок и так мало внутренностей, может быть сделан одним человеком, всё непрочное, ломкое, поросшее паутиной. А многоэтажное жилое или офисно-деловое/производственное здание? Тех же стен видимо-невидимо: одна над другой, а между ними кучи потолков, и всё это из более прочного материала, сделано множеством людей, за большой срок. А сколько всего внутри, гораздо больше пространства вширь и ввысь, светло, ровно, сухо и комфортно, в жару прохладно, зимой тепло. Разве сможет один простой деревенский Ваня соорудить из природного материала в лесу или в поле такую постройку, и сделать-повторить рядом с ней и под ней такое чудо как Московского типа подземку с эскалатором, наружным входом, теми же всеми размерами, шириной колеи 1520 миллиметров? Если только в сказках. Но есть одно общее: и то и другое находится под одним солнцем, вокруг одной растительности и внутри одного грунта. Это всё – обязательно чья-то земля, а значит и туда и туда ступят одни и те же органы власти, и там и там совершат одинаковые физические и моральные действия. Ни в той сложной большой цивилизации ни в этой отдалённой и кажется ни от чего независимой природе и простоте, спрятаться от них одинаково невозможно. В этих местах быть, их оценивать, рассуждать как о них так и обо всём что за их пределами-совершенно не подобными пределам этим, совершать в них поступки по отношению к ним и друг к другу одним и тем же людям: с одними характером, статусом и отношением ко всему. Наконец, эти цивильные и большие строения – часто будущее места этих бедных худых из брусьев построек, снесённых по решению этой самой власти. Но лишь распадётся она или что-то натворит-не поделит, как этот крупный источник света, тепла, шума, пользы и притяжения масс народа станет такой же бесполезной развалиной, лишится всего того, и снова окружится загородной природой, не будет лучше того сарайного домика если не хуже, не претендуя на большее... Все мы знаем о призраках и явлениях в заимках, постройках на месте бывшего кладбища, и даже таких кораблях и поездах вокруг мест их когда-то или кого-то от них гибели. А теперь представьте, что в зоне современного строения, стенку в стенку построенного на месте бывшего деревянного дома, произошло смещение настоящего времени в прошлое, и теперь его часть – технически передовая, выполняющая обслуживающую роль (например наземный вход в метро, или стена с продаваемым товаром или рекламой в торговом центре), призрачно-ненадолго превратилась в стену из брусьев...

В маленьком деревянном домике что в лесу (а-ля избушке на куриных ножках), страшен серый волк и медведь: они запросто могут окружить его, пролезть через окно, проломить слабую дверь и стену потому что он маленький, из кусков дерева, окошко на высоте метра от земли, кругом лес. Внутри него криво и сыро. Пусть они попробуют это сделать в большом и высотном домике серии П-44 или КОПЭ – где всё прямо и сухо, исправно работает отопление, подаётся электричество, газ, новая хорошая проводка и изоляция, двери толстые под сильным замком, всё под контролем множества человеческой силы... В домике-вагончике ЭР2Т, 81-714/717 и 61-820 (в представлении – изначальный внешний и внутренний их виды, пластиковые отделки, наружные окрасы) что на колёсах, длинных рельсах, под множеством столбов с проводами (а-ля «избушке» на бегущих «куриных ножках»), серый волк, медведь и даже маньяк в том же окружающем всё это лесу не страшен, убежать от них всех подальше – как нечего делать, просто одно удовольствие: всё потому что он (домик-пассажирский вагончик в составе поезда) большой, из более прочных и разных продвинутых материалов, внутри тоже прямо и сухо, тепло в мороз/холод в жару, светло и удобно, просторно и пусто, всё это на месте такого же леса: теперь вырубленного и застроенного вот такими «избушками», да быстро передвигающимися. Соответственно рассуждая о том, что раньше на этом месте была чаща-болото, не забывается воображение о той же стычке его прошлого с настоящим, а может и будущим: тот же горящий светом и быстро движущийся вагон вдруг останавливается, проваливается в

резко образовавшееся снова то самое нынче осушённое болото, или резко протыкается бывшими на нынешнем месте его жизни и движения деревьями и растительностью, тонет в сугробе снегов бывших-возможно будущих этого места зим. Представляете что будет с неготовыми к тому едущими в нём людьми, или наоборот как офигенно свезёт испытавшему превращение места его заблуждения в беспробудной глухомани наедине с суровой природой, и бегства от дикого животного, – в кусок стопроцентной цивилизации?

Заросшая травой навозная коробка из необработанных деревянных досок никогда никуда не поедет и легко развалится от природных условий. А тут подвижной состав: под ним не трава высокая и непроходимая, а ровная земля, гравий, и бесконечно длинные стальные рельсы: большие, надёжные, с бессчётными бетонными шпалами на одинаковых друг от друга расстояниях, и ещё большее количество гаек и винтов, скрепляющих всю эту железную «почву», созданную для быстрого по ней движения. Электричка и поезд дальнего следования – это более (чем та навозная) огромная коробка на колёсах, сложных тяговых механизмах, и состоящая из также более прочного и улучшенного материала, ДСП-пластиком отделанная внутри. Всё это с двух сторон окружено необъятным количеством непохожих друг на друга бетонных и металлических столбов и поперечин с консолями, держащими провода и изоляторы, а не досок с ветками от деревьев, поставленных вокруг сарая что не поедет под ними потому что не сможет этого сделать, и даже не загородных деревянных опор ЛЭП с тремя проводами. Это намного серьёзнее, сложнее и главное – соответственно красивей! Навозная же коробка, деревянная хата и сарай ранним утром не повезут тебя на работу в город или куда-нибудь отдохнуть в любую точку мира – потому что построить их много легче описанного транспорта, и денег и сил в них вложено меньше, банально площади. А электричка, поезд дальнего следования, электровоз, метropоезд и любая ж/д техника, рядом с теми же огородами, деревьями или подальше от них, сделанные на далёком отсюда заводе, и теперь находящиеся в движении по своей инфраструктуре на той же травяной земле и из немного подобных, намекающих на эту дачную жизнь «загородных» материалов (как это кажется, но на самом деле из более лучших), поедет, да ещё и быстро, успешно соединит свежий воздух, леса и эти огороды с большой и развитой городской средой. Мало того, их крутизна перед этим застоем-отстоем ещё и совершенствуется, пока то так и остаётся таким же... Нет слов бесконечно расписывать эти баснословные расхождения, имеющие что-то общее. И то и другое освещено одной погодой, и даже может находиться совсем рядом – меньше чем в ста метрах друг от друга; правда то, что и то и другое приносит каждое свою пользу. Торопясь на поезд дальнего следования, особенно под вечер когда темнеет, войдя наконец и сев в вагон его, глядя на освещённый интерьер, ощущая отопление в холод, только и думается что в сарай таких же площади и внутренних стен, но из брёвен, без света и тепла, прикованный к земле, спешить незачем: он не отправится

никуда ни в указанное время ни даже позже, а этот «сарай» отправится (да как быстро – если «скорый»). А отправившись, не забывается общее между ними – одна чернота, снег и дождь за окном. Это же сравнение характерно и для сараев из заброшенных-тех самых когда-то живших вот так же вагонов: ещё вчера в них и из них торопились люди, горел свет, и они двигались в округе бурного и яркого подземелья, его ритма и шума, или наземной инфраструктуры. Сегодня они вот такие остановлены навсегда, в них ничто не горит и не греет, они заросли в траве и никуда не сдвинутся... Рассуждая о строящейся будущей взрослой-«против массовых обычаев» жизни, пока эти массы на все выходные и на праздники поедут на такую вот дачу-к маме домой и к этим кривым сараям из города в область по всем пробкам на автобусах и машинах, я буду ездить как ни странно в другую сторону – тоже в деревню и тоже к сараям... Но только в бывшую, и находиться в сараях прямых, более просторных и быстро куда хочешь везущих, и... ко многому другому-более лучшему! Вырытые узкие канавы на огородах пересекаются друг с другом, заходят за пределы шести соток: в них ползают пиявки и слизни, как и в сырых влажных проходах в парниках между грядками. Всё это отвратно и криво. Зайдя в парник поработать, становится омерзительно. Под землю уходит полваленка. Уж не говорю про запах и тесноту. А уж если нечаянно провалиться ногой в эту канаву – наступает моральный конец. Пострадавшая обувь моментально и необратимо наполняется еле отмываемой коричневой жижей и живностью.

А теперь сравните метро вырытое в том же Красногорском районе в километрах лесов и дорог отсюда-от этой канавы: прямо и сухо; ровно, симметрично и комфортно, огромных размеров в сравнении; глубже, длинней, просторней, вечный свет внутри. Эти парники и домики (на формы) попрямее и пахнущие получше – лишь входы в канавы побольше, а в них... Вместо медленных пахучих и опасных пиявок – огромные, быстрые, приятно пахнущие и безопасные полупустые поезда с очуменным запахом всей той среды, идущие туда и обратно, параллельно друг другу. Такое разное освещение каждого куска этого большого созданного целого мира, его сложные системы, материалы, архитектурная красота. Эти «канавы» разных форм также пересекают одна другую, и заходят за пределы своего «огорода» – столицы. А запах-то какой, ммммм. Креазот, вентиляция, прохладный воздух в одну с «обычными» (не имеющими то) канавами жару. Под землёй... Разве не здорово? Метро из множества линий, станций и входы в него, вообразено в себя входом-выходом возле тех же сараев (или собственно интегрированным в них), летних дачных домов, отдалённых за километры от него-настоящего и прочей цивилизации посёлков – как действующих так и заброшенных/полузаброшенных, но метро это в них действующее, скоростными тоннелями и несколькими промежуточными станциями, как и наземный транспорт связывающее то с землёй Большой, выход из него здесь не в окружении шума городского, а в объятии поселковой-заброшенной тишины...; отдыхая на берегу моря на шезлонге, этот же вход-выход воображён в пяти метрах сзади в форме входа в пещеру, но там внутри всё как в метро Московском: глубокий эскалаторный наклон, двухпутно, низкий интервал между восьмивагонными поездами, только пусто-припусто, малоллюдно, а может это всё – вообще твоё владение... Шезлонг же твой и соседний – его ещё/уже отголоски как память о тех его двух путях (туда и обратно): этот вид транспорта, по факту закончившийся где-то очень далеко отсюда, как будто бы имеет здесь свою конечную остановку, и привёз тебя сюда – прямо к берегу моря (по факту-в реальности такое позволяет себе участок его «родителя» – Черноморская железная дорога). На диком морозе, сильном ветре, под ливнем пробивая щитом землю, борясь с плывуном и собирая из блоков конструкцию будущей станции и перехода на другую, скоро здесь будет свет вместо тьмы, высокая скорость и активная жизнь вместо обычной толщи земли, тепло вместо холода!

Здесь же всего шесть соток, одноэтажный маленький запущенный дом, пахучие парники и кривой косой сарай для хождения «по потребности». Коробка навоза, поросшая крапивой, да ненужный бетонный покошенный столик. Эта площадь – тоже один из подарков Советского

Союза, сделал все эти будущие немощности рукодельный дед и помогавший ему его сын – отец. Дальше развивать дело никто не захотел. Всё это еле продается летом 2003, отстояв бешеные очереди в зданиях Красногорского района за двумя-тремя конечными бумажками, перелопатив ради того 20-30 документов, потратив кучу времени, не рискуя и зажав деньги нанять на то третье лицо.

Несмотря на всё, последний год во время несильной жары наконец взять лопату, тяпку, и растить самые удобные грядки, будет неплохо вплоть до удовольствия. Разного (по цвету) тона и формы рыхлённая почва ассоциируется с разного тона тоннелями из окон разно освещающих их метropоездов на разных линиях при знакомстве с ними тем же летом с той же бабушкой между днями хождения на тот огород (об этом позже), эти мелкие или крупные её (от рыхления) куски – с тонкими или толстыми в тех тоннелях проводами соответственно. И конечно всё это будет много легче, чем придя на «Большую землю», в большой цивилизный и комфортный дом, вместо кажись занятия подобным по уровню сложности, растить хорошие знания и оценки по всем предметам, – хотя именно такой и более сложный здешний труд соответствует такому дому и условиям, ведь без него не быть ему таким, и цивилизации вокруг него построенной. Можно думать, что эти девять месяцев разлуки-учёбы («зимы») на этой «земле» – просто временное расстояние между двумя походами на тот же огород/природу/берег моря (в поездках в отпуск), такое же как и привычный один вечер-ночь до завтра, только длиннее, богаче и ярче на воспоминания. Хорошо учиться – это выполнять уже непосильную (посложнее) прихоть – «умственный труд», и этим пытаться сделать снова довольными (из недовольных) тех же людей, что довольно смотрят на от тебя же другой – «благородный летний физический труд» (много легче), внутри души кажись не понимают ту разницу в сложности, а один из них делает его совместно. Тоже можно сказать и о трудовой летней практике в школе в первые дни июня с теми же учителями – хвалящими тебя последние несколько дней за отличную и усердную уборку, но совсем недавно целых девять месяцев осквернявшими тебя же за отвратительное исполнение другого (и к сожалению основного) труда – учёбы. И увы, эта суровость нормальна в их глазах, как и в глазах всего мира: хорошо полоть грядки, вскапывать и поливать землю – по его «закону» есть вообще отдых в выходные не только школьников, но и взрослых. Первых вообще не оставляют в городе на каникулы/выходные, вторые-не оставляющие подписаны на него добровольно по всем причинам: от проживания там родных до просто свежего воздуха вне города. Данный «отдых» – слишком низкоквалифицированная работа перед основной работой/учёбой, ещё и деньги-налог на содержание за себя отбирает, а не приносит. Его результаты «чистота» и «урожай» практически неощутимы на фоне сложности достижений остальных результатов.

«Можно я сяду за компьютер? Я сегодня столько грядок прополол и полил, столько всего там помог...?»

– «А ты книжку сегодня читал?» (по отцовому «порядку» – час (позже два) внеклассного чтения несмотря ни на какую причину кроме целодневной загруженности школьными заданиями в учебный день).

За тунеядство, неуплату налогов и коммунальных услуг, став жертвой махинации, из этой самой «Большой земли» вот к таким огородам и развалинам легко выселяют людей. Вернуться назад сложно.

Купаясь летом 2001 (11 – 12 лет) в ещё не очень грязном Химкинском водоканале за километр от Химкинского ж/д моста, хорошо видны проходящие по нему ж/д составы и стоящая электрификация. Большинство из них зелёные-цветы водяных животных: крокодилов и лягушек. Оттого уговорится купить резиновую лягушку-пищалку в ближайшем магазине за похожестью формой на настоящую, а цветом на те поезда. Пару раз покрутившими у виска отцом и матерью игрушка купится, напомнит водное лето, а отдыхая в Анапе, порадует бирюзово-зелёная подводная трубка с жирной двухсторонней лимонно-жёлтой полоской, рассекающей её вдоль пополам. Ясно да что напомнит? Уж не говоря о поездке туда и обратно этим

транспортом очень долго, видя за окном столько технической красоты, и проезжая над водой такими же мостами? И разве можно зарядившись морем позитива от моря воды и увиденного над ней, не прийти домой, и своими руками не повторить это (увиденное) дома, и/или не загрузить своими мыслями и эмоциями отдыхающих с нами на том канале родственников и двоюродных братьев с сестрой?

Прихоти сбываются

13 лет, лето 2003. Отец с матерью понемногу начинают конфликтовать, а участок продаваться. Решившая отделиться от них бабушка перекидывает на меня внимание. Начинается давно желаемое изучение просторов метрополитена. «Куда скажешь туда и поедем». Так мы осмотрим все линии по одному разу. По утрам с семи до полдевятого и днём с полчетвёртого до полпятого она подрабатывала уборщицей в магазине – где мать продавщицей. Встречая с утра дома, я уговариваю и тороплю её: каждая линия длинная, до неё нужно добраться, а обратно уехать домой к обеду. Самой яркой и незабываемой поездкой станет знакомство с Люблинской 19 июня 2003 года.

Этим пасмурным летним днём, быстро решив ещё вопрос по продаже огорода с ещё юристом в его машине, подъехавшей к нашему дому, а после добравшись до метро, и доехав до Курской-Кольцевой, мы поднялись в вестибюль «Чкаловской», и пройдя по нестандартному-почти современному (на тогда) залу окружённому пятиугольными турникетами конца прошлого века, начали спускаться по длинному эскалатору на эту станцию. Это была уже не первая изучавшая метро поездка с бабушкой – которой всё это было по барабану, но взглянув вниз на дно – куда медленно, но уверенно несёт спусковое движение, она неожиданно выскажет: «Господи, ну ведь в такую яму спускаемся!» А запах креазота какой там, ммм! Такой же, но послабее, ещё вдыхался тогда на юге Замоскворецкой и Серпуховско-Тимирязевской линий – тоже не особо давно созданных, а значит – их не старых отделочных материалов. А это станция «Чкаловская», с потускневшим и частично перегоревшим за восемь лет освещением. Серо-зеленоватая на цвет, полумрачная, глубокая, соединённая с обоими «Курскими» ранних и привычных-«устоявшихся» линий. Её дизайн и оформление, как и у девяти за ней последующих, только и продолжает любой «мир будущего» показанный клипами и фильмами девяностых годов недавно ушедшего столетия. И неудивительно: эта станция и весь тогдашний тот радиус и построены в то время. На следующих станциях до самой конечной тоже почти новые отделочные материалы, пластик что будет использован и в этом – 21-м веке вместе с новизной вставлять в него круглые лампочки на потолке (как на «Римской»): на будущих станциях «Аннино» (уже открытой), «Деловой Центр» и «Международная», и в торговых центрах.

Все ранние линии в принципе на одно лицо: светлые станции со светлыми вагонами, загруженные людьми. По многим участкам уже проезжалось с родителями по несколько раз. Кроме «Сокола», «Аэропорта» и «Сходненской» не запомнилось ничего, даже Кольцевая линия. «Красивые» до- и послевоенные постройки (до 1955 года – приказа об устранении излишества в проектировании и строительстве), «простые» неглубокие «сороконожки» и минимально отделанные глубокие станции особо не удивляли. Здесь же всё в корне по-другому. В глубине того самого почти нового эскалатора свет ослабевал ради красот в этой полутьме! Вместо привычных прямолинейных керамических «сеток» (плиток) на путевых стенах какие-то скобкой скругленные мотивы, из такого же какого-то нового необычного отделочного материала. Вместо привычно исходящего света из центра потолков, здесь он исходит сбоку. Создаётся ощущение солнца сквозь тучи. Линия отличалась своей новизной и незагруженностью. Но главным её персонажем, буквально делавшим погоду, был подвижной состав.

Спустившись в центральный зал и пройдя влево на посадочную платформу, мы около трёх минут ждали поезд. Стоя со всеми, я смотрел на обратный путь, куда пока не было посадки (далее на север линия ещё не построена).

И вдруг спустя долгое время, к нам из тоннеля выезжает... Не привычный «Ёж» или «Номерной», а какой-то серый непривычной формы состав с двумя сдвоенными фарами (вместо обычных трёх) на кабине «располовиненной» эвакуационной дверью, изнутри напоминающий интерьер космического корабля, но по своим размерам, количеству дверей, окон и расто-

янию между ними, такой же как все предыдущие составы. У сопровождавшей равнодушной к такому бабушки вылупляются глаза. Форма кузова (как и многих этих сверстных ему станций) закруглена по бокам, снаружи нет рёбер жёсткости кроме крыши и «шапки» – верхней части до начала окон. Сам он выполнен из нержавеющей стали – современного материала. Изнутри не привычный (имитирующий дерево) пластик с металлическими рамками по своим краям и углам, а новый монолитный серо-зеленоватый, входящий в окна без форточек с толстой резиной-уплотнителем. Но больше всего удивит боковое освещение внутри салона, реально напоминающее мысли тех лет о техническом будущем. По обоим углам между потолком и стенами сплошные ряды продольных плафонов, разделённые вдоль и поперёк другим тёмно-серым пластиком, и прерывающиеся над дверями – где на глянцевом тёмно-синем фоне под рисованной схемой впервые за историю нашего метровагоностроения встроена светодиодная шкала, показывающая растущими красными делениями количество пройденных станций и мигающая под названием ближайшей. А по обоим торцам вагонов над дверями висят темно-зелёные светодиодные табло-информаторы, правда они не работают...

Вся эта оригинальная конструкция имеет заводское название «81-720/721» (головной/промежуточные вагоны), а именно – «Яуза» опытно-промышленная (коллекторная). Этот состав разрабатывался самыми лучшими руками – военными, ещё с конца 80-х годов как принципиально новый, после всех испытаний с начала 90-х, вступил на эту линию в июле 98-го и имел на момент моего первого с ним свидания два небольших различия вагонов: 1995-98 годов и 2002 года – с более новым материалом кузова, внутреннего пластика, первые вагоны со стеклопакетами на окнах и пластиковыми сидениями с установкой отдельных подкладок из кожзама для каждого пассажира.

Это был прорыв в вагоностроении, не имевший аналогов в мире. Сделанный как и эта подходившая ему линия на стыке и слиянии технологий конца 20-го и начала 21-го века. Главное – одновременно с ней, а значит подходящий ей больше первопроходцев её – «Номерных» и последующих моделей составов. И не был доработанный к великому сожалению в связи с экономическим кризисом того времени, а значит не стал подлежать дальнейшему размножению и изначальному плану метро по заполнению им всего электродепо «Печатники» – эксплуатации на этой линии только этих составов...

Это был единственный отечественный подземный поезд со скругленным и нержавеющей кузовом, принуждённой вентиляцией, конструкционной скоростью 100 км/час вместо обычных 90, и светодиодной подачей информации.

Привыкнув к надёжным, проверенным и любимым с рождения «ЕЖам» и «Номерным», а также не любя боевики, роботов и космические темы в кино – так подобные этой штуке и одного с ней времени рождения (или показа в нашей стране), с первого взгляда этот поезд даже немного воспримется «в штыхы» как что-то ещё непроверенное, ненадёжное и слишком уж помпезное на фоне привычной (на тогда) остальной подземки.

Этот состав напоминал и американское метро – что-то неродное и против привычного. Я боялся в нём ехать, особенно в полупустом. Почему из огромного числа других-доминирующих «обычных» составов вылез и достался нам именно он – какой-то новый, непонятный? А вдруг он сломается? А вдруг будет взрыв? (этого боялось тогда нередко в любой момент: начало двухтысячных – время цветения терактов). Он полумрачен, его серый потолок и белые лампочки, как и та-самая подходящая ему линия, питают ощущением тёмных туч с проблесками из них солнца, интерьера космического корабля, видеоигр-шутеров той же указанной эпохи, и просто атмосферой времени его рождения.

Всё это неопишимо выделяло Люблинскую линию перед остальными. Вот это – реально новое метро. Техническое и перспективное. Но беда одна: эти составы слишком недоработали, намучившись от вытекающих проблем, с 2002 года больше не выпускали. Их было всего шесть по семь вагонов. От четырёх до пяти таких поездов по выходным проседали в депо «Печат-

ники», один-два ежедневно с «Номерными» ходили на линии, остальные лишь в часы пик. Внутри каждого поезда этой линии, как и других, висело приглашение на обучение по профессии машинист электропоезда, но здесь – в конце с надписью: «Люблинская линия – единственная на Московском метрополитене, где эксплуатируются составы нового поколения «Яуза».

Доехав до конечной «Марьино», мы вышли, окинули взглядом привёзшую нас сюда эту серую новизну с жирной горизонтальной жёлтой подоконной полоской вдоль всех вагонов, стоявшую с открытыми на высадку дверями, обратно поехали на вышедшем на посадку «Номерном», ещё не разменивая привычное старое доброе ни на что!

Лето продолжится. Спустя неделю познакомившись с Филёвской линией, вечером того же дня против денежных сомнений родителей в поездке на юг через месяц с немногим, ответится первое пришедшее в голову при движении по открытой (наземной) её части: «Не поедем – не надо! Такой же длинный, рифлёный снаружи и ДСПшный изнутри поезд дальнего следования много дешевле и ничуть не хуже колесит неподалёку от нас, и мне вполне этого хватит для счастья, море – похрен!»

Это метро ещё не испорчено наступившим 21-м веком: голубые и рыже-коричневые пластики внутри «Номерных» – что-то родное как мама. Полумрачные «Ежи» с круглыми плафонами – как никакая другая модель олицетворяют уединение и спокойствие. Плитки на станциях-сороконожках шестидесятых ещё не начаты меняться несвойственным им пластиком. Ближе к конечным составы сильно пустеют, усиливается запах креазота (на поздних постройках).

Считанные дни и часы ознакомительных поездок весной-летом 2003 навсегда станут единственными и неповторимыми. Ведь это здорово когда после привычного куска одной линии с привычными ведущими по нему – родителями, найдётся другой человек и покажет что же там на ней дальше и не только на ней, а на всех остальных пересекаемых и не пересекаемых с ней линиях, идущих в разные дали своего города, исполнив маленькую заветную мечту раннего детства.

Удивляет протяжённость каждой из них и разнообразие её станций: разная форма, разный отделочный материал, разный тип из-за глубины её заложения. Одна не похожа на другую за счёт индивидуальной отделки, как минимум цвета – даже если обе во всём остальном один в один. Каждая из них не только рассказывает о жизни наверху, но и выполнена из самого передового материала на день своего рождения. Удивляют новые станции: эффект зарева и полумрака выделяет, показывает техническую новизну времени их создания. Новый пластик и остальная отделка, новое освещение, оригинальный дизайн, всё это в традиционных для нашего метрополитена форме и стиле.

Но больше удивляет количество этих станций, длинных рифлёных снаружи поездов, низкий интервал движения, запах, общий ритм жизни (исключив из него пассажиров, мысленно опустошив всё от них себе одному), и конечно же бо́льшая, первая и главная зацепившая суть – симметричность.

Ты едешь «туда» в большом и длинном восьмивагонном составе, наполненном огромным количеством крупных и мелких деталей, ровных и одинаковых: дома из бумаги в масштабе такого не повторить. «Обратно» поедешь на другом таком же, а всех их много. Очень много. Всё это сделано не одним человеком, за всем этим стоит сложная наука и большое производство. Тоже со станциями и туннелями. А самое непонятное – почему всё показанное на картинках выше, реально никогда и нигде в уменьшенной копии не продаётся? Почему на витринах лежит всё что угодно кроме такого? Зачем эти детские паровозики с одним-двумя несерьёзными пластмассовыми вагончиками? И почему что уж и есть из того что надо – продаётся если только в Центральном Детском Мире на Лубянке, и стоит немислимых денег, не выпускается в массовое доступное серийное производство? Вкусы что ль разные и понятия о красоте у меня и людей...?

Едешь долго, проезжая не одну станцию, с интересным видом за окном, почти на каждой встречаешь обратный состав таких же размеров, детализации, и такого же технического уровня развития. Смотришь как он едет против твоего в обратную сторону. Смотришь на зал и другую путевую стену, зная что по тому пути, а не по этому же ты поедешь обратно, и будешь смотреть на путь по которому ехал туда. Он будет во всём точно таким же, и также по нему будут ехать такие же поезда, ничем не отличные от твоего, исключая тональность наружной окраски и пластик в салоне. Классной задумкой оценится и смена объявляющих станции голосов с мужского на женский по проезду половины каждой из протяжённых через центр радиальных линий (в обоих направлениях), задуманная по принципу «голоса «начальника, зовущего на работу»» (в сторону центра) и «голоса «жены, зовущей домой»» (в область).

Изучая (то есть проезжая) линию, безумно интересно открывать для себя новые станции и перегоны между ними, разные на скорость по ним движения и расстояние. Особенно – к концу в область: состав пустеет, нас остаётся всё меньше. Чем она закончится? Становится даже немного страшновато от этой неизвестности и опустошения салона. Каждый момент шикарен и незабываем, иногда завораживает как при просмотре фильма. Доезжая до конечной, мы переходили в напротив стоящий на посадку поезд, смотрели из него на поезд высадивший-«исполнивший свою миссию», закрывающий двери и уходящий на разворот. Расставаться с ним совсем не хотелось, а было желание ехать и смотреть «эту картину» дальше, но дальше она не продолжится – станции там ещё не построены, только тупик. Отправясь с конечной в обратную сторону, напротив нас было всё тоже самое в обратном порядке. И всё это незабываемо здорово. Каждая линия разного времени, но одной силы и смысла; каждый её радиус или участок – есть целый отдельный, а может и общий со всей ней сюжетный ряд; каждая станция отлична по цвету, форме и отделке, а иногда и размерам – лишь проходящих её поездов в высоте не ниже, и к платформе стеной путевой не ближе, представляет пространство, в себя уносящее. Предпоследняя ещё не виденная линия – Серпуховско-Тимирязевская (Серая).

Я постоянно ждал бабушку когда она будет готова поехать со мной. В день знакомства с этой линией, в 8:45 утра я уже вовсю караулил её из окна кухни, и видел как она проходит наконец под окном к дому, крикнув с пятого этажа:

«Ба!»

Она подняла голову вверх.

«Иди скорее домой!»

Линия была на тот момент самой длинной в Московском метро, и я торопил её чтобы скорее дойти, объехать круг из обоих путей и вернуться до обеда. Хорошо запомнятся все односводчатые станции.

Последней неосмотренной линией быть второй по длине – Калужско-Рижской (оранжевой). В тот день она не собиралась никуда идти лишь потому что ей надо было сделать что-то с зеленью.

«А в холодильник убрать?»

– «А в холодильнике места нет»

– «Как нет? Давай я уберу!»

И я уберу через полминуты, отрыв кучу свободного пространства. Желаемому на тот день плану прекрасно осуществиться. Поездка на линию Оранжевого цвета сложится. С ней мы познакомились при сильной летней жаре наверху: именно в такой, уже не подходившей для того обстановке, всё неизведанное кончится. Ничто им (таковым) отныне уже не будет. «Да и хватит уже» – подумается самому себе, провожая взглядом уходящий с «Краснопресненской» «Номерной» Кольцевой линии по дороге назад. «Погода какая жаркая, а ты в духоте под землёй торчишь».

Дальше в это время суток будут купания в Химкинском водоканале. Делалось это и раньше, как и с родителями и родственниками, и тоже нравилось. Вода хоть и грязная, но заря-

жала позитивом и настроением. Рубиться в «Clive Barker's Undying» (2000), «Return To Castle: Wolfenstein» (серия игр, 2001), «Red Faction» (2001) и «Postal-2» (русская озвучка, 2003) по приходу домой будет продолжением удовольствия, и круто не меньше.

Всё это проходит здорово и замечательно, пока перед самым отъездом в Анапу в августе, повелитель гуманитарных наук отец не приносит обещанные месяц назад билеты в театрально-художественный колледж для самостоятельной подготовки за предстоящий 9-й класс (8-й год учёбы). Обычно все ждали и вымогали максимум рисования сверхурочного художке, чтения книг рекомендуемых советской школой, жизнью и молодостью заставлявших их читать; больше ждали дружбы со сверстниками, думая что их противоположное отношение вызвано исключительно неисполнением вышеуказанных пунктов, а значит никто никогда не ждал того что свершится сейчас.

Содержимое билетов покажется нормальным и нетрудным в глазах давшего их, и разочарует до безумия их получившего в его изначальных планах легко найти в учебниках и скатать себе в чистую тетрадь ответы на все тридцать-пятьдесят (максимум) вопросов по двум предметам, в размере двух-трёх строчек на каждый из них.

В этот солнечный летний последождливый вечер прогуливаясь по Юбилейному проспекту, ничто не предвестит беды, а отец, пришедший с работы, представит её совершенно спокойно, в хорошем настроении, не считая бедой. Всему покажется конец: больше трёхста вопросов по всей мировой истории и курсу литературы. Ответ на каждый из них предусматривает не изначально предполагаемые два-три предложения, а обширное раскрытие темы произведения, его персонажа и действий, концепцию политической и экономической деятельности заданного времени, подробное рассуждение на тему содержания указанной повести или романа, действий великого исторического деятеля или полководца, реформ страны указанного года, десятилетия, жизни в ту эпоху.

Я ничего не знал. Ни на один вопрос ответа с ходу. В то время как отец сказал, что все они не стоят гроша.

«Я пока ехал домой – уже половину в мозгу ответил».

Всё это покажется первым наказанием за «некорректный» образ жизни. В адрес его «предъявителя» и матери посыпятся выносы мозга. В голове с языка отца закрутится: «Эти вопросы они нормальные – рассчитаны на тех кто учился. Я вот даже щас на любой из них могу без подготовки ответить. Что, допрыгались? Восемь классов х***ёй занимались, а теперь когда время пришло бл**ь куда-то поступать, мы опомнились что ничего не знаем?!»

– «Да ты посмотри сколько там вопросов и какие они!»

– «Так учить надо было, а не х*рней страдать! Что, хватились, бл**ь? Я не знаю что делать, вот сиди и готовься...»

Начнётся паника. Восемь классов (семь лет) было всё хорошо. Точнее не хорошо, а без предвещаний такой вот, но логической концовки. Последний год вообще стал ярким из всех и успешным: избавился от хулиганов, по физике стал получать «4», а не «3» (она была начальной и совсем ещё не трудной), при выходных осмотрел все линии метро (это же незабываемо!), вырастил свой урожай на огороде, нарисовал много картин акварелью со златоглавой архитектурой утопающей в зелени – по требованию родителей, считая это работой, а не отдыхом, а значит веря в награду за неё; проходил известные 3d шутеры того времени лишь от часу до двух в день – и то не всегда; создал несколько макетов вагонов, их среды, ракет и эстакад – всего не хватавшего рядом, и к чему, а не к другому направлены руки; прочёл и понял несколько книжек из тех что всучивали. Что, всё плохо...?

Но званый гость – наставший «час спроса» выставит на слишком большие незванные долги, заломит истинные требования к прошедшему времени. Нереальный объём работы за остающийся срок нанесёт позора и осквернения удар по всему что было, страх последствий за неисполнение его...

В тот же вечер за ужином спросится:

«А если я столько не выучу и не поступлю?»

– «Тогда ты пойдёшь в ПТУ где будут отморозки, которые тебя ещё больше чем здесь забьют и зачморят».

Неужели это реально светящийся впереди резкий обрыв? Ведут ли будущие два балла за сдачу этих экзаменов в такую же жизнь – без работы и денег? Или может всё-таки если сейчас жилось на твёрдый трояк, то неважно и непонятно как (как тем же родителям – особенно никуда не поступавшей и необразованной матери), и дальше жизнь и судьба будет ставить ту же, а не низшую оценку?

На следующий день перед отъездом добровольно сядется на диван в большую комнату, жадно примется читать первую из трёх книг, приготовленных для взятия с собой. Это будут Сказки Щедрина, прочтение одной из которых внезапно выручит оценкой в 11-м классе (10-м – последнем году учёбы) как единственного это сделавшего, и пересказавшего словами отца сказку про «Карася – идеалиста», кратко разъяснившего её содержание чисто случайным разговором. Самому же не поймётся ни одной из них, ни одной из этих книжек. До третьей со сложными на понятие анализами сложных на понятие произведений руки дойдут только по дороге назад, не прочитав и десятой части. Отдых возьмёт своё. Аккуратно начертить и сделать из бумаги что-то лёгкое и быстрое на почве снова увиденных и посещённых аттракционов, вагонов дальнего следования и решетчатой над ними электрификации в удивительно огромном её количестве с железобетонной вперемешку, по приезду домой пересилит резко образовавшийся и взвалившийся всем весом план не отдыхать ни минуты с момента сего до самых вступительных экзаменов куда задумает главный домашний а-ля воспитатель первоопавшейся своей мыслью. В первый же вечер после дороги, отдыха и разбора вещей, берутся все инструменты, бумага, и рискнув свернуть с «возложенной» цели, чертятся для вырезки на ней детали на глазах проходящего мимо комнаты отца, никак на то слава Богу не среагировавшего. После всего, час читается та самая далеко недочитанная за время поездки книга, с трудом, для отвода глаз: пару вечеров, без малейшего понимания содержания. Затем плавно бросается, что также плавно остаётся незамеченным...

А ведь ещё перед самым отъездом соберутся все мячи-прыгуны в одну пластиковую прозрачную коробку, и грустно спросится у матери:

«А они не зарастут пылью в такой коробке? С них краска слезать не будет от времени?»

– «Да ничего им не будет. Пыль вытрешь, вымоешь и всё»

– «Когда вымою? У меня же теперь свободного времени ни секунды не будет...?»

Первые проекты будущей взрослой жизни появятся в 11 лет. Сначала будут совсем несвойственные силам варианты: закончить школу, технический ВУЗ (по стопам родителей), и работать архитектором (по ими же предложенной профессии) за 30.000 рублей в месяц (Ценовая политика: Москва 2000). Считалось, что в институт поступает автоматически после школы – как и в школу после детского сада, и это тоже обязательное образование продолжающее её; текущие проблемы с точными науками устранятся сами по себе дальше. Такая мысль живёт всего несколько месяцев, по недооценке сложности задуманного, находится под большим сомнением. Согласитесь, какой из меня архитектор с такими неладными по математике? Дайте мне карандаш, линейку, бумагу, и 30.000? Другим – более близким к посильному вариантом придумается официальная (по трудовому кодексу) работа художником в мастерской с мольбертом, красками, прочими причиндалами и сотоварищами. Тема работ не определится. Причина ясна: в кругу этих непостижимых и несущих проблемы общих предметов, урок рисования в школе – облегчение: именно с природы и только неодушевлённых предметов, исключая более и безусловно лучшее – свободную тему. Идею тормозят со стороны: «Да что ты можешь нарисовать, не зная ни истории того что ты рисуешь, ни литературы, ни образа?»

Ярким густым зелёным наносится трава, таким же более тёмным листья деревьев и любимый вид сочетаемого с ними транспорта. Жёлтым тропинки и горизонтальная полоска на его кузове. Немного красного – во всём первого цвета. После увиденной на обратном пути из Анапы (август 2000) нетрадиционно покрашенной между окон электрички, рекламы призовых M&M'S (лето 2000), и порубившись в одну из гонок приставки SEGA, копилку любимых цветов пополнит серый.

Раздобыв мел и подходящую доску в квартире, играя с самим с собой в учителя, заоблачно мечтается тем же способом преподавать уроки несуществующего школьного предмета – «правильного рисования», после чего обвешиваются все пустые стены быстро созданными на количество, а не качество картинами А4, и описывается их (каждой) содержание суммарно на полторы тетради, используя синюю, зелёную и красную (учительскую) ручки (11 лет, зима с 2000 на 2001). Ведь я же знаю и умею в этом деле больше школьной программы – по своему и её с тем согласившемуся убеждению. Ранее, в честь подобного выпендрежа-«ответа» так и не постижимым трудностям учёбы, вперемешку с изведением на свою тему большой бумаги и фломастеров, простым карандашом или чёрной ручкой на обычных листах вручную писались тексты в несколько абзацев подчерком «Times New Roman», неотличимые от настоящей печати. Так, в конце 3-го класса начальной школы (9 лет, 1999 год) пытается создать свою библиотеку: такую же по размерам что в моей и всех комнатах, хранящую внутри лишь бы какую – от себя писаную информацию, главное выглядящую так же «пафосно» – количественно и конкурентно (в этом) снаружи. Столько же печатного, а не прописного текста, неважно о чём; тонкая бумага и толстая корка – обложка; страницы пронумерованы, любая тема в несколько томов. В конечном итоге выйдут две тонкие иллюстрированные книги «Всё о метро для детей».

В том же заснеженном ноябре 2000 года в 6-м классе школы (на 5-м году учёбы) сидя вечером на освещённой кухне за труднопонятными математическими примерами, планируется закончить её 10 лет, неизвестно как сдать вступительный русский, историю и литературу в институт, закончить 5 (6) его курсов неважно для чего и по какой специальности (скорее художественной чем технической): автоматом как все, и в порядке вещей, по плану и мнению всех и родителей; отпраздновать то поездкой куда-нибудь, но мимо родной ж/д станции Химки на скором разнозелёном и разногфрированном поезде дальнего следования; не думая как, но тоже как все отслужить два года в армии (по тому же их мнению и желанию), а после всего работать продавцом в круглосуточном магазине как моя мама: с 9 утра до 9 вечера неделю через неделю, каждый понедельник принимая и сдавая смену, а в выходные с того же утра и до вечера пропадать в необъятных просторах Московской подземки; смотреть в прошлое только с гордостью, показывая насколько шикарная, безграничная, удивительная и счастливая жизнь настала стоило лишь только преодолеть последний барьер его... Причина выбора такой работы – нелюбовь и незнание хорошо ни одного школьного предмета, а значит и непредвещение перспектив ни по одной из их вытекающей отрасли. Родители угнетают вопросами:

«Кем ты будешь работать? Дворником? Грузчиком?»;

«Или ты поступаешь в техникум, в институт, или ты идёшь в путягу (ПТУ), а оттуда на завод гайку крутить».

– «Андрей, что ты его рабочей специальностью пугаешь?» – защищает бабушка. Хотя все трое одинаково оставляют только отрицательное мнение о моём поиске лёгких путей жизни.

«Как ты вообще жить собираешься? Кто тя на работу-то с таким образованием возьмёт?»

– «Моя мама без высшего образования? Она же работает продавцом в магазине? Получает нормально – нам же на всё хватает, правильно? График удобный»

– «Да кто те столько даст? Твоя мама хитроумная в отличии от тебя, поэтому и получает столько. Вон с ней работают приезжие молдаванки – они столько не получают. У них постоянно воровство и недостачи».

Работу грузчиком отрицают физическими трудностями. Отец показывает пальцем на рынке на одного загружающего телегу, и на второго везущего груз:

«И вот так весь день. Низко квалифицированный труд. Тя устраивает?» Будут и самые худшие варианты работать дворником за 1200 руб/мес (Ценовая политика: Москва 2002, зарплата со слов родителей) или уборщиком в таких же магазинах за 3000 руб/мес по графику 3/1 (Ценовая политика: Москва 2003, зарплата со слов родителей). (Учтено что в это время на этих работах ещё встречаются наши, а не приезжие).

Против всех вариантов, со стороны отвечается спорами-сопротивлениями. Банальным и самым страшным будет указание на зарплаты и рабочие условия в сравнении с «чистой» и «сидячей в комфорте» инженерной/руководящей работой. Самыми «бессильными» и оттого смешными возражениями будут:

«А учиться нормально не проще?»

– «Нет не проще. Это не по моим силам»;

«Господи, да будь трижды проклят день, когда он переступит порог продавца» – слова бабушки.

В ход пойдёт: «А как ты питаться там будешь? Если тебя будут кормить, то потом ты не получишь зарплаты. А на вопрос «Где она?», тебе скажут:

– «А вот посмотри, Энди, сколько ты у нас наел».

Мать же, сама работающая в этой сфере, имеющая только среднее образование по причине отсутствия возможности и в общем скорее желая учиться дальше, как и все в целом против следования по её стопам, в меру и крайне мало дрючит за плохую успеваемость, ходит на школьные собрания, также не пренебрегает книгами и заставлением их читать, и редко всучивает одну из них. На моё стремление к выбранной за вечные умиротворение и расслабуху (для мозгов) работе, иногда говорит: «Пусть попробует...» Я действительно мало думал о содержании каждого труда. Главными критериями были график, зарплата, и конечно же максимум запредельной свободы и комфорта. Больше не нужно будет тратить уйму времени и головы на уроки и другой умственно тяжёлый труд. Больше не будет наезжающих хулиганов и отморозков, и вообще коллектива неинтересного и ненужного больше не будет. Будет свобода действий и перемещения. А в ней будет метро. В свободном доступе. Огромное и необъятное, разное, но одно. Красочное и оригинальное. Синие снаружи и рыжие/голубые внутри вагоны разных оттенков будут уносить сквозь множество разных красивых станций подальше от дома и всякой привычности. Его разноцветные линии на схемах определяют маршрут путешествия по ним. Такие разные на цветовой тон поезда одной формы и размеров. Такой разный радующий глаз внутренний пластик, цвет дверей, поручни и интерьер каждого вагона. Разные по форме и даже шуму тоннели с проводами за окном – в зависимости от глубины заложения и времени постройки. Пропадать максимально больше в этом подземном мире вечно бурной и активной его жизни с раннего утра до позднего вечера каждый выходной день будет коронным ожиданием от выходных при любой работе. А дома, в продолжение праздника жизни, будет ждать прохождение свежесходящих видеоигр. Я думаю, они и это метро и дальше будут появляться новыми к уже существующим в этот мир: такими же крутыми, яркими, интересными и незабываемыми, какими появляются и существуют сейчас – в дни пока что ожидания светлого моего с ними будущего...

Сомнение в нормальности «проектируемой» жизни, а работы особенно, будут у всех со стороны. Выбираемый путь заведомо осознаётся не лучшим, мало кем считается уважаемым, зовётся «логикой низших и убогих». От него стараются держаться подальше все адекватные и стремящиеся к чему-то стоящему люди. Он не является примерным путём, а является крайностью, выше которой ставит себя практически каждый вынужденно его проходящий. Это то, о чём никто не говорит и даже никогда не думает. Это то, чем скорее угрожают, нежели хвалят и красят. Это комплекс всего чуждого развивающей себя личности. Этот путь надуман и навеян

отвращением от трудностей, стремлением к обходу стандартных-общепринятых человеческих задач, наконец не подлежит сторонней поддержке, исключаящей низшую похвалу: «Работает хоть слава Богу – не пропивает, не колетя, не проигрывает...»

Каждый по-своему объясняет, что это как минимум неинтересно, прогнозирует и дальше за то трудности в отношении с будущим коллективом, навязывает стремления большинства, со своей оценкой рассказывает путь к разной достойной работе. Дома поверх всего, недолго вешается непонятная страшная угроза выгнать из квартиры после совершеннолетия, заставив заработать на свою с такой вот будучи невысокой зарплатой (в случае не достижения всеми желаемых результатов) – никто даже не скажет, что я там прописан, и сделать это невозможно. И хватит ли вообще того что я заработаю по факту и своим силам на еду, ЖКХ, новую одежду раз в три года, и посещение метро? Первые мысли в 11 лет предусматривают неделю (семь дней плюс восьмой-сдача смены) работы продавцом (подобно графику матери), и шесть дней пропадания под землёй, добираясь туда-оттуда пешком-на самокате вдоль Ленинградского шоссе – чтобы не тратить деньги (которых итак не будет) на проезд в автобусе. В метро предусматривается выход на улицу в туалет, и поесть с собой взятое.

Наличие жены и ребёнка также предусматривается автоматическим как остальное, ещё не понимая (в указанном возрасте) где и как вообще знакомятся люди, рождаются дети, и что вообще делать с этой женой, о чём говорить. Интуитивно предчувствуется что она однозначно будет, но почему-то лишь очень недолго, будет видеться нигде больше как только в кровати: периодически появляться, и в скором времени – спустя буквально минуты, снова исчезать... О слове и понятии «развод», её падении интереса ко мне, скандалов в семье, трудностях воспитания детей, и о том что она вообще-то не обязана и не захочет строить со мной таким никаких отношений, ещё нет и знаний. В силу возраста ещё додумывается что такое настоящая, а не «по-дружески» любовь, зачем она, что стоит за ней в плане её заслуги, всем ли вообще приходит, и если нет – то почему (интуитивно уже понимается что не за просто так). Ещё не думается о том что есть и «отказ» её, на какие вши содержать ребёнка, и что она может рожать и не одного его, а больше – сколько захочет. Планируется оставлять его дома на весь день, тратя сущие копейки на питание и крайне необходимую одежду. Её реакция на такое, работа и тоже прибыль, интересы и вообще продолжение её наличия в семье, жизнь семьи до, во время и после родов, тоже на подробности не учтены планом. Бойтся лишь что один дома он подожжёт квартиру (со слов отца на план оставления без присмотра). Я нисколько не думал что жена на такого мужа и не поведётся, что по любви (от которой ведётся она) могут быть браки без свадеб и затрат, рождения в них детей, и что их как и тех браков может вообще-то и не быть по отказу от них хотя бы одной стороны: никто никому в этом ничем не обязан...

Странно, но в будущей жизни представлялась эта же большая квартира совершенно пустой, без родителей. Только я и ребёнок, взятый непонятно откуда, но как-то обязательно существующий. На него я не трачу ни секунды времени ни много денег. Он живёт автономно от меня с самого рождения. Родители куда-то пропали после моего прихода с армии и начала работы. Жена буквально с воздуха здесь появлялась один раз, в надежде жить со мной. Но я не знал для чего она мне, что с ней делать, и она резко исчезла, оставив свой «след». Вариант, который хотелось стоптать с землёй, заведомо аннулировать: Отношения с ней начались до армии, детей не было и мной не желалось совсем, беременности тоже. По приходу через 2 года, открыв дверь в квартиру, повсюду разбросаны детские игрушки, стоит коляска и детская кровать, появившиеся за время моего отсутствия (вариант беременности от другого (бойфренда) не знался, и также не предусматривался). Кричащий плач из какой-то комнаты, она открывает дверь с довольным лицом, ожидавшим моё такое же на всё это... Как вышвырнуть упомянутое живое и неживое – лишнее за окно подальше? Ведь это всё мне ненужно совсем – для вечно комфортных планов на далеко вперёд...?

Через год поступив в художественную школу и рисуя принудительно что (и даже как) скажут, резко отпадает одна из первых версий будущей жизни работать художником в просторной мастерской в окружении соседей по работе, и уж тем более заоблачная мечта преподавать уроки «правильного рисования»: оказалось это придумано до меня, за меня, сложнее и против меня!

Вариант работать продавцом продуктов как мать, появившийся в 11 лет, пару раз (12 лет, 2002) ненавязчиво пытается отклониться наставлением отца готовиться в ракетно-космический техникум по его стопам, делая упор на физику, математику, русский и литературу для сдачи вступительных экзаменов. В случае несправления, светила дорога на тот же завод, но учеником – рабочим. Последнее – тема нужная и главная в общем (ведь эта профессия рождает нам всё что мы имеем и держим в руках, на чём стоим и движемся, греемся и охлаждаемся), но чувалось в ней что-то устаревшее и неактуальное на сегодня, потому не своё. Социализм укатил из страны больше десяти лет назад, и во всю процветала коммерция: время офисов, а не заводов, время продаж, а не производства, время менеджеров, дилеров, управляющих компаний и маркетологов, нежели рабочих, инженеров и учёных. Родители ещё верили в силу и актуальность «производящих» рабочих мест, хотя сами давно их покинули из-за тогдашнего кризиса, работая на новых. Отец – сотрудник органов, больше всех видел новую жизнь, и иногда в очередных нарекавших одного за что-то беседах переходил на всех (в общем) и на страну: «Что с вас взять на**й? Одни дегенераты! Что вы бл**ь стране-то дадите когда придёт ваше время ей управлять?!»; «Страна нуждается в героях, а вырастает одно быдло!»

В это же время, из-за моей дотошности к каждому слову особенно про работу, часто боится не работать никем вообще, стать хуже всех в мире, а если и работать то за самые маленькие деньги – даже на метро не хватит. Страх вызван периодически слышимым: «Да ты даже в ПУТягу (ПТУ) бл**ь не возьмут с такими знаниями!» (Которые на самом деле для того и для такой работы не нужны).

Осенью 2003 (14 лет) по приезду с Анапы, вопрос подготовки в театральном-художественный колледж незаметно и резко слабеет и отпадает, мысль работать как мать продавцом в продуктовом магазине снова усиливается. Четыре похода всеми девятыми классами на профориентацию в семейный центр «Луч» не заканчиваются толком ни для кого, очередной поход с матерью к психотерапевту вместо очередной накипевшей просьбы отца и бабушки сходить к психологу – тоже. Её изложение причины прихода: «Ну чё, учиться мы не хотим, читать не хотим, с коллективом мы не дружим, пойдём в ПТУ» не возмутит никакого специалиста, так оставшись в пределах домашних недовольства. А рассказанная в школе на пятой а-ля профориентации её ведущей один на один во время шума каждого между собой в классе идея быть водителем троллейбуса из-за того что это круто править такой замкнутой машиной с таким классным пластиком-отделкой салона и просторными большими скругленными стёклами кабины и дверей с чёрной резиной-уплотнителем, на такой широкой вокруг дороге аж весь день, и неважно что на ней творится – главное ты в твоём интересном на форму подвижном укрытии, не нужно втираемого тут всем высшего образования, и ещё платят деньги за такое вот «удовольствие», не удивит её ничем, заставив постоянно поддакивать и внимательно улыбаться в знак поддержки.

«Слушай, а вот твоя-то (бабушки, по отцовой линии) сестра (вставшая на ноги лишь в четыре года, сотни раз водимая её отцом по врачам, закончившая школу «для особо одаренных», всю жизнь убиравшая полы, не разбиравшаяся даже в деньгах и вечно всеми обманываемая, получавшая мизерное пособие по инвалидности, и умершая в районе дня завершения данного писания, так оставшись из-за всего того «чистой» девственницей) больная – может это от неё что-то передалось?»

– «Ты мне давай мою сестру тут не трогай – ты не знаешь из-за чего она такая родилась, да и остальные у нас все нормальные, и ты родился здоровым. Вы лучше в себе покопайтесь.

Вспомни как ты его (Данную историю) рожала; ещё девчонкой до родов всё детство жаловалась: «у меня голова болит, мне не даётся учёба...» Он – неуч, а вспомни как ты всё зубрила чтоб лишь ответить, а после снова забывала. Да и потом – когда школу окончила, родила, пошла работать в торговлю – я сколько тебе говорила идти поступать в торговый (институт): образование будет, работа престижней; готова была помочь, посидеть с твоим ребёнком. Ты что говорила? «Нет, меня так всё устраивает». Ну вот и он такой же выходит. Хоть кто-нибудь у тебя в родстве есть высшее образование?»

В копилку мечтаний о будущем, помимо поездок на метро, прибавятся систематические поездки на поездах дальнего следования: просто так, неважно куда, главное – в них-таких какие они есть (на то время): зелёных снаружи со множеством гофров и жёлтой подоконной полоской, видом на электрификацию вокруг, быстро движущихся и уносящих в разные стороны от дома и людей подальше, только в купейных вагонах, нижняя слева полка. После апгрейда компьютера в конце августа (2003), в мир свободного времени раз и навсегда врывается видеоигра, сделанная однажды и навечно: яркий и очень известный 3d-шутер от первого лица «*Serious Sam: The Second Encounter*» (Крутой Сэм: Второе пришествие, 2002). Он будет проходиться далеко не ежедневно сентябрьскими вечерами, и впервые одолеется до конца уже к тридцатому числу. Также как и «*Postal 2*» (русская озвучка), он просто бомба времени своего рождения. «*Harry Potter*» (серия игр PC) и «*Will Rock*» будут не меньшими яркими воспоминаниями из разряда бюджетных домашних развлечений начала третьего тысячелетия. Забыть их и то время будет особенно невозможно. Также первые годы двухтысячных ознаменуются массовым появлением торгово-развлекательных центров, универсамов и гипермаркетов: появятся тележки для покупателей с желанием вообразить их поездом, кассы с антикражными воротами впереди и сканирующими штрих-код товара устройствами. Пространства торговли станут в разы больше. Честная и надёжная зарплата сотрудников. Страх закрытия круглосуточных (как мамина) забегаловок, и надуманное родителями обязательное окончание техникума со знанием английского для взятия на такую усовершенствованную кассу с такими приборами и мини-компьютером, тоже появится.

29 декабря 2003, начав переписывать на чистовик уже сделанное сразу домашнее задание по алгебре на каникулы, в полвторого дня после обеда бабушка скажет: «Одевайся, пойдём на твою Бутовскую линию». Её открыли всего два дня назад, красочно описав то событие по телевизору, а первые пассажиры, особенно дети, немного боялись поначалу, как и будущую монорельсовую дорогу что представится в ноябре наступающего года. Проехав по Серой ветке на юг до конца уже не первый, а второй в жизни раз, мы поднялись с центральной части зала её конечной станции влево, и прошли через бесплатно открывшиеся турникеты: сделать ветку её продолжающую платной передумали, на схеме изобразили «Л-1». Повернув ещё раз налево и спустившись вниз по лестнице к «областной» (второй) платформе станции «Улица Старокачаловская», мы увидели серый поезд трапециевидной формы с четырьмя задними красными фарами по периметру торца, сплошным прямоугольным окном кабины, нетрадиционными для нашего метро вагонами – длинными и разделёнными гармошками на две секции, и тремя сплошными (без форточек) окнами между двумя прислонно-раздвижными дверями в каждой из них. Состав был короче обычного примерно на треть, как и все станции этой линии. Он стоял почти переполненный минут десять, и я решил его пропустить. Сопровождающая бабушка засомневалась: «Давай сядем? Следующий будет такой же» (поездка была в область, вечером рабочего дня). Я не только не поверил, но и не знал что есть другая часть этой же станции по другую сторону от переходной на неё «Бульвар Дмитрия Донского», куда также прибывали и отправлялись поезда этой же линии на высадку и посадку во время отправления/отсутствия своих соседей на другой платформе, переезжая на нужный путь через пошёрстный съезд за обратным тупиком между ней и станцией «Улица Скобелевская». Интервал между ними был тоже непривычен: 6,5-7 минут (с учётом приезда второго состава на противоположный путь

этой станции) вместо обычных 2,5-3). 15 минут ожиданий (на одном пути) пугали мыслями: «А вдруг это был последний ушедший поезд, возникли неполадки, из-за которых эта линия сейчас обратно закроется как ненадёжная, и я вернусь домой так и не увидев её...? Но поезд всё же приехал, мы сели в него, ждали отправления ещё пять минут. Его салон выполнен из передового пластика белого цвета. Жёлтые двери с большими прямоугольными окнами без закруглений по краям – впервые в отечественном метровагоностроении, уходящие почти за пределы широких выступов между ними и окнами внутри салона (прислонно-сдвижная/раздвижная система), гармошка между секциями (привычная для автобуса), три окна – скругленных прямоугольника вплотную друг к другу, с толстой резиной-уплотнителем и стеклопакетами, жёлтые подкладки из кожзама для каждого пассажира на белых скамейках вдоль окон, и зелёные буквы бегущей строки на табло под потолком в торцевой части секций, над дверями красный индикатор с указанием пройденных и проходимой станции, наклонённые симметрично друг к другу боковые стены кузова и салона, принципиально новый дизайн всего состава, бортовой компьютер внутри кабины машиниста, говорили об одном: «Неужели наше метро совершенствуется?» Позади/впереди этой «не утвердившейся ещё» линии шумные «Номерные» прошлого поколения, громко стучащие колёсами и тонко мычащие на постройках «успешных» и давно «утверждённых» восьмидесятых, семидесятых и ранних, много и долго плетущихся к этой новой ветке, от «Пражской» соединённых с ней тремя последними-уже подобными ей станциями по эпохе и уровню развития.

И если там всё привычное, надёжное, в большом количестве и отставшее от сегодня, то здесь всё по-другому. Новое отделено от старого. Его ещё мало. Прошлого поколения составы при стоянке и медленном движении издавали «тонкое мычание», здесь – тихий звук вентиляции.

В ожидании отправления поезда я пристально рассматривал его новый салон европейского уровня, маршрутное табло с красным индикатором и потолок с рядами дырок принуждённой вентиляции, отделённый от боковых стен двумя световыми линиями. В голове до отправления ещё присутствовал шум «Номерных» только что покинутой Серой ветки.

Наконец объявив следующую станцию «Улица Скобелевская», медленно с пшиканьем задвинув в себя – снаружи сравнив с корпусом жёлтые двери с эмблемами на окнах вместо надписей: «Не прислоняться», мы плавно и бесшумно отправились в освещённый круглыми желтоватыми лампами тоннель, затем выехали на улицу на эстакаду. Толпа заполнившая вагон к отправлению, вывалилась на первой же наземной станции, после чего мы реально ощутили себя где-то в развитом Дубае или Нью-Йорке. Не супер – что медленно ехали и очень часто тормозили на перегонах. Составы и линия отличимы на изменения, выполнены по последнему писку технологий. Управление тоже другое. Главная особенность – наличие бортового компьютера, контролирующего почти все процессы. Ещё досконально не изучив его, машинисты тормозили поезда на каждом шагу. За окном уже были сумерки. По дороге туда я мало сидел: стоя разглядывал новый салон, проходил из одного конца вагона в другой, подходил к дверям и смотрел на обратную часть эстакады, загороженной с обеих сторон сплошными металлическими заборами с маленькими дырочками. Также как на других открытых участках метро, на них подвешены чёрные провода. Все наземные станции здесь одинаковы. Полы на платформах выложены серой плиткой; бирюзовые крыши навесов, скругленные и остеклённые снаружи, держат изогнутые друг к другу несущие металлические столбы такого же цвета, плавно входящие в них. Также закруглены стеклянные путевые стены и лёгкие галереи над эскалаторами. Это был прорыв в дизайне и оформлении станций московского метро, пошедший от офисных комплексов и торговых центров. Новые отделочные материалы. Новый пластик везде. Нержавеющие покрытия снаружи, новая «стальная» отделка эскалаторов. Казалось, всё это собрано из «продвинутого конструктора». Серый, голубой, белый и жёлтый, обведённые чёр-

ным. Красные точки, бирюзовый, оранжевый горящий... Всё только начиналось, и оставляло сильное желание продолжиться дальше.

Доехав до конечной «Бунинской Аллеи», мы вышли на платформу. На другой стороне уже стояли люди, ждавшие посадки в обратную сторону. 16:05, уже почти темно. Высадивший нас поезд закрыл двери и уехал в оборотный тупик, продолжавший эстакаду. Через 5-7 минут, в двухста метрах от нас, голова стала хвостом, а хвост сменил четыре красных огонька на две горизонтальные яркогорящие пары фонарей, и вывел себя на первый путь – в другую сторону. Обратное всё было также в порядке убывания. Приезд домой состоялся в 17:45. Алгебра перешла на чистовик за пару часов. Дальше всё продолжилось как обычно...

Новогодняя ночь второй раз успешно пройдёт по-человечески. После кучи еды, телика и полвторого ночи, как и год назад мы выйдем во двор пускать не самые мощные из петард «Римская свеча». Эта «сезонная» прихоть родилась, но ещё не выполнялась четыре года назад: «Как так? На улице «война» из выстрелов пиротехники, дым, грохот, летящие огни, фонтаны от них, а мы не причём? Сколько разных форм и видов этих взрывающихся коробок? Сколько эффекта и шума от них, а у нас этого нет? Да чем мы хуже других – тех, от кого на утро остаются дворы и улицы с воткнутыми в снег цилиндрами, призмами и пирамидами разной длины и ширины в таких разных обёртках, красные и оранжевые пластмассовые кончики ракет с тонкими палочками, валяющиеся повсюду? Да разве могут запретить и искоренить такое массовое развлекалово, услышав молитвы бабок уже спящих, или привередливых дам с трусливыми собачками? Нормальные люди сидят дома книжки читают? Спят? В такую ночь? Пошли они дальше! Выгляни в окно и посмотри что творится!»

На утро 1-го января, как и год назад вскочив аж в восемь утра и обчесав пятьдесят квадратных метров рядом с домом, к девяти часам притащится охапка использованных петард разных размеров и внешнего оформления. Для красоты.

Кроме достойной Новогодней ночи, традиционного домоседства, телевизора и похода на новогодний мюзикл-представление (в районе 7-го января), последние каникулы 9-го класса школы (8-го года учёбы) оставят огромную массу положительных эмоций, мыслей и ассоциаций от посещённой технической новинки на южном конце Москвы.

Во-первых, она – новогодний подарок всем жителям Южного Бутова, явно радовавшимся и ликовавшим его первые да и последующие дни существования: солнечные и пасмурные, морозные и нет – все дни той зимы, ведь это стало для них визитной её карточкой, крупнейшим бумом для всех и для каждого. Это метро они ждали десять и больше лет, добираясь автобусами и маршрутками до «Пражской». Город активно превращался из деревни и просторных полей в густонаселённый спальный район. В 98-м была реклама по тв: «Сейчас или никогда. Квартиры в Южном Бутово. 649\$ за квадратный метр (курс доллара, Ценовая политика: Москва 1998)», так и намекавшая всесильно: «Этот район отошёл к Москве, а это всё – значит здесь будет метро». Рисковали и даже думали не многие, в том числе не мы. Неразвитая, далёкая от центра глубинка, ничего ещё нет. Никто не знал когда оно здесь будет, и будет ли вообще. Но вдруг оно потянулось – скоро после той-глядящей в воду рекламы, по станции в год. К концу 2003-го добралось и до туда, на зависть Химчанам, которым оно задумывалось ещё с 1935 года при проектировании Замоскворецкой линии, образуя пересечение с железнодорожной платформой – как на платформе «Выхино» Таганско-Краснопресненской линии и Казанского направления Московской железной дороги, подходить вторым над каналом мостом параллельно Химкинскому железнодорожному. По рассказам многих, заделом под метро было пустынное заросшее травой поле между школой №12 и Химкинской «двухэтажкой» на Юбилейном 36, застроенное в 2013 году детской игровой площадкой. Ещё при СССР в 80-х поднимался повторно сей вопрос, кому-то повыше стало невыгодно, да и мэр Москвы не хотел брать на себя лишнюю землю как лишнюю проблему. Та же участь с городом Мытищи – в день завершения данного писания...

Во-вторых, свежееоткрытая линия ярко отражала всё рождаемое с ней: торгово-развлекательные центры с их непривычностью, не бывшими в прошлой торговле; длинные ввысь новостройки и нового поколения мосты/эстакады – всё стеклянно-пластиковых отделок; массовая компьютеризация техники (как и после коллекторной «Яузы» на Люблинской линии).

В-третьих, главные особенности новой линии перед старыми-привычными – новые и необычные в ней цветовые и световые решения, окна без форточек в её поездах, логотипы вместо надписей и межсекционные гармошки их вагонов, новая форма их кузова. Ещё она казалась откликом-продолжением немецкого аттракциона «Евростар» в ЦПКиО имени Горького (сине-фиолетовой американской горки с жёлто-оранжевым снизу подвешенным поездом из семи пар сидений (демонтированной оттуда в конце 2010)), имея с ним схожести в материалах наземных станций и звуке двигателя её поездов. Эта линия вызывает ассоциацию с соседями по эпохе и времени рождения: телешоу «Слабое звено» с Марией Киселёвой, ещё активно выдававшей новые творения группой «Блестящие», известной песней Верки Сердючки про принца – из новогоднего мюзикла «Золушка» (2002), всего на год младшего, а значит почти сверстника её.

В-четвёртых, она такое же одно с уже упомянутыми великими достояниями: «Postal-2» (русская озвучка), «Serious Sam: The Second Encounter», «Harry Potter» (игры PC от третьего лица) и «Clive barker's Undying» (2000). Эти игры такие же удивительные, яркие и интересные, проходились с таким же удовольствием на одном дыхании, и так же быстро заканчивались, оставляя нехватку себя. Хотелось продолжения, но его не было... Ни у игр. Ни у этой линии.

Во время зимних каникул по ящику показали уже построенную монорельсовую трассу с движущимися по ней красивыми сине-белыми поездами. Не терпелось увидеть, но было слишком рано. Доехав в морозный солнечный январский день до «Тимирязевской», мы вышли на улицу и увидели вестибюль первой её станции. Входные двери в него оказались ещё закрыты. Как выяснилось у дежурной на «Тимирязевской» (войдя обратно под землю), откроются они нескоро (как ранее сказано – в конце наступившего года). На Юго-западную Сокольнической линии поехать к счастью не умудрилось: примыкающая к ней «Солнцевская линия» лёгкого метро (Л-2) изображалась на схеме сомнительно. Предполагаемая дата открытия – 2015 год...

Все линии осмотрены и покинуты, их как хорошего – понемножку, а жизни за пределами – больше и не лучше как правило. Этот транспорт самый надёжный, удобный (его Московская версия) и долго создающийся, требует максимум усилий и условий к себе. Его красота создана именно такими качествами, умело возвышая перед всем остальным. Его потребить – легко как нечего делать. Вход в него – рождение его и начало пред тобой заново, выход – исчезновение и конец на очень долго.

Что кроме единого города (страны – для железной дороги) может обобщать места тяжёлого и лично безуспешного получения образования с местами лёгкого и лично любимого осмотра проходящих под этим, и отделённых от этого материальными и моральными толщами пространств линий метро? Ответ: материалы и технологии – время создания, дары одного и того же хозяина – государства, и мнение со стороны: «Ты с бабушкой изучаешь линии метро, по которым мы тебя не катаем? Лучше бы ты так с ней математику изучал, которую она знает лучше нас, и все остальные предметы; Ты хвалишь Советский Союз и государство за его такое метро и железные дороги? Считаешь добрых людей, которые всего лишь за тебя заступаются и не больше, такими же как ты во всём? Ты просто их не знаешь, и они тебя какой ты. Лучше бы ты хвалил его за его такие книжки и образование, и тем же людям уподобался в этом, а на метро бы не катался. Они просто жалеют тебя, вот и всё. А сверстники и «серьёзные» ребята чморят по заслугам; Ты с бабушкой по полдня едешь в метро, и глядя на него гордишься какая у нас самая лучшая и красивая страна в мире? Да лучше бы ты вместо того с ней поехал в усадьбу бл**ь, лавру или монастырь, взял бы краски и кисти, нарисовал бы картину и сказал: «Вот это да, красиво. Какая у нас замечательная самая лучшая и красивая в мире страна!»

Вариант сравнения проката на полупустом любимом транспорте с учёбой в школе/колледже/институте (как отдыха с работой), сделанных также одними и теми же руками – этим Советским Союзом, одинаковой значимости для народа, и находящихся в одной и той же среде обитания – общем городе: Переход на другую линию метро для знакомства и катания, по своему предвкушению будущего обратно сопоставим с переходом в другой кабинет для занятий. Настенные часы «Стрела» СССР (в то ещё время) красуются над тем и над другим. Разные линии – разные их направления, подвижной состав и оформление их станций, разные (по форме и уровню развития) тоннели, но радующие каждая своими особенностями и отличиями от параллельной и пересекаемой другой. Разные же аудитории – разные науки, но одинаково бьющие своей сложностью, пересекаемые друг с другом в ходе изучения. Освещения кабинетов, цвет и материал досок и ДСП пластик у парт такие же разные по своей тусклости и яркости (также в то время) как и в салонах поездов. Начало занятия – начало мучения и желание скорее отмотать его; начало же движения состава по линии – начало радости, желание надолже продлить его (движение (не сбавляя скорость)) и его расстояние, количество станций. . .

Задачей в морозный зимний день за окном, кроме подготовки к выпускному экзамену по алгебре и заставляемого часа внеклассного чтения, будет очередная попытка смоделировать в масштабе 1:87 старые привычные и новые – Бутовские вагоны, с полной детализацией снаружи и внутри вплоть до поручней и скругленных оконных рам, вместо стёкол наклеить и закрепить с обеих сторон бумагой гладкие пакетики от сигарет или дисков. И как всегда ничего не выйдет, бросится за нехваткой сил, терпения, времени и ощущения что всё же получится. К концу зимних каникул вернётся к уже пройденной раз в сентябре игре «Serious Sam: The Second Encounter». С сайта Chemax.ru к ней узнаются читы «неуязвимость», «полёт» (от случая падения в яму), «хождение сквозь стены» и «получить всё оружие с боеприпасами». Отныне так лучше и комфортней, расслабляет, а не напрягает. Ничего другого/нового ярче не будет, официальные к ней дополнения также не сравнятся с оригиналом.

Средние и старшие классы ознаменуются за своими пределами большим количеством культурных достояний: «Фабрика Звёзд», вытекшая множеством известных песен, клипов, и новых артистов; шоу Романа Трахтенберга «Деньги не пахнут» (МУЗ-ТВ), выпуски которой неоднократно повторяются на том же канале; шоу «Окна» что запретят смотреть не одни родители не одним детям, а в апреле 2005 окончательно закроют из-за жалоб на содержание; «Кто хочет стать миллионером?» с Максимом Галкиным; «Русская рулетка» с Валдисом Пельшем, где понравится тёмно-серая прозрачная рамка с вопросами, таймером и вариантами ответов, загоравшаяся прозрачными красным и зелёным цветами в случаях правильного/неправильного; шоу «Кресло» на СТС, где жёлтого и белого цветов тексты вопросов и варианты ответов на фоне красной рамки, и наконец несколькими отечественными и зарубежными клипами и хитами FM радио. Лучшим из всех телешоу станет «Последний герой: Остаться в живых» (лучший сезон – первый, с Сергеем Бодровым), показавшее вечно актуальную, всеми любимую и самую беспроектную тему: тропический юг, море и пальмы в самом лучшем и интересном свете – интереснее любого другого на ту же тему фильма и клипа, да в такое подходящее противоположное время года за окном – зимой.

Второе полугодие 9-го класса школы (8-го года учёбы) завершится прохождением «Counter Strike: Condition Zero» (2004). Но самым коронным его событием на личном фронте станет уход матери из семьи. Она всегда любила быть не с нами. Последний год между ней и отцом растут конфликты, заметные с прошлого лета. С него же мы с бабушкой отделены от них в питании, располовинив места в холодильнике. Уже третий год мать приходит домой поздно, по выходным подозрительно на долго уходит «в больницу». Ещё с раньше к ней в магазин приходит более состоятельный мужчина, который и переманит её на свою сторону. Видится бабушкой-уборщицей, не говорящей ничего отцу чтобы преждевременно не разрушить семью. Ему же почти ровесник, имея техническое образование, по документам числится на заводе

рабочим карусельного станка с окладом 20.000 руб/месяц (Ценовая политика: Москва 2004). На самом деле, кроме этого постоянно «халтурит» – строит дачи богатым людям, выступая в качестве прораба. Руководит сколоченной из знакомых специалистов бригадой, живущих в одном районе вокруг того магазина. Имеет машину (так и цепляющую, но отсутствующую у моего отца), семью и одного сына. По словам матери, имеет два высших образования: техническое и юридическое.

Но когда я рассказывал всё это отцу и бабушке, они оба угорали: «Чё?! Да какой инженер бл**ь?! Какой он юрист на**й?! Технар закончил, на заводе бл**ь гайку крутит, да на стройке халтурит! Ума у твоей мамочки до**я я смотрю!» Мать же действительно во многом не разбиралась, и представила его «инженером-карусельщиком». Дома это стало погонялом. После каждой моей встречи с ней-уже ушедшей из семьи, они оба спрашивали: «Ну чё там твоя мамочка-то бл**ь сказала нового? Сколько у него там ещё образований?», и по-всякому другому продолжали подолгу над ним смеяться, а зря...

Накануне 8 марта, отрывая внимание от «Контр страйка», дверь через коридор в родительскую комнату с приходом матери видится закрытой несколько вечеров. В один из них всё окончательно решается, и я вызываюсь в «кабинет» за выбором с кем останусь жить. Раздумий не будет и секундных, ведь в этой-покидаемой ей квартире есть всё. Все возможности и условия. Двое грамотных и образованных людей, заранее доживших ситуацию. У неё нет ничего. Она уходит на частную с новым мужем. Своя однокомнатка появится только спустя три года. Я постепенно задвину бумажную ерунду, и мы медленно втроём в отсутствие её, с разговорами на данную тему ходим пару-тройку вечеров по коридору и большой комнате, озаряемыми рыжими мартовскими закатами. В один из них открывается та дверь, чтобы и «виновник торжества» услышал моё мнение. «Энди, у нас такая проблема – нашла себе другого мужа. Выбирай с кем останешься жить». Но оно не изменится. Ответ дастся кратко и чётко, без возни.

Время снова идёт. От сложных морозных зимних дней плавно к лёгкому беззаботному летнему периоду. Воздух становится менее холодным, снег исчезает, солнце и свет прибывают в количестве. Ящик показывает всё на тот же лад, школа заядло готовит к выпускным экзаменам, а вечером после всего, за серым выпуклым экраном компьютера продолжается проходить яркий шедевр «Counter Strike» одиночной версии. Ещё с последней осени по выходным отец периодически ездит и берёт с собой на Измайловский Вернисаж. Один раз приобщает ещё не ушедшую мать, как обычно немного подеивая вдвоём против одного-тянущего назад к любимому своему, но им неинтересному. После развода поездкам участвовать, а мать удивительно возьмётся за это когда-то не интересное и совсем ей не нужное, и параллельно добавятся поездки с ней: в «красивую» центральную Москву, неважно куда – главное на метро, и как отец, она не забудет предложить вкусноту в виде пашлыка/шаурмы/чебурека с колдой. Также через дни после её ухода, из-за возникшей с того доброты ко мне отца, 3 мая 2004 совершается первая в жизни поездка на метро одному. «Только не далеко. Вон – от «Речного» до «Белорусской», и до «Планерной» обратно. Чтобы к часу-к обеду был дома». Так и делается. Хорошо помню небольшое заблуждение, переходя с Белорусской-радиальной на Белорусскую-кольцевую, выйдя в наземный вестибюль, ведущий в город: недолго думая, пролезется под разделительным поручнем, спустился в обратный зал станции по эскалатору, и перейдётся на Кольцевую линию по мосту в центре зала.

На 23 февраля подарится эспандер и ещё что-то в комплекте. Ненавязчиво уговорится начать качать тело, тратить на это время и силы, объяснив следующее: «Вот смотри, идёшь ты со своей девушкой по улице, подойдёт другой парень, нападёт на неё и скажет: «Всё, это моя девушка»». Ты сможешь её защитить?» Это будут слова Нахабинских родственников, в гостях у которых в последний раз будут отец с матерью вместе. Я конечно услышу их всех, немедленно приступлю к выполнению действий, но хватит меня ненадолго – как и ранее приступая к занятиям спортом даже по собственному желанию. «Тебе это нужно для того чтобы ты хоть

сдачи мог дать» (имелись ввиду все враги, пристающие ни за что иное как за некорректное поведение в их обществе и прочие глупости). Не будет всерьёз тронувшей мотивации ни на это ни на другое-смежное, осуществлением своим привлекающее женский пол. Понятие «моя девушка» занесено в невозможное, пока у сверстной и старше среды начинает заноситься в порядок вещей... Первые взятые за руки пары, поцелуи, приглашения в кино, мишки-подарки и букеты цветов. «Масло в огонь» второй десяток лет на то подливают им СМИ: клипы, кино и сериалы. Незабываемыми будут кадры битья в истерике предметов домашнего интерьера – когда его бросит она, или обоими ими в натянутых отношениях... Первые сидения и обнимки на лавках дворов: одними и в компаниях; с воспитанной же по-другому, после этапа «понравиться ей» ждёт следующий этап – понравиться её родителям. Родная изначальная интуиция твердит обо всех: «Это что-то не моё, и это видно в ней-любой всем обращением ко мне». Девушки сочтены любящими только парня зарекомендованного в их коллективе или подобного ему, а не другого: «Мы просто подрались из-за неё, хотели показать кто сильнее и кому она достанется»; жестокое подростковое поведение её-неутвердившейся: «Ты знаешь, я встречалась с этим мальчиком, ну потом решила его бросить. И ты прикинь он мне потом такой звонит через месяц. Думал, что я передумаю, всё забуду. Писал мне СМС-ки, ну я не брала трубку, не отвечала, а потом он мне пишет...»; «Короче прикинь я обещала вчера вечером сегодня с ним встретиться, а сегодня утром такая специально ему устроила ситуацию, чтобы не пойти и всё сорвать»; «Короче ну он мне столько роз подарил... Мишек... Цепочку... Украшения... Коктейлями меня в клубе угощал. Думал подкатить. Ну я сказала ему что ещё не готова, и... вообще я люблю более взрослых мальчиков...» Конченный неудачник в её понимании. Более старшее и разумное: «Ну встретила я в общем с этим мальчиком. Погуляли немного. Детей он не хочет, говорит ни о чём, в голове никаких перспектив. Смотрит на меня всё время пристально и наивно, походу у него со всеми так... Отношений у меня с ним явно не будет, так общение если только... до поры до времени». Избалованная и хитрая, она легко унизит заинтересовавшегося ей «неудачника» чтобы поднять себе на этом самооценку – ей надо утвердиться по молодости, а после, из круга «выше» выберет получше, сильнее, интересней, а не лишь бы немного симпатного на вид (как выберет мужчина по своей природе в отличии от её), родит лишь от такого ребёнка, и будет вспоминать как до замужества бросалась недостойными её, безошибочно зная их дальнейшую судьбу, когда-то встречавшихся/общавшихся с ней, но так и не получивших от неё и всех других (в её знании и убеждении) того что им хотелось, и вправду (как правило) оставшихся в прежнем положении, завистливо и всё проклиная смотрящих на её давно сложенные отношения уже с другим, получившим это в отличии от них, дошедшие до свадьбы, детей и семейной жизни. Её обещание им встретиться дальше и что-то больше, так и не было выполнено, и не будет уже никогда!

Равнопрогрессизм – моя вера

Другой особенностью, отделяющей от массы, будут активные воображения и вымыслы своего/желаемого мира на базе вещей реального, сильно отличные содержанием от воображения и вымыслов большинства. Бутовская линия была короткой и медленной, её осмотр – капля в море всего другого, а положительные эмоции и мечты продолжить в количестве и усовершенствовать увиденное пойдут на годы. Первый приезд на конечную «Бунинскую аллею» завершал не только линию в знакомстве, но и (лично) основное общее образование, оставил массу воображений, не воплотившихся в реальность. «А почему она одна и такая короткая? Неужели и в этой «нестандартной» радости царит «стандартное» условие «хорошего понемножку»? А что если таких линий было бы много, и большей длины? Больше станций как наземных так и подземных? А поезда ехали бы вдвое быстрее? Или хотя бы ими заменили сразу весь старый подвижной состав на всех остальных линиях, быстро наплотив на конвейерах заранее? Заоблачные мечты о четырёхпутных метро и железной дороге появятся годом раньше: двое путей для «пассажирского» движения (поезда собирают каждую станцию) и двое путей для «скорого» (поезда едут на полную заводскую скорость (90-100 км/ч), останавливаясь лишь на конечных и крупно пересадочных станциях (каждая шестая-восьмая)). Двое путей на железной дороге для пригородных электропоездов (со всеми остановками) и двое для ускоренных (той же модели и заводской скорости 130-160 км/ч) с остановками только на крупных станциях, а также для высокоскоростных поездов и скорых (не пассажирских) поездов дальнего следования.

Думать о таком будет удовольствием, особенно если бы ты был один на всё это огромное пространство, и пользовался только самым быстрым и лучшим, радовался бы каждой секунде, не чувствуя никакого дискомфорта.

Создание и вера в существование параллельного мира своей мечты, и попадание в него после жизни в этом, активно приходится на 13-14 лет, зародившись в 11, где от одноклассника-интеллектуала получают отзыв: «Войди в реальный мир», но отчего лишь растут против всех. Я усиленно верил в жизнь после смерти, созданную на основе этой. Её описание не подобно ни одной религии, и конечно же не воспринимается и отвергается всеми адекватными людьми. Время придумать не знает границ, и места не различает.

А что если самая простая вещь – мысль материальна? А что если все эти трудности нужны и остаются лишь в пределах этой жизни чтобы вывести не только на комфорт здесь, но и «отдублировать» и отправить вторую «копию» туда? А что если между этим миром и тем есть «чудо-машина» перерабатывающая отсюда всё хорошее от духовного до материального в целое параллельное пространство: размножает, распределяет и обслуживает там? Что если всякий живший здесь в желаемых и нежелаемых условиях, имевший кучу проблем, работавший на обеспечение себя или другого, и наконец создававший этот мир своим участием, вдруг попадает в нечто аналогичное, но целиком и полностью технически современное, и при этом свободное, безлюдное, и принадлежащее только ему?

Его занюханная тесная неремонтированная квартира в сильно устаревшем доме вдруг оборачивается ему более просторной площадью новостройки с евроремонтом внутри, видом из окна той же улицы с того же этажа (что и при жизни), а на ней такие же превращённые из старья (в исходном мире) типовые просторные изнутри дома разной формы и отделки, ни один из которых также не создан раньше пары-тройки лет назад. (В более раннем возрасте – до начала 2004 года, представлялась безлюдная (лишь для тебя-попавшего) точная копия реального мира: всё такое же, разного времени появления, изношенности, расположено на тех же что и в нём местах). Вечное лето (один его день – летнего солнцестояния, безоблачный, вся растительность также клонирована до травинки, порастает вкусными плодами, вода идеально

чистая, сладкая, можно пить). Сподвижниками версии равномерной развитости его «клона» станут здешняя Бутовская линия и появившиеся первые те самые постсоветские новостройки с пластиковыми окнами, отделанные кирпичом/имитацией кирпича). Кроме новых домов он видит всю передовую инфраструктуру, бесплатными магазины, кафе, фаст-фуды, рестораны, все сервисы и службу, бесплатный пустой бесперебойно работающий транспорт. Подземный и железнодорожный. Тот самый четырёхпутный и быстрый. Точь-в-точь до миллиметровых деталей скопированный с покинутого мира. Выйдя и пройдясь дальше, он видит роскошные отели, особняки и виллы – всё тоже абсолютно пустое, вечно поддерживаемое в идеальном состоянии незнамо кем и чем, принадлежит одному ему, попавшему туда. Поскольку первые задумки шли с 11 лет, первым его населением были ещё не с концами утратившие свою актуальность (для того возраста) анимационные и игровые персонажи того времени: Соник, Луни Тюнз и их компания, постепенно опустевшие к 13-ти годам. С середины 14 лет посредством СМИ и возрастного «созревания», в этом мире появится только «взрослое» население. На одного попавшего туда, автоматически помолодевшего до 18-20 летнего парня, получившего небывалую красоту и тело той же не своей силой, приходится бессчётное количество идеально красивых и одиноких девушек, желающих его единственного. Никого другого у них просто нет и быть не может. Они встречают его на каждом шагу: в спальнях районах, в транспорте и общественных местах, в шикарных виллах с джакузи, бассейнах, ресторанах с бесконечной самой вкусной (в прижизненном мире) едой, помпезных апартаментах, приглашают и катают его на роскошных авто. Он единственный и сильно любимый – так устроен вкус каждой из них поголовно. Она делает всё чтобы быть рядом с ним, но может легко отпустить лишь захочет этого он, соблазняя остаться и оставляя свои контакты, договориться написывать и названивать ему – что будет делать и вправду. Они вечно бесплодны: здесь не нужно потомство и трата времени-сил на него. Здесь вечная молодость попавших, нестарение и энергия в себе.

Весь этот мир сделан из «Чёрного воздуха», молекулы которого в отличии от нашего «белого» состоят из событий произошедших «у нас», а после переработанных фильтром (той самой «чудо-машиной»), и распределённых (ей же) в этот мир на два отсека: «Положительное» (уже немного описанное) и «Отрицательное» ответвления – искажения изначального пространства (созданного природой и человечеством) в реальном мире, называемом «Корневым движением» – в нём есть всё: и хорошее и плохое, для ответвления же – «отросток» эта жизнь является «корнем». Точка перехода из «корня» в этот самый «отросток», содержащая комплекс по переработке уходящих из «реальности» потоков событий в слои «Чёрного воздуха», распределения по «ответвлениям» и дублирования их «крупных частей» в неподвижный и неизменяемый «архив», а мелких аннулирующий, называется «Комнатой смерти». Именно она является главным порталом отсюда, имея несколько «открытых дверей» в разных местах Земли, других планет, и даже космоса в радиусе своего действия. «Крупная часть» – это жизнь, мысли и действия большинства, то что стало важным и влиятельным, бывшая окружавшая среда. «Мелкая часть» – то что никто не запомнил и не вспоминает, и что никак не повлияло ни на общие события больших масс людей, ни на жизнь одного человека, отчего она «стирается»/практически не записывается в «хранилище».

Так, любые негативные и позитивные слова и действия никуда не пропадают, если они осознаны и затрагивают общую среду любыми способами и формами. Именно они могут сделать то, что бедному на воображение невозможно и представить. Именно мысль умеет взрываться из молекулы до чего-то огромного как доказали учёные. Именно она является толчком как на материальные нужды – производство, услуга и потребление, так и на духовные – уже здесь, в реальности, создающие от неё «ветвь»: съёмки фильмов, написания книг в стиле фэнтези, организации культурных мероприятий, создание религии и веры – что сочтена способной сделать целое параллельное измерение на базе этого, работающее автономно, и на активных раздумьях создающего его.

Мысль, слово и действие ушли в прошлое, записаны и превращены в «Чёрный воздух». Из него же в «Положительном ответвлении» состоят нескончаемые топливо, электричество, продукты питания, материалы, строения и всё остальное, дублированные туда задумкой и пожеланием здешнего населения – «Корневым движением» (реальным – исходным миром).

Над «неодушевлённой» его («ответвления») частью повторяется один интервал времени в размере одних суток бесконечное число раз, а попавший туда живёт этот каждый новый день по-разному, как он хочет. Его память об ушедшей «корневой» жизни не обнулилась с её окончанием и не обнуляется и здесь после каждого дня. Одни сутки лета с температурой воздуха +25 градусов по Цельсию. Каждый раз в 8:00 утра всё содержимое «ответвления» возвращается в состояние количества и качества ровно суточной давности: на витринах магазинов столько же бесплатной продукции сколько было 24 астрономических часа назад, лежащей также и на тех же местах. Как будто кто-то в секунды наводит порядок после любого бардака, сделанного его виновником. Столько же электроэнергии выработано и подаётся на всё те же требующие её объекты. Столько же запасов топлива, нефти, газа и прочих материалов, теперь работающих только на него одного в полную силу! Всё тот же вчерашний нулевой уровень изношенности всего видимого и материального на ощупь. С новыми сутками-сегодняшним днём, исчезает вся вчерашняя порча имущества проживающим, пока он автоматически засыпает на ночь силами управляющих «ответвлением». Есть «панель управления». Попавший сюда парень может попросить убрать девушек/оставить их в нужном количестве, а также быть удалённым раньше окончания его «отпуска» (родиться снова в «Корневом движении»): по собственному желанию или за агрессивное/ненормальное поведение, повреждающее здешнюю положительную энергию. Кстати и он там тоже не стареет больше чем на день, а после снова обретает вчерашнюю молодость и возраст. Вся же ручная obsлуга делается за него невидимыми руками и... желаемым видимым «персоналом»!

«Чёрный воздух» имеет множество разделённых слоёв. Чем крупнее и важнее были события в «Корневом движении» – тем плотнее и активнее слои, в которые они запечатались. В «Положительном ответвлении» один такой слой состоит из одного парня и миллиона одиноких желающих его девушек (скопированных телом из «Корневого движения»), совмещён со слоем описанной фоновой среды. Для попавшей же в этот «рай» девушки есть другой тип слоёв, включающий в себя её одну и миллион парней на неё (скопированных из «Корневого движения»), совмещённые вместе с ней с той же средой.

Количество «закреплённых» слоёв к единому большому пространству исходит из количества людей попавших в это ответвление. Каждый слой не видит и не ощущает другой слой. Проще говоря, любому парню только кажется что он там один с этими девушками. На самом деле в этих же домах, улицах и общественных местах вместе с ним живёт и перемещается огромное количество народу, не видимого ни ему ни друг другу. А миллионы желающих его девушек, сами того не зная, умножены ровно на количество остальных попавших в это измерение парней, и обслуживающих их также – в их отдельных друг от друга слоях-копиях этих пространств соответственно.

Когда мы видим призраков на фото, в старинных/заброшенных зданиях/замках, только что умерших людей (до 40 дней – пока их душа с нами) во сне/наяву, прочие явления, слышим голоса – всё это означает выбросы «Чёрного воздуха» обратно в пределы «Корневого движения». Такой процесс называется «вспышкой».

Иногда может привидеться любое прошлое в искажённой форме. Причиной тому является наслойка или активное движение состава «Чёрного воздуха». Такой процесс называется «искажением».

Третий процесс «рыжее озарение» – аннуляция состава и места «Чёрного воздуха» в связи с прекращением взаимодействия с его создающими и поддерживающими жителями реального мира («Корневого движения»). Такое происходит когда они полностью забывают

те события и всё связанное с ними. Нечто подобное лучам восходящего/заходящего солнца «растворяет» образовавшуюся беспробудную черноту со всеми её «начинками» в одной из площадей «Комнаты смерти». Возвращает опустевшее пространство для хранилища информации в своё изначальное состояние, придаёт туманную освещённость. Теперь здесь ничего нет и не было никогда... «Положительное ответвление» в отличии от остальных отсеков «Комнаты смерти» не поддаётся смещению/беспорядку слоёв, и никогда не будет растоплено «озарением».

Здесь, как и в любой другой вере, всё направлено на установление справедливости над всеми и каждым. В «Положительное ответвление» попадают за хорошие поступки при жизни. Тех же кто постоянно делал плохое, ждёт «Отрицательное ответвление» – бесконечно огромная помойка, слепленная из одного негатива. Всякая душевная и телесная боль в «Корневом движении» от рук создавшего её обернётся ему в самом усиленном виде. Страдать он будет за всех и каждого ровно столько и так, как и сколько от него страдали они. До тех пор, пока в «Корневом движении» не забудутся все его действия вплоть до небольших и не восстановится пострадавшая материальная часть. Тогда отрицательная энергетика перестанет поступать из реального мира в его адрес – «ответвление» на его слой «Чёрного воздуха», после чего этот слой будет растоплен для свободного пространства, а отбывший в нём наказание выведен оттуда в рождение – «Корневое движение» заново.

Другая версия «Отрицательного ответвления» – мрак и раскалённая лава. Земная боль много ниже в силе. До уровня лавы она «суммируется» просто чтобы сократить время нахождения провинившегося. Попавший мучается ровно столько сколько боли он нанёс прошедшей жизни, но не меньше одной минуты... Хотя туда попадают за серьёзные промахи, и горят как правило больше. Их души принимают уязвимые тела, но не плавятся и не гибнут от такой температуры мгновенно – как это было бы при их «Корневой» жизни, а по окончании срока вылетают обратно в новую (эту «Корневую») жизнь. Души же попавших в «Положительное ответвление» никогда не испытывают никакой боли. Они могут упасть с десятого этажа вниз головой, но не погибнут и не почувствуют даже лёгкого удара. Они захотят порезаться или проколоться, но кровь никогда не потечёт, а остриё никакое и ни насколько не сможет войти внутрь; у них не выйдет сломать себе руку, ногу, упасть в яму и не выбраться оттуда. Они никогда не почувствуют никакой температуры и болезни, ни малейшей усталости или слабости. Они могут бесконечно потреблять любимую еду и воду, и никогда не переедят и не почувствуют тяжести в организме: она выведется в тот же момент, и не так как в былой жизни – путём справления нужды, а путём мгновенной растопки этой «части «Чёрного воздуха»», из которого теперь сделано всё, и они тоже. Они забудут голод, холод, депрессию, тоску и прочие душевные-телесные неудобства. Время пребывания здесь тоже (как в «Отрицательном ответвлении») ограничено, и зависит от бывшей значимости отдыхающего в покинутой жизни, его вклада в её технический и моральный прогресс. После он родится обратно – как и отбывшие свои наказания его «прижизненные» сожители.

Не мной рассуждать о конце света было в моде. Писались другие книги, снимались фильмы. Пугал даже новогодний бой курантов по ящику: а вдруг сейчас всё взорвётся или пропадёт неизвестно куда? Но всё же я же верил в «мирный» конец света, который наступит по достижению пика техногенного развития.

Мы попадём в рай за выполнение своей земной миссии, а Дьявола сначала заточат в один из отсеков Комнаты смерти – «Комнату времени» (теперь иссякшего), через которую до того проходил «Чёрный воздух» на переработку. Посадят перед порталом в «Отрицательное ответвление», и за период с 8:00 до 00:00 покажут всё что он натворил за время развития человечества, и как от этого страдало оно и всё живое на свете. Каждый час – каждая отрасль и направление (медицина, кулинария, ткачество, транспорт, хозяйство, технологии, производство, образование, политика, спорт, и т. д.). В конце часа, по завершению показа той

или иной отрасли, оттуда с рычанием будет выглядывать свирепое безглазое чудовище с огромной пастью, приближаться к нему на расстояние метра, рывкаться на него и залезать обратно – в знак предупреждения о том, что ждёт его за то всё после полуночи – уже через считанные часы! Далее «программа передач» на оставшееся время, и показ следующей отрасли. Последний день его жизни будет похож на все предыдущие лишь отсутствием будущей долгой боли. «Комната времени» будет подобна его квартире, но выйти из неё он не сможет. На стене будет висеть циферблат, а бывший повелитель зла будет нервно на него поглядывать в сильно запущенном состоянии, желая оттянуть время расплаты. Он захочет восстановить разрушенное, но ломать – не строить! Воссоздать обратно такой объём работы и вернуть жизнь людям не получится... Ничто не сделать во избежание наказания... Ровно в полночь свет погаснет, и «вспышки» из портала прекратятся. Сработает мощный пылесос, и Дьявола навсегда засосёт эта створка – откуда шла трансляция. Через пару мгновений он попадёт в раскалённую лаву, и будет мучиться долго-долго... Пока не рассчитается за всё.

Этой истории-выдумке изначально родиться от первых в жизни воскресных вечеров перед первыми буднями-понедельниками ясель и детского сада: последний выходной – как последний день и часы этой «жизни»: дальше долгая «погибель» – трудовая неделя, развить это помогут события 5-го класса школы (4-го года учёбы) за уроками дома в годы усиленного контроля: «В общем ты ни одного предмета не сделал (не осилил задание). Что ты завтра получишь я не знаю» (неудовлетворительную оценку в качестве наказания, даже при попытках сегодня что-то сделать чтобы её и его избежать). Разбор домашнего задания по английскому, 6-й класс школы (5-й год учёбы): «Вот спросит тебя Боженька после смерти что ты за всю жизнь сделал полезного. Вот тут-то и решается куда попадать: то ли в рай к ангелам то ли в ад к демонам. Будешь на сковородке жариться»

– «Сколько? 400 лет?»

– «А там срок не указан. Будешь головёшки лизать»

– «Какие?»

– «Раскалённые!»; «Ладно бл**ь, хрен с ним с этим английским, давай историю...»

Через год, за очередное уклонение от внеклассного чтения, повторится: «И если щас он тебя приберёт (внезапная смерть) – то тебе в аду гореть». А ещё через год: «И будет тебя 2000 лет Цербер на куски рвать».

Весна 2004, 9-й класс школы (8-й год учёбы). От «не о чем больше думать», и узнав где-то притчу «про деньги и инопланетян», начинаются бессмысленные рассуждения: «А можно ли было бы на Земле организовать равномерное техногенное развитие? По всем странам? На всей планете? Поровну распределять все ресурсы? Никакой коммерции и капитала – всё только государственное? Вокруг помимо магазинов, аквапарков и аттракционных развлечений одно производство: заводы, фабрики, сельское хозяйство, институты, научно-исследовательские лаборатории? Всё, что кто-нибудь изобретёт или разработает – тут же узнаётся во всех уголках мира и моментально распространяется всеми его производящими точками в количестве населения Земли? Никакой войны и политики, никакого деления, воровства и преступности – у всех есть всё необходимое, но всё большее – строго по мере индивидуальных заслуг? Все за справедливость: как работал – так и заработал, заработал – получил, а не стал жертвой неполучения заслуженного? Самый конченный нищоброд в мире – это тот кто «простой рабочий»: работающий на работе, не требующей образования и умственной нагрузки, и тот кто за такую работу, имея на этот достаток всю нужную и неотсталую, но бюджетную и скромную домашнюю и компьютерную технику, пару поездок в год в отпуск, но ничего больше (детей и машину уже не имеет – денег нет, да и не по зубам ему такому это всё в моральном плане), проживает (на примере «нашей» – фактической жизни в день завершения данного писания) в «квартире-новостройке» (панельной/кирпичной бюджетной, но современной – возрастом, а оттого изношенностью не более 20 лет, так как старее дома все уже снесены) площадью от 30

до 40 квадратных метров с инфраструктурой из магазинов, парков, часто ходящего транспорта и метро рядом один (у другого члена его семьи ещё одна такая же отдельная квартира, ещё с рождения им всем уготовленные государством), а не тот кто цыган/бомж/житель грязной Африканской трущобы/деревенский прокуренный спившийся, проживающий в ветхом доме/ тот же рабочий, но за копейки работающий из-за отсутствия заказов и работы, ждущий от этого государства что-то лучшее? Самый же богатый и состоятельный – это не сын богатого папы, не наркоторговец, не мошенник, и не крупный преступник «в законе», а лишь хорошо (в отличии от того рабочего) владеющий точными науками, и силами этих знаний сделавший ох как нужное будучи техническое/биологическое изобретение, в награду за что и получивший/получающий такие богатства в отличии от коллеги более низшего класса и способностей соответственно? Большие же по площади или двухэтажные квартиры до 200 квадратных метров есть только у инженеров, оправдывающих полученное высшее образование, и постоянно проявляющих инициативу во всём необходимом для развития и совершенства производимого; работников руководящих, сложных и ответственных должностей...?»

Всё производство равномерно совершенствуется за считанные дни-месяца по всему миру: рабочие места всегда удовлетворяют современным требованиям; синхронно перестраивается как производящая, так и потребляющая недвижимость, в шахматном порядке: каждый город разделён пополам. В одной его части люди живут и работают. Она поделена на три типа кварталов: для третьего класса населения (рабочих), второго (инженеров, руководителей), и первого (учёных, изобретателей).

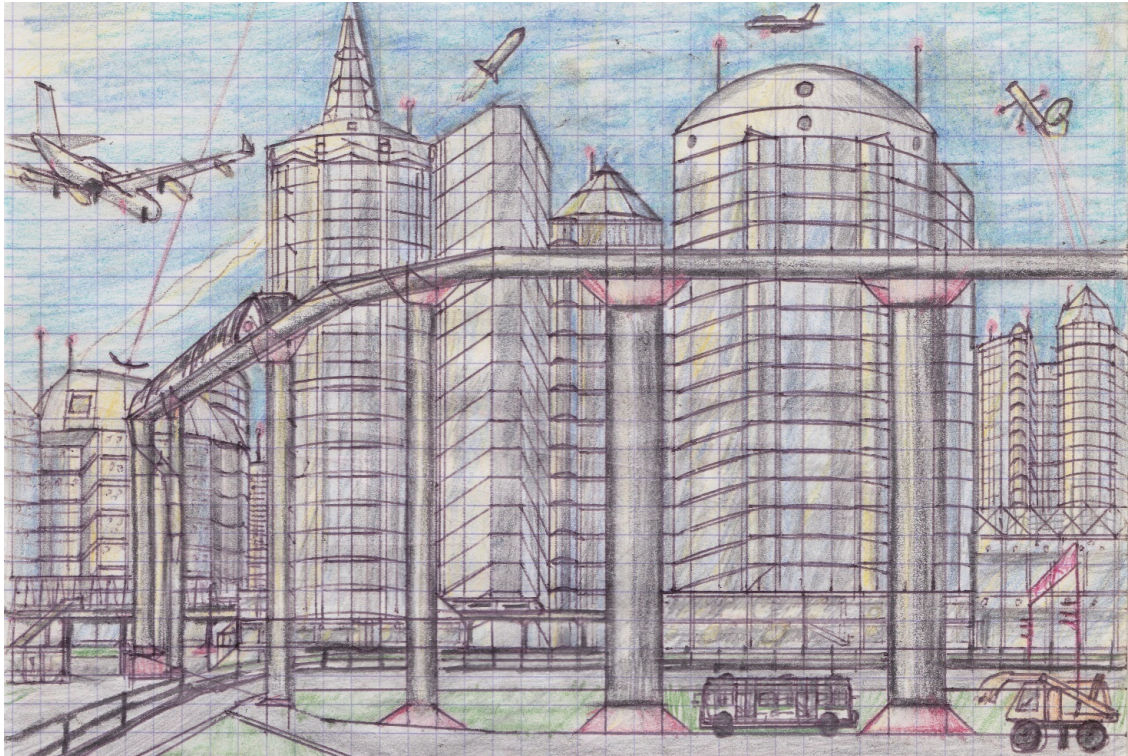
Квартал для третьего класса состоит из обычных спальных многоэтажек с квартирами маленькой площади: размер одной комнаты 16 квадратных метров, плюс отдельная кухня, коридор и балкон в каждой такой квартире, санузел отдельный.

Квартал для второго класса тоже состоит из типовых высотных больших домов, но более элитного уровня: присутствуют декоративные элементы оформления на фасадах, дворовые территории слегка напичканы фонтанами, клумбами и немного архитектурными украшениями. Основным отличием является бо́льшая площадь квартир: средний размер одной комнаты 36 квадратных метров, а их по две-три.

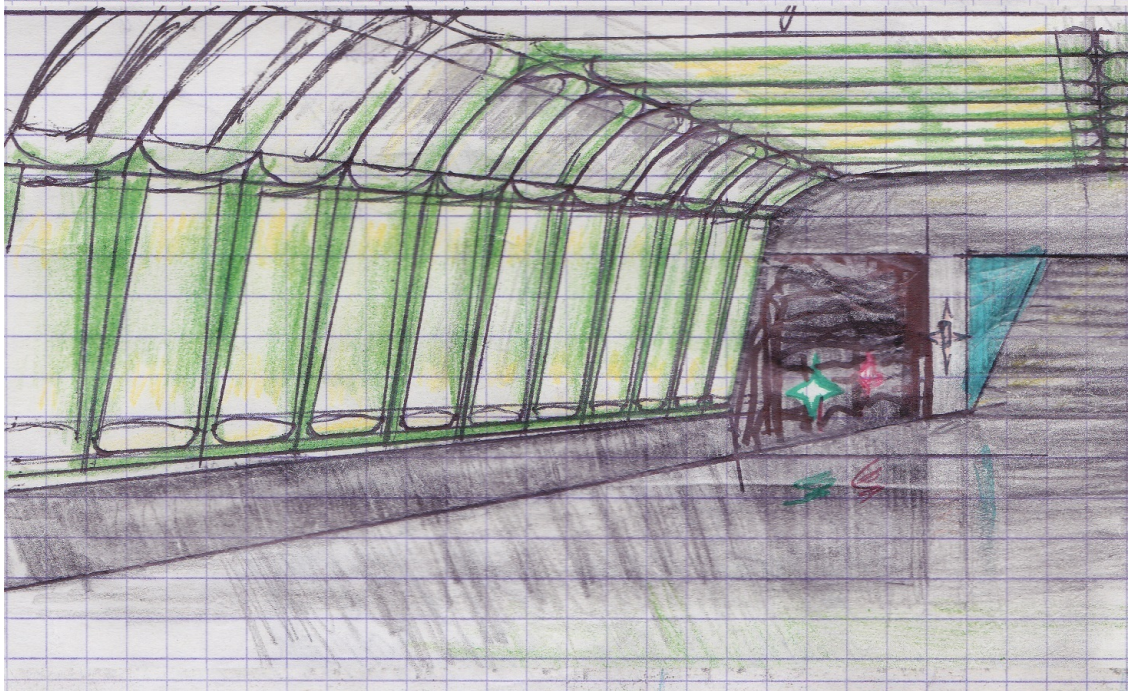
Квартал для первого класса состоит из одноэтажных и двухэтажных элитных роскошных особняков с красивыми верандами, фонтанами, сложными декоративными элементами, помпезно украшенными дворами и прилегающими территориями, огромными бассейнами с джакузи. Главная особенность – каждый такой мини-дворец принадлежит одному заслужившему его человеку, строится по его выбору из множества типовых вариантов. Сделавшим же самый огромный вклад в развитие науки, культуры, техники и производства, создавшим изобретение, без которого дальнейшую жизнь всего мира сложно представить, выдаются самые шикарные дворцы в мире, находящиеся в этих же кварталах, но на видных местах, имеющие самые бо́льшие размеры по площади, индивидуальную форму и отделку на тему его труда, высеченные на входе золотыми буквами ФИО проживающего владельца, и краткое описание вклада, в награду за который предоставлено это жильё. Также в честь него может быть назван не только этот квартал, но и весь город.

Минимальная зарплата сотрудника 3-го класса (на примере ценовой политики Москвы в 2015 году) – от 30.000 до 40.000 рублей в месяц; сотрудника 2-го – от 100.000 до 500.000 (при проявлении бо́льших инициатив, совместной работе в крупных проектах, развитии науки и производства с сотрудниками первого класса). Зарплата сотрудника 1-го класса – минимум 500.000 рублей в месяц, больше – по мере его вкладов в развитие прогресса в равнопрогрессивизме.

Все три типа жилья подготовлены государством для каждого родившегося, получившего соответствующее образование, и отработавшего год по полученной специальности или на другой работе, но не низшей в квалификации и уровне сложности.

from man my see-see (see my) doooooom fiiiiiiiii seeeee seeeee 50k 2005
Это не город будущего и не Дубай/Нью Йорк.

Это могло быть и на месте трущоб Африки при политике равнопрогрессизма.

Изначально, каждый рождённый живёт в квартире своих родителей, но у него уже есть однокомнатка в квартале 3-го класса («по умолчанию»). Её он автоматически получает по окончанию школы где каждый на уроках труда приобретает рабочую специальность по выбору;

лишается и переселяется в барак-общежитие за тунеядство. Далее в случае успешной учёбы и сдачи школьных и

вступительных экзаменов поступает в абсолютно бесплатный институт, где с первого же курса обучение всех совмещено с работой на производстве по своей же отрасли. Количество учащихся равно или ниже количества их будущих рабочих мест, с которыми и сотрудничает институт. Суммарное время учёбы и работы не выходит за рамки классической пятидневки. Работать где-то ещё – нет необходимости. Зарплата учащегося на младших курсах равна зарплате сотрудника 3-го класса, на старших – окладу 2-го. Понятий «бедный студент», «приехал(а) поступать в столицу из деревни/другого города» не существует, как и самих деревень/глубинок. Нет и бывших деревень: все города не только синхронно развиты, но и также основаны – с первобытности, под управлением Высшего разума, одинаковы на экономику, бюджет и рабочие места. И «живу в общежитии, предоставляемое институтом» нет понятия тоже. Учащиеся уже имеют своё начальное жильё с окончания школы, каждый из них нужен как рабочая и/или думающая единица, и власть сама хочет для этого за свой счёт его обучить.

Получив образование, они работают на тех же предприятиях, но уже квалифицированными специалистами, а через год успешной такой работы их переселяют в другой квартал, блокируя и забирая данную изначально самую простую квартиру в резерв. Но за такие хорошие условия хороший и спрос. В институт поступают не все: 30-40% выпускников школ не продолжают учиться, так как не тянули никакие школьные предметы, не имеют достаточного интереса и понимания ни к каким наукам, и как результат нужной способности для сдачи вступительных экзаменов и дальнейшего – более сложного обучения и умственного труда, про уровень послешкольного образования говорить нет смысла. Он выпускает только качественных и толковых людей, мастеров своего дела, способных достойно руководить, предлагать и внедрять новые идеи, постоянно работать головой, решать трудные мировые и производственные задачи.

Спустя время, 30% из этих высшеобразованных специалистов поступают в аспирантуру, защищают диссертации и получают учёные степени. Постоянно занимаются научно-исследовательской работой, участвуют во всемирных единых разработках и изобретениях. За это их переселяют в квартал для 1-го класса, забрав просторную квартиру в роскошной высотке на резерв. Некоторые из них участвуют в управлении городами и целым миром, ведь стран мира нет – есть только города, сельскохозяйственные базы, природные зоны и резервные территории, объединённые в «населённую» часть планеты. Нету чиновников, депутатов, нету президентов стран. Власть над каждым городом (включая ближайшие к нему сельское хозяйство, производство, места добычи и природные зоны) и над всей планетой принадлежит специально обученным сотрудникам 1-го класса, выбранным как народным (не подставным и не до него уже свершённым) голосованием, так и специальными институтами и подразделениями.

Все классы населения во всех отраслях работают и учатся по классической пятидневке – вечером и в субботу с воскресеньем отдыхают, но каждый из них без исключения на протяжении одного года своей жизни в обязательном виде (подобно воинской службе, которой здесь нет из-за мира между всеми) проходит эту же свою работу в ночь и в выходные – так она круглосуточно не останавливается.

Ближе к концу средних классов школы, в течении месяца-двух, занятия у учеников отменяются... Они не учатся в школе, а точнее – учатся не в школе, а у того к чему вообще ведёт эта вся школа. Сегодня, прямо к началу рабочего дня они приведены на фабрику и завод (коих там и тут полным-приполно), возомнившие себя основным-подавляющим местом труда при такой политике. С интересом, пофигизмом, настроением, без него, или замиранием сердца, они вместе с его (уже приевшимися и официальными) работниками оказались в единой атмосфере с не едиными пока задачами; своими глазами, ушами и мозгами вживую пощупали ничто иное как ждущую их уже скоро настоящую (а не родителями и учителями по-своему и в свою выгоду втираемую) взрослую жизнь. Они увидели всю правду до последней мелочи: с юным несглад-

мым впечатлением, крайним сложившимся отвращением, или уже так теперь и зовущим вперёд-именно сюда как никуда больше предвкушением намотали на мозг все плюсы и минусы им показанного: от крутящихся здесь ключевых задач, удобства/неудобства работы и оборудования под свои силы и руки, до вечных проблем поиска постоянно пропадающего вследствие условий одного и того же инструмента, и вечного ожидания и выцыгивания помощи коллеги в одном и том же, сопровождаемого нецензурными со злости фразами. Ни один завод и ни одна информация не есть секретна, наоборот открывается на весь мир лишь зародится – его составляющие просто должны её узнать, понять, развить и расплодить для своего же удобства скорее. Они прошли в конструкторское бюро: смотрят на те чертежи, формулы, ритм и общение в нём работающих, ничего в том ещё не понимая, часть понимает прямо сейчас правильность запроситься поскорее отсюда на свежий воздух и больше не знаться ни с чем, ещё со школы сюда ведущим; часть ещё задаётся вопросами, а кто-то от увиденного собирает все свои силы и желание с сегодняшней же первой свободной секунды насесть на все нужные точные науки и сократить путь сюда и быть здесь самым нужным и спрашиваемым.

На следующий день они собрались очень рано у пропускных ворот в электродепо, куда войдут вместе с машинистом на его рабочую смену, и где всё готово и рассчитано (как и на заводах) на приём их: не менее работы важное – воспитание и привлечение её будущих исполнителей. Тенью плетясь за ним, они вместе осмотрят состав и увидят процесс получения документов. С завязанными руками и заклеенным скотчем ртом – представляющими опасность, отвлекающую этого машиниста от ответственной его работы, они живыми статуями за спиной его едут в одной с ним кабине, и уже точно по выходу оттуда не примут решение обучаться такой экстремальной и уж очень ответственной профессии, а могут и сделать всё от себя зависящее – в итоге здесь хорошо зарабатывать и проводить в кабине этой самое шикарное своё время. В эту же организацию их дальше приведут полюбоваться работой строителя этого вида транспорта всех видов должностей: с самого начала их рабочего дня, с показанием всего хорошо и плохо, удобно и отвратительно, от значимого и главного до и не нуждающейся в изъяснении, роли не играющей мелочи...

Также они совершили самый короткий (для них уготовленный) рейс на круизном и грузовом водном транспорте, где наяву (а не на экране и теории) потрогали своими ушами и глазами здешнюю работу от матроса до капитана; авиарейс, скованно молча и неподвижно, отныне и навсегда приняв к сведению работу пилота; побывали на съёмочной площадке, где поняли что не быть им ни кем от режиссёра до осветителя вообще никаким образом, или отныне перечеркнув всё что было до, непрестанно застремились освоить увиденное и провалиться в эту отрасль забыв всё другое.

Побывали в больницах, поликлиниках, разных операционных с простым и самым технически сложным оборудованием – увидели самую жестокую и нечеловечную борьбу врачей за дальнейшую жизнь и здоровое состояние под приборы эти попавшего.

Посетили кухню скромной столовки и престижного ресторана, типографское производство, мастерские официально работающих профессиональных художников и скульпторов за непрекращающимися и очень объёмными заказами, постояли за спиной разработчика программы, видеоигры, рекламы, листовки и плаката, поехали далеко за город – спустились на глубину очень важной шахты, везде провели очень много времени – увидели всё настоящее до последней капли. Вопрос: «Куда ему такому раздолбаю/непонятному/такому способному поступить и что делать после школы?» в таких условиях даже не зарождается, а сама школа помимо таких занятий за её пределами, внутри себя просто кишит всем необходимым для наглядного понятия скучного словесного объясняемого материала и его писанины в тетради. Кабинет физики неадекватно огромен всем, на практике показывающем каждое слово учебника и учителя, такой же кабинет информатики, химии и биологии.

Уроки труда для кого-то продолжают дольше чем надо: скоро будущая взрослая участь у ученика предопределяется ещё с конца средних классов школы, по результатам успеваемости за прошедшее и последнее время, и сочинения-отзыва о походах на профориентацию. Сильные и умственно способные учатся дальше по обычной программе, слабым же в учёбе со временем задаётся меньше заданий на дом, снижается спрос материала с них, а вместо того представляется первая посильная по мозгам и рукам работа с первой зарплатой соответственно. Так они видят «предупреждение» о том, что такой труд – их будущее при такой учёбе. Шансы «подняться», а именно отказаться от него и денежной награды за него, подтянуть обучение для будущей гораздо большей награды – в их руках, но смогут ли они такое, даже если насыдут...? Учитель и преподаватель при политике равнопрогрессизма – труд очень ценный, не менее престижен труда инженера конструктора или врача высшей категории, предоставляется на основании строгого отбора, все учебные заведения, всё воспитание будущего поколения, решение наказать или понять и простить его составляющую единицу здесь созданы на принципе: «Нет плохого ученика, есть только плохой учитель».

Весь мир говорит на одном языке. Во всех его торговых точках одинаковые цены. Все населённые его пункты одинаково и синхронно развиты до мелочей, не отстают друг от друга ни малейшей деталью, ни секундой технического прогресса. Нету посольств, дипломатии, МИДа и иностранных языков. Нету миграции, терроризма, политической диктатуры, борьбы за землю и власть. Нет воровства – за него публично и сильно оббиваются руки на глазах у собравшейся для этого поучительного зрелища толпы; убийство и преступность не приходят и в голову. Нет слов: «Дилер», «Промоутер», «Дестрибьютер», «Фирма», «ИП» «ООО», «ОАО», «Компания», «Владение», «Холдинг», «Консалтинг», «Агентство», «Бизнес», «Риэлтор», «Акции Компаний», «Франчайзинг», «Лизинг», «Кредит» и жизнь в долг, «Рыночная/закупочная цена», «Инфляция», «Аутсорсинг», «Маркетинг», «Пропажа/прекращение выделения на что-то нужное средств госбюджета»; «Монополия и её власть»; понятий купли/продажи и аренды недвижимости. Нет «рыночной» экономики и понятий её «кризиса». Нет «дефолта», «девальвации», закупочных цен, курсов валют – так как она одна во всём мире и цены тоже. Нет армии и ничего военного – все населённые территории планет и Солнечных систем развитого до межгалактической между собой связи равнопрогрессизма едины. Есть все защиты от инопланетных вторжений. Все добываемые и производимые ресурсы равномерно распределяются по всем населённым частям планеты. Все города построены там и так, где и как всегда будут нужны. Отдалённые моногорода хорошо рассчитаны от страданий окружающими природными условиями или закрытий по ликвидации их единственных градообразующих предприятий из-за истечения добываемых ресурсов (но даже и в этом случае их снесут без малейшего следа, а жителей переселят в заранее построенные, стоящие в резерве (на этот случай) новые дома других городов); также синхронно с миром совершенствуются обладая полностью аналогичной и неотличимой инфраструктурой (с разницей лишь своей площадью перед крупными населёнными пунктами), не иссякнет их экспорт и импорт к ним. (На примере же нашего мира, посёлки Хальмерь-Ю, Тикси и Амдерма даже в годы процветания имели заброшенные и заколоченные дома, а действующие не сносились и не менялись на новые с лет основания этих посёлков, то есть уже отставали технически от жизни Большой земли даже в годы своей бурной и плодотворной работы, что не соответствует законам равномерного всемирного распространения прогресса – равнопрогрессизма). Инфраструктура северных городов, начиная с самого их образования, незамедлительно и тут же – перед первым рабочим заселением соединяется крытыми холодонепроницаемыми переходами, а где-то находится под большой крытой о морозах знать не дающей полусферой (такое на деле затевалось в посёлке Айхал (Якутия), но бросилось на стадии вбития свай, по непонятным причинам); ананас здесь не дефицит, завозится с переборщением в количестве, и стоит ничуть не дороже чем на месте рождения своего: юг оплатил его перевозку сюда в награду за привезённые отсюда (такие же теперь не дефицитные там)

полезные ископаемые. Сюда на работу с городов поужнее приезжают с плавками и купальниками – под особенно надёжно защищённым от внешнего мира куполом сделан вместительный аквапарк с семейными и экстремальными спусковыми горками выше 50 метров, выращенными пальмами, песком и настоящей привезённой и привозимой с юга морской водой. Всё поровну и взамен – всё заранее экономически продуктивно рассчитано. На месте Храма Христа Спасителя в Москве, равнопрогрессизм оставил бы и только усовершенствовал бассейн, тоже было бы вместо жилого комплекса и торговых точек с Аэровокзалом в том же городе на Ленинградском Проспекте. Нет понятия: «город (страна) задолжал(а) другому(ой) денег».

Как часто ты замечаешь один и тот же хлеб, кетчуп и сыр одной и той же фирмы и упаковки вкусными вчера, но сегодня совсем другими – съев и выкинув ту «нормальную» пачку по её истечению и достав эту следующую? Всему виной две разные смены, пёкшие этот хлеб, добавлявшие ингредиенты в эти сыр и кетчуп, готовившие их халтурно (одна) и ответственно (другая), что было у нас даже в Советское время. На фабриках же равнопрогрессизма позвонив туда по номеру и назвав дату и адрес изготовления, указанные на упаковке содержимым не угодившей потребителю, а после принесённой туда специально работающим курьером в качестве доказательства халтуры судя по вкусу и записи с камер видеонаблюдения, работавшей в тот день и час смене уготовлен незабываемый букет наказаний!

Не горит не один склад ни одно строение: нет на то причин, за поджигателями установлен слишком большой контроль дружелюбной не на его стороне массы народа. Нет жизни завистникам и не договорившимся, нет жизни устроившим пожар специально чтобы списать на что-то нехватки в бюджете под Новый год. Равнопрогрессизм сожжёт их сам. Публично. Другим так делать не захочется.

Связанность царит до последней мелочи: в радиусе двухста-трёхста метров на улицах, в магазинах и торговых центрах, а также на ближайших к железным дорогам и автобусам станциях метро висят мониторы с расписанием автобусов и электричек, а не только на остановках и станциях этих видов транспорта, сопровождаются повторяющимися (как на вокзалах) голосовыми сообщениями: «Уважаемые пассажиры! До отправления автобуса (номер маршрута)/электropоезда до станции/остановки остаётся 20 минут. Расстояние до ближайшей его платформы/остановки пешком 10 минут. Время покупки билетов примерно 5 минут. Просьба поторопиться»; «Расстояние пешком 20 минут. Вы не успеете. Следующий автобус/электropоезд до станции/остановки будет через полтора часа. Для удобства воспользуйтесь другим транспортом»; «Автобус/электropоезд до станции (название) отправлением в (указанное время) задерживается...»

Во всём мире одна политика, а люди ответственны и сознательны. Чётко планируют время и действия, отвечают за слова и поступки. Помимо вечного трудолюбия, главным их качеством является строгая и разумная организация продолжения рода.

Ни один сотрудник и сотрудница 3-го класса не становятся отцом и матерью. Они просто не видят ими себя, не обладают материальными и моральными возможностями на содержание и воспитание детей. Им даже строго запрещено создавать семью. За случайную беременность сотруднице 3-го класса предоставляется выбор: аборт, отдать на воспитание нежданного ребёнка сотрудникам высшего класса, не достигшим своего разрешённого лимита по рождаемости (с заключением соответствующего документа по согласию обеих сторон), или 10 лет колонии строгого режима без условно-досрочного освобождения по статье «Разорение государственного имущества» – так как достаток государства рассчитан на рождение и воспитание до совершеннолетия, а также и обеспечение жильём и имуществом ограниченного лимита населения, с допуском погрешностей (например рождение тройни – где лимит рождаемости превышен не по вине родителей, при наказании/учёте сотрудников 3-го/2-го классов считается за одного). Отец также разыскивается и привлекается к уголовной ответственности. Работа сохраняется, но бирка их – «заключённый», а условия за пределами – теперь совсем нехо-

рошие! Вместо квартиры – общая и тесная камера. За малейшую провинность – удары плетями. Вместо зарплаты – её четверть или меньше. Остальные заработанные, но не получаемые такими сотрудниками деньги, наказавшее государство тратит на очень качественное воспитание, развитие и постройку жилья всем, включая того рождённого ребёнка, в чём убедятся мать и отец-тюремщики: им предоставится возможность видеть его и помогать по воспитанию в воспитательном доме, где есть всё что было бы у него в доме родителей, но много больше и даже лучше! (Воспитывать своего и/или приёмного ребёнка полностью самостоятельно, и держать в своей тесной для него квартирке сотрудникам и сотрудницам 3-го класса запрещено). За повторное и каждое последующее нарушение добавляется такой же срок. Использование предохранительных средств всему населению наставляется по тв и на многих уличных щитах чтобы не допускать столь сурового наказания и проблем у каждого жителя, в общественные места вывешивается объявление: «Сотрудник и сотрудница 3-го класса (ФИО) осуждены за рождение одного (или более) неположенного ребёнка. Вы можете досрочно освободить их от уголовного наказания, усыновив его (их) в случае не превышения этим своего лимита рождаемости». Здесь же красуются ФИО и 2-х-1-х классов, превысивших свои рамки. Тех же уровнем семейная пара не способная родить, но так сильно желающая иметь детей, содравшая такое объявление – их большой спасательный круг в море долголетних беспробудных невыносимых пыток в нещадной колонии, отбирающей жизнь, и превращающей её в существование.

«Пожалуйста не выкидывай сейчас эту книгу от злости и огорчения что не можешь рассказать Данной истории опыт над крысами где они подошли и не размножились в комфортных условиях. Их замкнутое пространство – уже не комфорт и создание условий дискриминации! Равнопрогрессизм – это комфортные условия, созданные трудом этих самых как ты уже сравнил «крыс»! Это труд с вознаграждением по его мере, выполняющийся в комфортных – то есть нормальных и комфортных в меру условиях!» Энди Купер.

Почему такая строгость? Дело в том, что родиться в равнопрогрессизме – удовольствие дорогое. На каждого рождённого ребёнка уже готовы три вида квартир площадями: примерно 40 квадратных метров (автоматически выдаваемую с рождения), две другие – площадями 100 и 200 квадратных метров, заблокированы до его становления сотрудником 2-го/1-го классов населения соответственно (в случае становления будет разблокирована и получена только одна из них, остальные две (включая изначальную – для 3-го класса) будут заблокированы). Итого жить он может только в одной из трёх видов квартир, в зависимости от его уровня образования и вклада в развитие данного мира! Бесплатное обучение – как общеобразовательное, так и дополнительное по обнаружению таланта: танцы, спорт, искусство, все конкурсы, костюмы и инструменты, бесплатная карьера и дальше во взрослости. Трёхразовое питание, одежда и аппаратура, меняемая на новую синхронно со всеми остальными взрослыми гражданами.

Но в целом, из-за уже указанных черт – ответственности и мышления вперёд, присущих и прививаемых каждому жителю-сотруднику равнопрогрессизма с детства всеми взрослыми, а также мировой сплочённости и помощи друг другу как единица единице этого мира, составляющей и делающей этот мир, по факту люди всё понимают и не косячат, не видят даже желание этого сделать, и считают эти законы разработанными для их же блага. Все колонии по факту пусты, на каждого нежелательно сюда родившегося, в кратчайшие сроки находится спаситель-усыновитель, имеющий право родить по лимиту и так это желающий, но по здоровью не способный, а всякая рождающая «лишнего» беременная женщина, с самых ранних того стадий обречена на бесконечные проверки сотрудниками «контроля» (у нас – полиции) на каждой улице: «Какого вы класса? Ваши документы?», посмешища над ней-случайно залетевшей (в основном конечно над ней 3-го класса), просьбы коллег по работе сделать аборт, зная что этот ребёнок ей не положен и не нужен, и что она им отбирает деньги у государства на которое они все работают, а значит она не уважает и труд своих коллег, ведь государство вынуждено будет на их деньги (в разы бо́льшие чем в России на примере дня завершения данного писания)

обеспечивать его-превышающего лимит населения, рассказы про то что ждёт её если она аборт не сделает. Все всем помогают, так как в равнопрогрессизме все одно – его развивающее, и Высший разум тщательно смотрит кому посылает и какого будучи нового человека в ему подвластный мир, каждого наделяет желанием помощи в ней нуждающемуся, устраивает судьбу, прощающую промахи.

Секс «по обоюдному согласию» с сотрудником/сотрудницей 3-го класса морально исключён: ни он ни она не способны «зацепить на это» ни друг друга ни высший класс тем более. Ни общением, ни успехами, ни телодвижениями ни общим поведением. Единственный их выход, но за их счёт, уготовлен для них заранее, как и всё остальное что за счёт не их...

Мировым государством разрешена и только приветствуется работа в сфере оказания платных интим-услуг обоим полам, но параллельно и не в помеху основной работе. Происходит она не в саунах, не в борделях/съёмных квартирах и не на дорогах, а каждой одной продающей себя девушкой (или мужчиной) в каждой одной своей квартире, либо в специальных домах, издав далеко помеченных (а оттого знаемых всеми) тем же горящим знаком что и магазины для взрослых. Не знает «крышевания», «сутенёрства», наркотиков и насилия. Перед размещением её/его объявления о готовности оказывать интимные услуги за деньги, специальные сотрудники проверки проводят медкомиссию, отбор по внешнему виду, общительности, способности устроить полную и близкую имитацию любви, чувств и прелюдий любому клиенту ровно как к своему по-настоящему любимому мужчине/женщине. За некачественное обслуживание, несоответствие соотношению цены/качества, клиент вправе накатать жалобу в органы проверки (работы данной профессии) на этот адрес (её квартиру) или адрес комнаты в том отведённом для этого доме. Три жалобы (от разных клиентов) – запрет работать на один год. Три жалобы по возвращению к работе – запрет навсегда. За десять же положительных (от разных клиентов) отзывов – присвоение разряда, влияющего на зарплату и дальнейшую цену обслуживания (разряд указывается на специальной «карточке», покупаемой клиентом для входа в ту комнату). В трудовую книжку ничего не записывается, считается дополнительным рабочим временем на основной работе, отчисляется небольшой налог государству (на организацию и охрану данной работы и в общий государственный бюджет), остальное (почти всё) на руки. Вместо охранника (в нашем мире при нелегальной проституции – сидящего в закрытой комнате её съёмной квартиры) мини-рация и вызов сотрудников «контроля», чьи отделения находятся рядом с такими местами. На данную работу принимаются граждане не ниже 2-го и 1-го классов, так как от обоих полов 3-го нет никакого толку и способностей ни в жизни ни в этом, нет той половой притягательности, соблазнения и толку в постели. Этот малоспособный слой населения – основной клиент, и основная задача данного труда – временно предоставить такому клиенту самое дорогое и желаемое им чувство «за грубую магазинную расплату», экскурсия в жизнь-награду более высшего и способного класса населения за его труд. Ненадолго. Его пользование данными услугами измеряется считанными часами в год по причине материального положения, не позволяющего это чаще. Остальные пользователи этой услуги, как и в нашей (Земной) жизни – небедные мужчины/женщины, решившие попробовать что-то новое. Каждый работник (работница) данной отрасли не только ждут звонка, но и ходят по ближайшим к их дому улицам, бассейнам, курортам и клубам: строят глазки, подходят знакомиться первыми чтобы затащить к себе в постель (на обслуживание). Но не к каждому, а лишь к обладателю специальных «розовых» карточек/браслетов/маркировок стоимостью в час/два/ночь обслуживания, видимых снаружи, подвешенных цепочкой к руке их купившего (чтобы он не потерял её). Их можно приобрести в специальных магазинах, расположенных рядом с такими заведениями. После покупки продавец сообщает покупателю где к нему подойдёт «знакомиться» девушка, и какого внешнего вида. Если при знакомстве ему этот внешний вид не понравится – до начала обслуживания (заведения в постель) он может прекратить с ней общение, так и сказав ей открыто что отказывается от обслуживания. Тогда она, связанная с про-

давцом этих карточек, сообщит об отказе клиента, а продавец подгонит ему другую девушку в то же место. Если к клиенту в течении долгого времени вообще не подошла никакая девушка, он в праве обратиться в «карточный» магазин с жалобой. Эту девушку (и остальных «коллег») ждут большие выговоры и взыскания. Только по окончанию времени интимной близости с клиентом карточка изымается обслуживателем, превращаясь ему (обслужившему) в деньги. Клиент достаёт и вешает напоказ карточку, когда хочет обслужиться. Такая проституция, ещё не существовавшая в нашем мире в день завершения данного писания, в равнопрогрессизме имеет название «карточная», стоит дороже «апартаментной» (существующей и у нас) (когда она (обслуживатель) никуда не выходит за поиском клиента, а ждёт его в комнатке того дома или в своей квартире), так как к любому оплаченному времени обслуживания в этих апартаментах – в кровати, у «карточной» проститутки добавляется обязанность встречать клиента на расстоянии от них (апартаментов), знакомиться и общаться с ним, вводить в доверие, а также провожать обратно после обслуживания: например в клубе первой подойти к клиенту доставшему напоказ карточку привязанную антикражной цепочкой, и пригласить немного потанцевать, угостить его коктейлем, по босой ноге пролить этот коктейль чтобы клиент его слизывал (если у него дорогая карточка, включающая по стоимости такое гостеприимство), дальше вести в комнату для уединения или к себе домой на время указанное в карточке; в бассейне/на пляже первой подойти к клиенту с карточкой, сначала немного с ним вместе купаться, угостить коктейлем/кальяном (если такой приём знакомства включён в стоимость карточки), далее вести в рядом находящиеся апартаменты-место её «работы». Такой вид проституции более удобен как для её пользователя, так и для обслуживателя: в отличии от «апартаментов» и «выезда», обе стороны встречают друг друга в совершенно непринуждённой обстановке, не в замкнутом пространстве: не ощущается скованность и переживание перед «обслуживанием» как у «персонала», так и у его «клиентуры». Такой вид проституции не знает пьяного или неадекватного клиента, больше защищён от грабительства, до начала обслуживания клиент не волнуется за то как всё будет и что ждёт его, она ли будет та что на фото. Диспетчеры на этой работе лишь для переадресации вызова, основной номер есть личный номер обслуживателя (проститутки/проститута) с высокой степенью вежливости и выносливости. Обязательным правилом является самостоятельно спросить имя клиента, смело дать руку на пожатие, назвать настоящее своё, нежно водить ей – не отпускать первое время, и дальше называть его по имени как можно чаще. Пример: узнав имя «Саша», в дальнейшей беседе употребляется «Саш», «Сашуля». За некультурное общение и даже за общение без настроения и произношения имени, разговора на «вы», а не на «ты» – право на жалобу и соответствующие меры к обслуживателю от высшего руководства (легализовавшего проституцию органа государства). А чтобы клиент не волновался перед звонком и вообще не набирался смелости звонить сам, при выборе апартаментной (более дешёвой чем «карточной» или «выездной») проституции, на сайте объявления предусмотрена заявка всего в два клика: «Хочу встретиться (обслужиться)» и «Укажите время начала и завершения обслуживания», после чего диспетчер будет связываться первым. Возможно, устной связи практически и не бывает: после оформления заявки, на телефон клиента приходит оповещение: «Спасибо что выбрал меня. Жду тебя в (такое-то время) по адресу (дом, этаж, квартира)». Всё очень просто, удобно и доступно. (В «нашем мире» в день завершения данного писания, ответы на звонки как дешёвой так и элитной проституции бывают невежливы с клиентами).

При выборе апартаментного варианта проституции, всё задумано и продумано так, что «театр» этот начнётся ещё с «вешалки», и будет продолжаться по самую «обратно очередь в гардероб». Клиенту дают такую же «карточку», отправляют в душ, а после с этой же «карточкой» он может ходить по коридору выбирая любую незакрытую дверь, где не просто постель и тесная комната, а мини-студия, в которой девушка может встретить его лёжа на столе в окружении еды и предметов босыми ногами вверх – на босых пятках тоже может держаться тарелка

с фруктами; сидя на роскошном декоративном стуле рядом с кроватью, держа кувшин с молоком, куда засунет босую ногу, а потом отшвырнёт. Пример её «работы» – минимум десятая часть того что она сделает за час, показан в сцене танца Сальмы Хейк в фильме «От заката до рассвета» (1996): момент лития вина по ногам чтобы оно слизалось, но в данном случае – это не при всех, а один на один в апартаментах.

Разные стили интерьеров. Разные её одежды. Всё как в фотостудии, только она – не фото-модель в ней, а оказательница услуг. К «Бальзаковскому возрасту» (30-40 лет) никто уже не «работает» – спрос на такое тело у клиента-равнопрогрессиста нулевой, как и на обвисшую с пупом, а не фитнес-фигурой, и уже не гладкой морщинистой кожей: одно отвращение, платы не стоящее. Никаких трансгендеров и прочего извращения.

Целоваться в губы и проявлять чувства к клиенту, показывающие что он и вправду сильно заинтересовал как мужчина (женщина) – святая обязанность каждой проститутки (проститута). Задача проституции – создать полную имитацию чувств и любви женщины к мужчине (или на оборот – в случае мужской проституции). За жалобу клиента на отказ проститутки выполнять данные требования – запрет работать/взыскания.

Так всё это обеспечивает точную копию самых лучших встреч и знакомств любому нуждающемуся в них за его счёт, что справедливо, плюс обеспечивает (налогом с того) государство.

Учитывая проблемы основной категории клиентуры, процесс «допостельной» работы включает в себя остановку возможного и никчёмного тараторства клиента про его совсем не цепляющие на «это» жизнь и хобби, недопущение на то и повода, и начало подготовки его к сексу и мыслям о другом.

Эта работа не считается позорной и нарушающей моральные принципы, так как она выполняет справление естественных человеческих потребностей, а также благотворительную помощь в ней нуждающихся, за счёт них самих, а не безвозмездной! Остальное же время в году оба пола-её услуг пользователя (низшего класса) обходятся самоудовлетворением, и уверенно знают, что всё их ждёт в непрерывном и полном объёме лишь подождать несколько десятков лет – после смерти, в награду за их прижизненный труд, попав в «отпуск» от жизни – в её «Положительное ответвление»!

Когда сотрудники и сотрудницы 3-го класса (обреченные на одинокую старость и смерть) не могут уже самостоятельно передвигаться, они лишаются пенсии, на которую государство покупает им продукты, одежду, лекарства, оплачивает ЖКХ и зарплату ухаживающим за ними сотрудникам.

Ни один сотрудник/сотрудница 3-го/2-го класса не знают брака со 2-м/1-м ради его (её) больших денег и сладкой жизни. Он (1-й) как и 2-й класс женится только на сотруднице своего уровня. Соблазнить и влюбить в себя классу низшему его не получится, и стать любовницей (любовником) ему (ей) тоже – их достаточно у него (неё) в своём кругу. Жизнь с ним тоже будет невозможна: они быстро разойдутся, так как интеллект, способности, интересы и этикет превосходят на класс/на два. Вдобавок, стремящуюся одну из всех нарушить эти устои, принятые всеми с первобытности, осмеют и зачморят хором все коллеги по работе, а также его компания – сразу же поняв её цель знакомства.

После родов/усыновления, мать и отец 2-го и 1-го классов ежемесячно платят государству четверть зарплаты до совершеннолетия каждого своего/приёмного ребёнка, точнее она вычитывается из общей автоматически. На эти деньги он не только полностью бесплатно одевается, учится, лечится и питается 3-4 раза в сутки, но и имеет положенное ему имущество, непродаемое и неменяемое, необходимое для социальной жизни. На примере дня завершения данного писания – мобильный телефон и компьютер (не самые навороченные, но имеющие основные необходимые современные функции), до определённого возраста соответствующие игрушки, включая развивающие. В случае порчи или утери это всё выдаётся повторно,

но спустя срок. Досрочно – по решению соответствующей власти (если порча/утрата не по его вине). Всё и всем выдаётся заново, когда за окном прогресс двинулся, и то что есть – устарело.

Воспитательный дом большой и многоэтажный: помимо общей комнаты где проходят занятия и основное время детей, есть отдельные комнаты 4х4 метра для каждого ребёнка на нескольких этажах соответственно, превышающие количество всех детей – построены с запасом. И это и есть первое официальное жильё каждого жителя этого мира – дитя сотрудника любого класса его населения, что после его совершеннолетия и минимально приемлемой трудоспособности автоматически и бесплатно меняется однокомнатной квартирой площадью 40 квадратных метров в жилом доме.

Воспитывать его можно как у себя самостоятельно (2-му – 1-му классам населения в их просторных квартирах), так и отправлять в этот воспитательный дом на классическую пятидневку или на постоянно (по решению родителей, в зависимости от их свободного времени и желая воспитывать). Но спрятать его и его жизнь от власти невозможно. Раз в месяц каждую школу, воспитательный дом и квартиру любого класса населения проверяет служба «контроля» с правом залезть в любую щель, выявить незаконные предметы и допросить каждого проживающего. Малейшая жалоба от живущего там ребёнка или выявление условий некачественного/халатного воспитания/обращения, моментально переносит его от родителей в воспитательный дом, содержимое которого делает детство, отрочество и юность максимально комфортными, образовательными и эффективными, повышающими и максимально развивающими его личность, и не является негативным воспоминанием первых лет его жизни, в отличие от детдомов, воспитательных домов и интернатов на примере России в день завершения данного писания. При инциденте же в нём, виновные лица моментально подлежат строжайшему наказанию. Сотрудники «контроля» взаимно контролируются более высшей властью на любую нечестность. При себе им запрещено носить крупные суммы денег, строжайшая форма проверки отсутствия и пресечения взяток.

Сотрудники 2-го класса в среднем имеют двоих-троих детей. Сотрудники же 1-го – от пяти до десяти и больше (в зависимости от подкатегории данного класса). Их будущее уже определил Высший разум (в нашем мире – Бог): кто каким классом родится на свет и проживёт всю жизнь – чтобы не было в нём ни недостатка ни избытка ни мозгов ни рабочей силы. Здесь нет религии и церквей, и ему (Разуму) никто не молится и не возводит бессмысленные строения, не совершают обряды, а живут и работают – он и без них во всём разберётся. Но в целом, за счёт нулевой рождаемости от 3-го класса, средней от 2-го и высокой от 1-го, баланс населения на всей планете остаётся равномерным, слегка увеличиваясь по мере возможности мирового прогресса принять понемногу растущее население на новые участки планеты, или на текущие увеличивая высоту строений будущих городов и количество рабочих мест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.